

ЛЕГКИЙ ХЛЕБ АМЕРИКИ

Из разговора двух друзей
Сентябрь 1991 года

- Слышал, Миша в Америку уезжает?
- Хм... На легкий хлеб потянуло?

Предисловие

На радость или на беду – но мы живем здесь уже немало лет. Да, прошли годы с тех пор, как мы радостно махали руками друзьям, провожающим нас в аэропорту Шереметьево, и отправлялись вперед, в Неведомое...

Когда люди здесь спрашивают: “Почему вы уехали из вашей страны?” – совсем нелегко дать ответ. Я бы даже сказала, что это невозможно. Мы пытаемся как-то оформить туманные образы, блуждающие в нашем воображении, мы тщетно пытаемся втиснуть наши мечты в прокрустово ложе слов – и в итоге получаются жалкие невнятные фразы, которые на самом деле весьма далеки от реальности. Они всегда – неправда, по крайней мере, – не полная правда.

Потому что эмигранты – это те, которые мечтают, те, которым всегда чего-то не хватает, те, которые хотят изменить свою жизнь, те, которые всегда надеются, и те, которые вечно пытаются догнать ту призрачную Синюю Птицу счастья. Нельзя научиться быть эмигрантом, им надо родиться.

Они особенные. Это не значит, что они лучше или хуже других людей; они просто иные. Когда будет открыт ген оседлости, тогда, наверное, выяснится, что у эмигрантов его попросту нет. Эмиграция для них – не выбор; это – судьба.

А после того, как они исполнят свою мечту, они стремятся к другой, потом еще к одной, и так далее – до бесконечности. Да, конечно, они – мечтатели. Но, может быть, без них жизнь на этой земле не была бы столь интересна и разнообразна?...

...Итак, несколько лет назад я стала писать книгу. Вернее, не книгу – а заметки о нашей жизни здесь.

Начало это было довольно забавно. Одна из моих приятельниц, художница, всегда жаловалась на то, какая она бестолковая и разбросанная – вот даже резюме написать не может. “А тебе, Оля, – раз ты такая организованная и образованная – тебе прямая дорога в офис,” – любила она говорить. А я внимательно слушала. Но вот в конце концов я и оказалась в офисе – в комнате без окон и без... хотела бы сказать “и без дверей”, да осеклась – дверь все же была, где я сидела, окруженная компьютерами и полками с документами, и где я не видела ни голубого неба, ни яркого солнца, ни зеленых листочков...

И вот посидела я, посидела и спросила себя: “И это – мое?” (К слову сказать, это “мое” не так уж было плохо, это – работа, которая давала нам возможность существовать; она не так уж была неприятна, то есть она была вовсе не неприятна, только скучна; люди меня окружали вполне симпатичные и образованные, так что жаловаться было, конечно, не на что, но ведь всегда хочется чего-то большего...) Так вот это и есть – удел нетворцов? Эта сумрачная комната, темные книги, унылые компьютеры с Ворд Перфектом для ДОСа и серый стол? Ни тебе яркого солнца, зеленой листвы в окошке, ни кистей, ни красок. И вот здесь мое место в жизни? И неужели я ничего более не совершу? И так как мне страшно не

хотелось остаться обделенной в этом мире, я стала напряженно думать, как бы я могла себя проявить. А может быть, я тоже могу творить? А может быть, я напишу книгу?”

Вот так я и начала думать обо всем этом, а поскольку на тот момент моим наибольшим достижением было то, что я нашла работу, то я решила поделиться этим опытом и с другими. Постепенно, однако, план книги изменялся, и она шаг за шагом стала превращаться в книгу о жизни.

Я ее потихоньку писала, но никогда не пыталась публиковать, по одной причине: в моей книге нет главного, а именно, Успеха (и не только в книге, но и в жизни, конечно). Это не история со счастливым концом. Здесь нет “сквозь тернии – к звездам”, или “из Золушки – в Принцессы”. Только тернии, никаких звезд, и нет сияющих нарядов принцессы – только заплатанные платьишки Золушки. Стало быть, американская мечта не была достигнута?

Но что это такое “американская мечта”? Мне эти слова встречались десятки раз, и никогда не было никакого объяснения – потому, видимо, что всем это объяснение или определение было известно давным-давно. Однако не мне. А мне всегда при этих словах представлялась одна и та же картинка: маленький прелестный домик, котенок на крыльце, розовощекие детишки играют на зеленом газоне, и улыбающаяся жена встречает радостно хозяина. Что-то вроде картинок Нормана Роквелла. Счастливая семья за праздничным столом. То есть – успех и благополучие?

Но означает ли “американская мечта” успех в чисто материальном смысле слова? Может быть, есть и другое значение? Может быть, это есть сама жизнь – с ее печалью и радостями, с ее взлетами и падениями, когда ты можешь воплотить в жизнь свои мечты и стремления, когда ты можешь бороться за все, что ты хочешь завоевать? Может быть, это – оптимизм, вера в себя, раскованность, радость жизни? Может быть, в этом и состоит американская мечта? И, наверное, в поисках именно вот этой мечты мы и отправились в столь далекий путь.

1. Начало

Так что же я могу вам написать о “легком хлебе” Америки? Эпиграф к книге – он вовсе не придуман мной, а услышан за столом, в тесной дружеской компании, от одного из моих друзей (но в тот раз речь шла не обо мне). Ему – Володе Юликову – я пришло когда-нибудь экземпляром этой книги с дарственной надписью – ах, знал бы он тогда, когда говорил эти слова (помнит ли он их – или это только я, уже в тот момент твердо зная о своем отъезде, услышала и запомнила их?), и знала бы я, как этот “легкий хлеб” войдет в мое – уж если не литературное, но хотя бы в эпистолярное творчество...

Итак, в июле 1992 года мы приехали в Лос Анджелес.....

Но разве это все началось тогда? Да нет, это началось гораздо раньше, точнее двумя годами раньше, осенью 1990 года.

... Эта очередь совсем не двигалась. Казалось, она двигаться совсем не хотела. Очередь – одна из последних очередей, в которых я стояла в России. Казалось, что самолеты в Нью Йорк не летают совсем, ну а уж если и летают, то берут от силы по 10 человек – именно на это число изменялся мой номер каждый раз. Собственно, это была не живая очередь, а список желающих купить билет в Соединенные Штаты, в Нью Йорк, только туда и летали тогда самолеты Аэрофлота из Москвы. Кто-то держал список, а остальные приходили отмечаться в нем, и получать новый номер в соответствии с проданными ранее билетами. (Стандартная, скажем, ситуация для бывшего Советского Союза! – имею в виду такого вида очереди.) Все это происходило на Фрунзенской набережной в Москве, рядом с кассами Аэрофлота.

У меня было приглашение, была также и виза. Лед тронулся! Наконец-то и мы вкусили немножко свободы! Мы могли лететь куда угодно – включая США, самый оплот империализма!

И мы все рванули за границу, в гости – родители, братья, сестры, кузены – близкие и дальние, и наши бедные недавние иммигранты были в ужасе от этого вторжения. И вот я тоже была среди этих жаждущих поехать, и у меня было приглашение от моей давней подруги, Наташи, к тому времени 10 лет жившей в Бостоне.

За визой в американское посольство надо было, конечно, стоять в очереди, однако не так уж долго – кажется, я отмечалась там всего лишь дня 3-4. До этого у меня уже был опыт приобретения визы – в Германию. Вот не помню, была ли уже тогда объединенная Германия, или все же Восточная и Западная. А почему это я вдруг решила поехать в Германию – у меня были польские знакомые, и вот они по осени ездили в Германию на заработки, конкретно – на сбор винограда. Поляки тогда всюду шустрили по Европе. Челноками носились в Турцию, из Турции – в Россию, опять в Польшу, снова в Турцию... Да вот и в Германию, где – как они говорили – за один день зарабатывали столько, сколько в Польше – за месяц. Русские еще только просыпались. Вот я и напросилась к ним в компанию, и они согласились меня взять с собой. Я точно сейчас не помню, но полагаю, они мне организовали и приглашение из Германии – иначе как бы я могла просить о визе?

В общем, с этим приглашением я отправилась в посольство Германии в Москве – где-то оно было (да и сейчас, наверное, там же) в районе метро Белорусская, только надо было довольно

прилично идти пешком от метро. Там я стояла, отмечаясь ежедневно, не менее 3-х недель, наконец, я получила – и не без тревожных волнений – вожделенную визу, однако она была буквально рассчитана по дням – на 3 недели, ни днем больше, и причем на конкретные даты – скажем, с 9 по 21 сентября.

По здравом размышлении я поняла, что мне будет очень трудно состыковаться с друзьями: вряд ли окажется возможным подоспеть мне к их выезду на машинах с таким моим жестким расписанием. И тем временем я решила заняться визой в Америку. Как уже сказала, там тоже надо было стоять в очереди, и отмечаться, но это было заметно быстрее, чем с Германией. Интервью я прошла, родственников у меня в США не было, семья оставалась в Москве, паспорт даже радостно светился голографической визой в Германию, так что все было в порядке с точки зрения консулата, и визу я получила. (Да, в порядке-то в порядке, но я-таки планировала там остаться!)

Ну что же, приглашение было, виза была – дело оставалось за самолетом. Но очередь не двигалась! Шли недели, ничего не менялось, я устала от вечного хождения на Фрунзенскую набережную, и тут я решила попробовать другой путь – попытаться получить билет прямо в аэропорту, на отходящий рейс. Так сказать, прыгнуть на подножку самолета.

Довольно сумасшедшая идея, наверное, однако мы стали ездить в аэропорт ранним утром, к рейсу. Первые две попытки не были успешными, однако в третий раз мне повезло. Правда, это-таки было не с утра, а вечером, когда мне удалось застать администратора аэропорта, которую я разжалобила каким-то рассказом о необходимости лететь срочно в Нью Йорк. И она дала мне нечто вроде квитанции, по которой я наутро смогла купить билет прямо в аэропорту. После это я еще долго бродила вокруг со скромной коробкой конфет, пытаюсь ей ее вручить в знак благодарности, однако так я больше эту администраторшу и не увидела – и в общем, если бы не вечерний заезд в аэропорт, не улететь бы мне и в этот раз.

И вот, наконец, я была в самолете, направлявшемся в Нью Йорк, где никто не должен был меня встречать, поскольку никто не знал, что я прилетаю. Однако я не боялась. Свобода пьянила меня, я чувствовала, что мне все подвластно, и – действительно, судьба была милостива ко мне.

Люди мне помогали всюду. Я летела в самолете с пожилой супружеской четой, которые ехали к сыну в гости и, конечно, очень волновались, как это все у них будет. У конвейера с багажом я им помогла найти их чемоданы, помогла далее по дороге к выходу. Да я-то и сама была и растеряна, и несколько ошарашена суетой и многолюдием аэропорта после долгого перелета. Что мне в тот день запомнилось – это огромные очереди (ну да, здесь тоже были очереди, однако не за продуктами, а на посадку в самолеты) и то, как они были организованы в зале – такими столбиками соединенными гибкими лентами вроде как лабиринтом, то есть давали возможность очереди формироваться без толкучки и бестолковости. Да, и еще – огромные плакаты: “Do you know your cholesterol number?” т.е. “А знаешь ли ты уровень своего холестерина?” Наверное, это было как раз время начала борьбы с холестерином.

А моих подопечных встречала большая еврейская семья, во главе которой был их старший сын, эдакий огромный бородач. Вот и я там среди них оказалась (Да, хорошо бы было, если бы и меня кто-то встречал!). И я не была забыта: во время объятий и поцелуев эти старики сказали, указывая на меня: “Вот, она нам помогла.”

Бородач был счастлив и немедленно вызвался мне помочь. И его сын, то есть внук приехавших стариков, помог мне связаться по телефону с моими знакомыми, и потом и отвез меня в Бруклин, где я могла остановиться на своем пути в Бостон.

2. Первые впечатления, первые встречи

Итак, меня доставили прямо к дому одной маминой знакомой, Эммы Павловны, которая уже несколько лет жила в Нью Йорке, и парень, который меня привез, втащил мой чемодан на 4 этаж, в квартиру D, где и жила Эмма Павловна. Она жила со своей дочкой Линой, молодой женщиной лет 30-ти, которая в тот момент как раз болела гриппом, и мой приезд не был им очень кстати.

Провела я у них вечер и половину следующего дня; знакомство наше было достаточно далекое – моя мама долгие годы работала и дружила с сестрой Эммы и хорошо знала Эмму заочно, однако они вряд ли когда-либо встречались. Поэтому я себя чувствовала у них довольно скованно, хотя они обе были очень доброжелательны и гостеприимны.

Был октябрь, в Москве уже по-осеннему холодно, я уезжала в осеннем пальто, а здесь были жаркие (хотя и последние) дни лета; окна были раскрыты нараспашку, и все равно в комнатах было душно. Из-за перемены времени мне долго не спалось, и полночи я провела за чтением газеты “Новое Русское Слово”, где меня особо поразили страницы похоронных объявлений, сплошь заполненные фотографиями и выражениями соболезнований. “Одесса!” – коротко прокомментировала мне Лина позже.

С утра я стала звонить Наташе, ее телефон не отвечал, никого не было дома, однако я решила, что, когда я приеду, они-таки уже объявятся – ведь одна только дорога займет у меня около 5 часов! Это, конечно, было неразумно, ведь она могла уехать куда-нибудь в отпуск, однако все же меня не задерживали, да я и сама считала, что это вполне нормально так вот ехать, без предупреждения. Кроме того, у меня были еще телефоны кое-каких знакомых, так что я считала, что не пропаду.

Итак, мне объяснили, как доехать до Центральной станции, откуда уходят все автобусы, Эмма меня проводила до метро, и я отправилась. Добралась до станции, купила билет (стоил он, кажется, долларов 30-50), и – двинулась в путь. Мой автобус выбрался из города, и вот тут я и была поражена Америкой: мне открылись такие бескрайние пространства – холмы, леса, озера, ручьи, небольшие деревеньки (точнее, поселения, поскольку они вовсе не были похожи на наши деревни). Мне-то думалось раньше, что Америка – это “каменные джунгли”, как написал кто-то из наших знаменитых писателей – то ли Маяковский, то ли Ильф и Петров. А оказалось – нет, столько природы кругом, так что какие уж тут “каменные джунгли”! И была осень, и леса были расцвечены разными красками – от желто-золотых до бордовых и даже коричневых. Позже я узнала, что даже существуют специальные туры в осеннее время по восточным штатам – собственно, от Массачусетса и дальше на север.

Ну вот, ехала я ехала – часов 5-6, и, наконец, приехала. Автобусная станция в Бостоне. Надо звонить. По-моему, Наташи все равно дома не было, а было уже часов 8 вечера. В итоге я дозвонилась одному своему знакомому, и после разных звонков нашлась-таки Наташа, которая уезжала куда-то далеко (а было то воскресенье), и она примчалась на станцию вместе с мужем, Эдди, и годовалой дочкой Машей.

Они жили в небольшом городке Свампскотте, к северу от Бостона, милях в 20-ти от него. Там все городки небольшие, однако так плотно расположены друг к другу, что разница между ними неопытному глазу незаметна. Не знаешь, где заканчивается Свампскотт и

начинается, скажем, Линн или Марблхед. Потом, конечно, я увидела то же самое в Лос Анджелесе.

Об этих городках я когда-то читала в Наташиных письмах, которые она писала из Америки после отъезда, эти письма бережно хранились нашей общей подругой Катей и многократно перечитывались нами, я и до сих пор помню некоторые строчки из них. В частности, как Наташа с сестрой Ниной и папой поехали искать квартиру на побережье к северу от Бостона. И вот я наконец-то оказалась в тех местах, которые так много раз себе представляла!

Долгие годы эти слова – Новая Англия, штат Массачусетс – были для меня как волшебная сказка. Наташа уехала в 1980-м, в самом начале марта, уже, похоже, началась афганская война, и они унеслись в последнем эшелоне. По счастью, они ждали очень недолго – всего года полтора подле подачи, в то время, как многих задерживали на годы...

Они приехали в Нью Йорк, после Италии, как полагается – так раньше происходила эмиграция. То есть вызов был из Израиля, ехали вначале до Вены, там была пересадка и те, кто ехал в Израиль – ехали туда, а кто хотел в Америку – то тогда переезжали в Италию, а оттуда уже – в Штаты. Шли письма; Наташа в основном писала Кате, своей ближайшей подруге, и эти драгоценные письма передавались из рук в руки, и – зачитывались до дыр! Надо сказать еще, что большинство советских людей переписки с заграницей не имело, и эти странные конверты, и непонятные обратные адреса – где фамилия была написана в самом начале – буквально поражали нас. В них, в этих письмах, было нечто фантастическое, жюльверновское, инопланетное, вообще – из другой галактики!

Сейчас я уже плохо помню содержание писем, полагаю, что и сама Наташа была поражена открывшимся ей миром. Она так и писала из Италии – “огромный путешествующий мир”! И мы были потрясены не меньше. Странный неожиданный мир открывался нам, и мы видели все это ее глазами. В начале марта в Вене – клубника в магазине, какой-то продукт под названием “йогурт”, еще множество сыров. И: “...сегодня Нина обнаглела: она сказала, что в магазине, где мы раньше все покупали, не такой большой выбор”. Они еще там бегали в музеи, там бывало бесплатное посещение, и в театры – тоже по-моему бесплатно.

Как они жили в Нью Йорке, не помню, Наташа и сама там еще мало что понимала, однако они искали работу, и – наконец – Нина нашла работу программиста в Бостоне, и вот тогда-то они и поехали по побережью искать себе жилье, к северу от Бостона. Вот и я оказалась в тех самых городках, о которых читала в Наташиных письмах. Хоть и много лет прошло с поры тех писем, и много событий произошло, однако – да как, собственно, и сейчас, когда я бываю у Наташи – я очарована как их названиями, так и их видом. И всегда мне кажется, что я где-то в волшебной стране, в той, в которую и попасть никак невозможно.

Они жили тогда в небольшом уютном комплексе, который представлял собой как бы отдельные домики, тесно прижатые друг к другу – так называемые таунхаузы, где весь кусок дома – твой, от подвала до чердака. Конечно, сейчас этим никого не удивить, но для меня это, конечно, было очень необычно. Вот в это первое время я начинала понемножку узнавать Америку – на вкус, на запах, на цвет. Я любила бродить по улицам, заходить в магазины, в церкви, на кладбища... Раз я заблудилась среди совсем, казалось бы, одинаковых улочек, стала спрашивать дорогу, и какой-то человек меня подвез к знакомому моллу, откуда до Наташи уже было рукой подать. Моя первая покупка здесь – бананы. Помню даже цену – 25 центов за фунт. Наташа удивилась, что я купила бананы – и чего это все русские обязательно

покупают бананы? Но я их очень любила, а в Москве они бывали очень редко, и всегда надо было стоять в очереди, и покупались обычно для детей, так что ничего удивительного, что моя рука потянулась именно к бананам.

Магазины меня не очень впечатлили, наверное, потому, что я уже видела их на фотографиях, например, в журнале “Америка”, который иногда попадал ко мне в руки. А еще у нас дома каким-то образом оказался журнал “Сельское хозяйство в США”, где тоже были картинки, так что я как бы считала, что мне не должно удивляться. Собственно, это было уже как прививка, сделанная заранее, чтобы не умереть сразу на месте, в то время, как для людей из СССР это должен был бы быть действительно шок. А вот что меня удивило – так это банкомат, куда Наташа зашла, чтобы взять наличные из банка.

Там я и прожила около двух недель, съездила еще к папиным знакомым в недалекий Вустер (два часа на автобусе), побывала в Бостоне, повозили меня по окрестностям, еще встретила кое с какими знакомыми. И – позвонила Дубининым, живущим в Лос Анджелесе уже год, с которыми я была вместе в нашей католической общине в Москве. Их голоса радостно звучали в трубке: “Олька, ты в нужное время и в нужном месте! Приезжай сюда! Здесь можно найти работу. Конечно, если тебя не очень раздражает вечное лето, голубое небо и пальмы”. Нет, меня это никак не раздражало, а – наоборот – привлекало. И я стала смотреть, как бы туда уехать.

Когда мы стали узнавать цены, оказалось, что билеты на самолет стоили очень дорого. (Хотя позже, когда я уже работала трэвел агентом, я поняла, что мы узнавали в неправильных местах). Так или иначе, был выбран для передвижения автобус, билет на который стоил 150 долларов (из тех 300, которые можно было поменять в Москве). Так что в один прекрасный день Эдди отвез меня на автобусную станцию, и я купила билет. Мне даже казалось, что я могла бы поехать и автостопом, да все же это было бы, пожалуй, черезчур. Впрочем, ни тогда, ни позже я не слышала, чтобы кто-нибудь путешествовал таким экзотическим образом.

И вот совсем недавно мой старший внук спросил меня:

- Оля, так ты что, правда, проехала через всю Америку на автобусе?
- Да, – ответила я, – так оно и было...

Вот я в автобусе, Наташа снабдила меня разными вкусностями – кроме чемодана у меня было, пожалуй, две сумки с бутербродами, с разными соками, конфетами, крекерами, и много чем еще, что должно было поддержать меня в моем трехдневном пути – впрочем, не только три дня мне предполагалось ехать, но и три ночи, т.е. трое суток.

Вообще-то говоря, по пути можно было бы и останавливаться в разных городах по маршруту, а потом путешествие и продолжать, но это было бы и очень сложно для меня при незнании реалий жизни, и к тому же мне бы попросту не хватило бы денег и на еду, и на ночлег. В общем, к таким подвигам я была не готова, поэтому трехсуточное пребывание в автобусе меня совсем не пугало – ездили же мы поездами когда-то на юг, и тоже по нескольку суток, и тоже с кульками с едой.

В общем, сдала я свой чемодан шоферу, и уселась со своими сумками на сиденье. В автобусе было немного народу, так что у меня было рядом свободное место. В общем, только на одном из перегонов я помню полностью забитый автобус, а обычно было более или менее свободно.

Очень скоро из Массачусетса мы въехали в штат Нью Йорк, и вскоре приехали в столицу штата Олбани. Что меня весьма удивило, так это то, что столица не Нью Йорк, а такой маленький городок – позже оказалось, что это весьма обычное явление.

Автобус ехал, делал остановки на дорогах в разных больших и малых городах, шоферы менялись, очень часто бывали и женщины. Поездка меня в целом не утомляла, вполне можно было спать, откинув сиденье, единственно, что было плохо – это то, что автобус всегда останавливался ночью где-нибудь и его либо чистили, либо меняли, т.е. по ночам всегда надо было из него выходить, что конечно, несколько омрачало мое путешествие. Вот в следующей главе я представлю свой дорожный дневник, чтобы осветить мое путешествие более детально.

3. Путевой дневник

Кстати (кстати к описанию моего путешествия) я не так давно прочитала книгу Ильфа и Петрова “Одноэтажная Америка”, о которой, конечно же, знала и раньше, но никогда она мне не попадалась. Стала читать, и оказалось, что это очень интересно увидеть Америку их глазами, видеть то, что и они, удивляться тому же и радоваться тому же – в общем, узнавать себя в них. Однако с ними я себя соотносила не ту, коготорой была, когда ехала на автобусе, а уже спустя годы, когда мы тут тоже сами стали ездить по стране и открывали ее для себя. Ну и конечно, по сравнения с ними, у меня были совсем не такие возможности, как у них – это был автобус, не машина, сопровождающих тоже не было, как и знакомых по всей стране и рекомендательных писем. Однако я тут по мере моего продвижения по Америке буду как-то проецироваться на их путешествие. И одновременно скажу, что здесь – и в дальнейшем – я буду выделять курсивом мои теперешние замечания, поскольку книга писалась достаточно давно.

А вот и отрывки из моего дорожного дневника.

23 октября, 1990.

Отъезд: 12 часов дня.

13.30. Проезжаем Вустер. Кругом все те же леса, густые и красивые. Клены, березы, ивы, ели, сосны. Удивительное разнообразие деревьев. Дорога – как я понимаю – номер 90. Пробка, или – как они говорят – траффик. (Хотя traffic, как я помню из словаря – попросту означает “дорожное движение”). В данном случае траффик – из-за ремонта дороги (уж сколько этих траффиков я насмотрюсь потом!)

Я ехала из Бостона, а Ильф и Петров – из Нью Йорка, но маршрут у нас пролегал местами очень близко. Наш путь вел на север, к Великим Озерам и Чикаго.

14.45. Холмистая местность, сплошь покрытая лесом. Каменистые спуски к дороге, которая вьется среди холмов. Леса – зелено-желто-ржаво-оранжевые. Какое-то озеро справа. К сожалению, идет дождь. На дороге много указателей – номер дороги и выходы. Ремонт дороги – масса указателей, красных тумб, стрелок, в том числе светящихся. До Олбани – 46 миль. Вершины холмов окутаны облаками – не потому, что холмы столь уж высоки, а потому, что облака низкие.

Обе половины дороги разделены газоном и ограничительной полосой посреди него (на уровне полуметра), а местами – приблизительно 20-метровым газоном, деревьями и кустами. Наши писатели были дорогами тоже очень впечатлены:

“Дороги – одно из самых замечательных явлений американской жизни. Именно жизни, а не одной лишь техники. Соединенные Штаты имеют сотни тысяч миль так называемых highways, дорог высокого класса, по которым идет регулярное автобусное сообщение... В любое время суток, в любое время года, в самую скверную погоду бешено мчатся по Америке пассажирские автобусы. Когда видишь ночью летящую через пустыню тяжелую и грозную машину, невольно вспоминаются бретгартовские почтовые дилижансы, управляемые отчаянными кучерами... Америка лежит на большой автомобильной дороге...”

Выезжаем из Массачусетса и попадаем в штат Нью Йорк. Платные дороги – на каждой стороне по 5 ворот, где платят служителю деньги. Не знаю, всюду ли одинаковая оплата, но есть, например, 50 центов. Хотелось бы ехать быстрее, но они соблюдают правила и более 50 м/час – где есть ограничение – не ездят! Но сейчас и туманно местами, и дорога мокрая, так что это неплохо. Две стороны дороги снова очень далеко друг от друга, противоположную сторону даже и не видно.

17.00.

В Олбани стояли около часа, затем молодая хрупкая девушка проверила у нас билеты, и, к моему удивлению, села за руль. Говорят, она хороший водитель. Дождь сильный, в автобусе народу немного прибавилось, Справа какая-то река. Холмы, леса. Грейхаунд, я смотрю, компания посolidнее, чем Питер Пэн. Автобусы вроде такие же, но терминалы – получше. Есть кресла с телевизором. Сиди и смотри. Но хорошо, что из Нью Йорка я поехала на Питер Пэн. – терминал существенно ближе к Северному побережью. А к автостанции Грейхаунд мы ехали чуть ли не через весь Бостон.

Леса стали как будто пореже, перемежаются с полями.

Как оказалось, автобусная компания Грейхаунд (Серая борзая) уже существовала и в 1935 году, когда Ильф с Петровым пересекали Америку. Они как раз встретили застрявший автобус Грейхаунд на перевале в Скалистых Горах. В то время еще не была проложена скоростная дорога в горах, поэтому на грунтовых участках пути бывали и неприятные происшествия, вот как раз автобус и застрял в грязи.

18:30. Город Юника. Ничего про него сказать не могу – уже темно. Здесь вообще темнеет гораздо раньше, чем в России. Спросила – сколько будет стоять автобус? Ответили: пару минут. А стоим уже минут 10. На остановках вполне можно перекусить, но это просто для меня дорого. Гамбургер стоит 3 доллара., стакан чая или кофе – 75 центов. *Ну конечно же, мне меняли деньги уже из расчета 6 рублей на доллар, то есть получалось, что кофе, к примеру, стоит 4 рубля, в то время как в России ему цена была бы около 50 копеек. Ну а про гамбургер и говорить не приходится. Так что не удивительно, что мне эти цены на тот момент казались высокими.*

20 часов. Город Сиракузы (!). И опять – новый шофер. Сейчас это темнокожий. *Вот тут и карта – кстати к моему путешествию, к его началу. Я всегда любила карты, и эта любовь меня и завела совсем не туда, куда надо бы... Но об этом – потом...*

Да, названия городов частенько удивляют – вот потому у меня в скобках восклицательный знак. Такой небольшой – и вот тебе – Сиракузы! Есть где-то здесь и Троя, и Ганнибал, и Карфаген, есть Шанхай и даже Петербург (и не один). Ильф и Петров были тоже весьма впечатлены подобными названиями.

24 октября.

И вот утро следующего дня. Ночью была пересадка в Кливленде (в 3:15 утра) – смена и автобуса, и, конечно, шофера. Пришлось простоять около часа возле выхода. Удовольствия мало, хотя не так уж и тяжело. После этого автобус оказался полностью забитым – все места заняты. Хорошо, что я села у окна – можно менять положение при сне. И пальто мне помогло – я его использую как подушку.

Наутро в 8 часов шофер радостно закричал: “Meal!” (“Еда!”) – и я поняла, что стоянка будет не очень короткая, и, отряхнувшись ото сна, побежала в туалет, а потом купила стаканчик кофе и пила его со своими бутербродами.

Пейзаж сейчас очень напоминает среднюю Россию – леса перемежаются с полями. Похоже, что леса лиственные, хвойных деревьев я не вижу. Поля – кукурузные, уже в основном сжатые. Начинается солнечный день, из области дождей мы выехали.

В 12 часов прибыли в Чикаго, в 13:30 – уехали. Но время у меня все еще восточное, надо часы уже перевести. Сейчас 16 часов по восточному времени. Автобус неполный, есть свободные места. Я сижу с одной пожилой дамой, с которой разговорилась на стоянке. Она – полька по происхождению, родители из Польши, но родилась она уже здесь. Едет из Мичигана к брату в Денвер. Это должно быть около суток езды. Она, как сказала, предпочитала сесть со мной, нежели неизвестно с кем.

В Чикаго было холодно, 50 по Фаренгейту (т.е. около 10 по Цельсию), но ведь мы все на той же широте, что и Бостон (или приблизительно на той же). Небольшой кусочек дороги шел по берегу озера Мичиган, одного из Великих озер. Вода – как море!

Сейчас лесов почти нет, кругом поля, кукурузные – или сжатые, или стоит еще кукуруза, но совсем желтая. Виднеются и дома, которые находятся на значительном удалении друг от друга – это, наверное, фермы.

Поля, да и леса часто (а может быть, и всегда?) окружены заборчиком из сетки, высотой не более метра – наверное, это границы частных владений. Небо голубое, немного облаков.

18:30 (Восточное время) Переехали Миссисипи (!) и оказались в Айове. Старая шутка: “Соревнуемся с Айовой... Получается – фигово...”

Кругом – поля до самого горизонта, скошенные, нескошенные, местами вспаханные и зеленеющие.

25 октября

Часы уже перевела два раза – на 2 часа назад. Сейчас утро 25 октября, штат Небраска, какой-то Мак Дональдс в чистом поле, где мы остановились на завтрак.

Вчера был Айова-Сити (Iowa-City), очень приятный город, с деревьями, напомнивший мне Вустер. Там есть университет и/или колледж – по крайней мере, соседка упомянула о колледже, и я сама видела надпись – “Университет”.

Была остановка в 12:30 ночи в Омахе. Не пересадка, но подготовка и чистка автобуса. Хоть и не пересадка, а радости мало. Час с лишним там торчали. Спать в автобусе все же трудновато.

Эти остановки на завтрак и на ужин очень приятны. Такие аккуратненькие дорожные ресторанчики. Наверное, они недорогие, но для меня, несомненно, цена, например, кофе за

75 центов весьма высока. Но все же я и кофе, и чай уже покупала. А сегодня меня угощала моя приятельница, о которой я уже рассказывала выше.

Кругом – поля, какие-то вроде как лесочки из невысоких деревьев, напоминающих молодые березки или осины. Листва – желто-оранжевая. Небо – ярко-голубое, солнце сияет.

Разговор с филиппинцем. Иммигрировал 10 лет назад. Работал шофером. Сейчас – не знаю, кем. Говорит, работу шофера найти легко.

Поля – опять вроде кукурузные, частично скошенные, частично – нет. Попадаются стада коров.

А вот отсюда, оказывается, совсем недалеко до Ганнибала (!), городка, известного тем, что это родина Марка Твена. Я об этом тогда, конечно, не знала, да и вряд ли мне бы удалось отклониться от моего маршрута, а вот у Ильфа и Петрова это было запланировано. Так что они увидели и дом Сэмюэля Клеменса, и напротив него – дом Бекки Тэтчер, и пещеры за городом, где Том и Бекки заблудились, и у входа в пещеры – прекрасный памятник литературным героям – Тому и Геку.

Штат Колорадо.

12 часов дня местного времени. Городок Стирлинг (или Стерлинг?) и еще какой-то вслед за ним. Пятиминутные остановки. На солнце жарко. Небо голубое, ни одного облачка. И несмотря на то, что здесь теплее, растут хвойные деревья – сосны и даже ели.

На горизонте появились горы – Rocky Mountains (Скалистые Горы), так назвала их мне моя соседка.

В Денвере была, как водится, пересадка – их, оказывается, никто из путешествующих не любит. Хорошо, что хоть днем. Пробыли там около часа и уехали в 14:30 – или, как здесь принято говорить, – в 2:30 p.m. Через час въехали в горы. Сначала они были – как холмы, покрытые лесом, и напоминали мне Карпаты. Далее мы обнаружили заснеженные склоны, подъемники и горнолыжные трассы. Леса в основном хвойные, но много и лиственных деревьев, которые сейчас стоят голые – уже облетели листья.

И вот где-то тут и стоял застрявший автобус Грейхаунд, который я уже упоминала. Вот как пишут об этом наши писатели:

...“Посреди этого самого дедура (что есть объезд), состоящего из размокшей розовой глины, стоял боком голубой двухэтажный рейсовый автобус компании “Серая Борзая”, шедший в Лос Анджелес. Автобус стоял, накренившись, как корабль, налетевший на рифы. Ему на помощь шел ярко-желтый гусеничный трактор – дорожный плуг.”

Наверное, мы высоко – уши закладывает, как в самолете. Очень красиво. Дорога, конечно, очень широкая – по 2 с лишним ряда в каждую сторону. По обеим сторонам дороги то там, то сям – какие-то селения, похожие на кемпинги, а также отдельные домики – возможно, дачи. Автобус идет бесшумно, как будто плывет (или лучше – летит, парит). Это, видно, мы уже спускаемся, и он едет с выключенным двигателем. Разве это можно?

После города Eagle, где остановились на 30 минут, дорога вниз пошла по ущелью. С обеих сторон – скалы, поросшие местами лесом, внизу – долина реки. Дорога в разных уровнях, освещенные золотые тоннели.

26 октября

Утро, 7:30 – время Тихоокеанское – ну, наконец-то!

Автобус был полон всю ночь, и поэтому сидеть пришлось на одном сиденье, а не на двух, как в предыдущую ночь.

Дорога этой ночью шла по пустыне, через штат Аризона и Нью Мексико, но мне видом пустыни насладиться не удалось, могу только опять же отправить к нашим писателям за цитатой:

“Мы проезжали “painted desert” – “окрашенную пустыню“. До самого горизонта, подобно штормовому океану, волны которого внезапно окаменели, тянулись гладкие песчаные холмы. Они налезали друг на друга, образовывали гребни и жирные круглые складки. Они были чудесно и ярко раскрашены природой в синий, розовый, красно-коричневый и палевый цвета. Тона были ослепительно чисты...”

В 6:30 приехали в Лас Вегас. Это было потрясающее зрелище – сначала огромное зарево на небе, задолго до того, как приехали. Еще темно, ночь, и сколько видит глаз – раскиданы тысячи сияющих звезд. Город казино.

Довольно быстро рассвело – пока пили кофе, стало совсем светло. Игральные автоматы стоят вокруг на станции.

Мы были тогда не на стрипе (т.е. на той улице, где сосредоточены все казино), а в даунтауне, где и находится станция Грейхаунд. То есть мы Лас Вегас по сути не проезжали, а только по скоростной дороге, с краю, так что ничего вообще увидеть не удалось. Много позже, когда я бывала в Лас Вегасе, он меня всегда поражал (да и продолжает поражать) своей сказочной красотой и необычностью. А что касается Ильфа и Петрова, то на них, как оказалось, Лас Вегас не произвел вообще никакого впечатления:

”Проснувшись утром и выехав на улицу, мы увидели город Галлоп (это у них такой символ небольшого стандартного американского городка) во всем блеске его газелиновых колонок, аптек, пустых тротуаров и забитых автомобилями мостовых... Скучно было смотреть на это однообразное богатство...”

Наверное, все же, они в казино вообще не заходили... А ну да, конечно:

“В Лас Вегасе мы остались ровно столько времени, сколько понадобилось для того, чтобы съесть в аптеке “брекфест намбр три”, и, развернувшись возле сквера, где росли столбы электрического освещения, ринуться вон из города”.

Думаю, они боялись остаться в казино навечно, лишь единожды заглянув в него...

(А вот тут я, похоже, права - при более внимательном изучении истории Лас Вегаса я обнаружила, что в то время там и казино-то еще толком не было!).

От Лас Вегаса до Лос Анджелеса – около 6 часов езды. Временами то справа, то слева стоят казино, весьма причудливой архитектуры (вроде как мавританские дворцы) и зазывают всеми возможными способами, в том числе крайне дешевой едой: кофе – 25 центов, весь завтрак – за 1 доллар, и т.п.

Дорога уходит вперед, ровная, как стрела, серая среди оливковых пологих холмов, покрытых скудной растительностью. Справа и слева разнообразные кактусы, иногда целые их рощи, а также небольшие деревья, напоминающие карликовые сосны. Это – Джошуа (Joshua Tree), деревья, растущие в пустыне Мохаве. *(Они хорошо горят в костре – как мы узнали значительно позже, когда ездили на пикники в пустыню).* Дорога поднимается вверх, потом медленно спускается вниз. Впереди – Лос Анджелес.

4. Впервые в Лос Анджелесе

Дубинины (мои старые московские знакомые) в полном составе (Кира, Леня и дети) меня встретили на станции компании Грейхаунд в Даунтауне. К счастью, это было не очень далеко от их дома. Слегка ошалевшая от поездки я во все глаза глядела вокруг. И солнце, и пальмы – и все это в октябре – были как сказка для меня. Да и много чего было здесь необычно, сильно отличающимся от Восточного побережья, начиная от названий улиц и городов (Санта Моника, Сан Бернардино, Санта Анна...) и до испанской архитектуры домиков с белыми стенами, красными черепичными крышами, мозаичными лестницами, расцвеченными арками... Они жили тогда на Олимпийском бульваре в Беверли Хиллс – кстати говоря, бульвар был назван Олимпийским в честь Олимпиады 1934 года в Лос Анджелесе. И вот даже сейчас, проезжая иногда по бульвару, я с нежностью смотрю на этот небольшой домик, где в гостиной на диване я провела свои первые месяцы в Лос Анджелесе.

Дом небольшой, двухэтажный, квартира на 2 этаже, кондиционера практически не было (т.е. как в общем чуть ли не всегда в наемных квартирах он еле работал и практически не давал холода). Квартира с двумя спальнями и с одной ванной. Дом давней постройки, но вполне еще хороший – мне даже и сейчас он представляется вполне приличным. Плата за квартиру тогда была 900 долларов. Леня уже работал тогда как исследователь в одном научном центре, а Кира делала только свои самые первые шаги на поприще художника.

Дети учились в католической школе в Беверли Хиллс, и Дубинины были этим очень счастливы. Они-то сами, впервые приехав в Лос Анджелес, остановились в квартире своего спонсора Джеймса, в одном из высотных домов неподалеку, и как-то, гуляя по Беверли Хиллс, наткнулись на католическую школу – школу Доброго Пастыря на Линден Драйв. В то время в России ничего подобного и близко не было, так что можно было себе представить их восторг. Директрисой тогда была сестра Лионелла, они с ней переговорили, и детей туда приняли. Поначалу им было очень трудно по незнанию языка, но очень скоро уже дети после школы щебетали по-английски на заднем сиденье Лениной машины, чем вызывали бесконечное умиление родителей.

Как я уже сказала, Леня работал в научном центре исследователем (он биолог по специальности), а Кира, которая в Москве была график-дизайнером, стала писать картины. Она очень хороший художник, сейчас периодически выставляется, а тогда начала вдруг писать картины, постепенно привыкая к жизни в Америке. Вот в то время, о котором я говорю, она написала несколько портретов, а еще у нее была интересная работа – это коты их менеджерши, Эдны. Та очень любила котов, у нее их было несколько в разное время, так вот Кира написала картину, собрав всех котов вместе на одном холсте. А самый любимый Эднин кот заслужил отдельного портрета, где он красовался на фоне американского флага.

Еще, однако, в Москве оставались Кирины родители и старший сын, и это служило источником большой печали и тревоги, так что с моим приездом мы с Кирой обсуждали всесторонне иммиграционную проблему, поскольку эта тема очень вплотную касалась нас обеих. Леня даже купил нам книгу (даже не книгу, а книжищу!), которую поначалу мы читали в библиотеке Беверли Хиллс – “Иммиграция – это совсем нетрудно!” (“Immigration made easy”) Вот там у них я и поселилась на диванчике – широком и удобном – в гостиной, выходившей окнами прямо на Олимпийский бульвар. Конечно, днем там было достаточно шумно, однако мне это совсем не мешало.

Что касается моей ситуации, то еще до моей поездки (и было это по крайней мере за полгода до того), я взяла в посольстве США иммиграционные анкеты. Это было такое нововведение; раньше эмигранты уезжали по израильским визам, ехали через Вену, а там выбирали себе маршрут – или Израиль, или США. Те, кто ехали в США, перемещались в Италию, и там ждали въездной визы. Иногда это длилось месяцами. Теперь же американская сторона решила себе упорядочить поток иммигрантов из СССР, и вот – анкеты выдавались прямо на месте, в столице, в Москве. Конечно же, надо было опять становиться в очередь, то есть где-то записаться, потом – отмечаться, но в итоге вожделенный день настал, и на каждого записавшегося в очередь давали 5 анкет. Да, со мной было еще четыре моих подруги, однако, никто из них в Америку так и не приехал.

Так вот, анкеты я заполнила, и бросила их в огромный почтовый ящик у американского посольства, и они пришли в так называемый Центр обработки заявлений в Вашингтоне, откуда я через некоторое время получила уведомление о получении анкет и о присвоении мне номера. И по-моему, это все происходило уж если не той же осенью, когда я приехала в Америку, то, наверное, весной, в общем, не очень задолго до моей поездки (кто б сказал поточнее? – “иных уж нет, а те далече...”). Однако никаких более знаков от Центра не приходило, поэтому мне надо было каким-то образом решать дело на месте, т.е. из Лос Анджелеса, что все же было как бы легче, чем из Москвы – так мне казалось тогда и, возможно, даже справедливо.

Так что я и стала звонить в Вашингтон, чтобы выяснить статус своего дела. Тут, кстати, и выяснилось, что мои шансы на иммиграцию были совсем невысоки (или даже вовсе ничтожны), так что мне пришлось вспомнить историю католической общины, членом которой (вместе с Кирой и Леной) я когда-то была, и о тех преследованиях, которым мы не так-то давно подвергались. Кира и Леня меня всячески поддерживали в моих начинаниях, так что мы вместе сочиняли письма, которые я писала в Вашингтон.

История католической общины в Москве (традиционно православной стране) конечно, очень интересна и не совсем обычна, и я постараюсь ее описать ниже.

Итак, переписка с Центром была одним из моих дел, а кроме того, надо было пытаться искать работу. А что, собственно, я могла искать? Разве что работу няни или домработницы. Я стала просматривать объявления в газетах, даже пыталась куда-то звонить. Помню, позвонила куда-то по объявлению в газете “Беверли Хиллс Индепендент”, ну пока говорила, Кира мне из кухни закричала: “Да скажи ты, что ты PhD (то есть кандидат наук)”! – полагая, видимо, что это может придать мне весу. Ну я и сказала, но результата это никак не принесло.

Из русских газет в Лос Анджелесе была в то время одна только “Панорама”, но в дубининском доме ее обычно не бывало. Как-то раз я ее купила, потом даже ездила в редакцию (вот уж для чего – и не помню, кажется, хотела дать объявление), но в общем, с Панорамой дело так и закончилось ничем, в смысле, что никакой информации я от нее не почерпнула, ну а если и почерпнула, то в любом случае, она для меня не сработала.

А с Леной вместе работал сотрудник, Алек Корвен, у которого недавно родился ребенок, и его жена Карен искала для этого ребенка няньку. Леня неоднократно предлагал Алеку меня в работницы, но они все медлили, полагая, что “бабушка” (с ударением на у) не сможет справиться с ребенком. Но все же Леня однажды нажал на Алека, чтобы они на меня хотя бы

посмотрели, и нас пригласили к ним заехать. Мы поехали всей семьей – Кира и Леня с детьми (совершенно очаровательными, как с картинки), которые чрезвычайно украшали и облагораживали наше взрослое трио.

Был какой-то разговор, содержания которого я не помню, и через несколько дней Карен позвонила мне и сказала: “Вот, ты была у меня на интервью недавно...” (Я про себя крайне изумилась, я не представляла, что нашей беседе будет придан такой важный статус!). В общем, она мне предложила эту работу и вот так я и работала у Карен с мальчиком Максом, который сейчас уже совсем взрослый человек. Обязанности были, разумеется, несложные, вполне привычные для советской женщины, и я достаточно хорошо с ними справлялась, в особенности, будучи невероятно счастливой от такой удачи.

Карен ко мне относилась чрезвычайно хорошо, она считала, что няня должна быть довольна, тогда и ребенку будет хорошо. Она даже мне предлагала ходить с малышом по магазинам, чтобы самой развлекаться, что однако я не считала полезным для малыша, поэтому я не часто пользовалась этим ее разрешением. А вот где я любила особенно гулять – это на территории университета – Калифорнийского университета Лос Анджелеса, UCLA. Московские институты выглядели совершенно иначе, и UCLA меня совершенно поразил. Эта огромная территория, деревьям цветы, статуи, скверы, магазины, кафетерии, библиотеки... В библиотеку можно было запросто придти, с коляской и с малышом, сесть и прочитать любую газету или журнал – в частности, там был журнал “Огонек”, который я и читала. А еще я любила бывать в укромном тихом уголке под пушистыми калифорнийскими соснами. Как будто это был не город, а какая-то сельская местность.

Вашингтонский центр мне никак не отвечал, тогда Дима (мой муж) прислал мне из Москвы с оказией протокол обыска на нашей квартире, а также вызов на допрос в Лефортовскую тюрьму. Я все это скрупулезно скопировала, перевела как могла, переписала от руки, и отправила в Вашингтон. Вот тогда дело и сдвинулось с мертвой точки!

И наконец, где-то весной, примерно, в марте, когда я позвонила в Центр, мне сказали, что нас вызывают на интервью в Москве в американское посольство, и пакет с бумагами уже выслан.

И в самом начале июня я уехала в Москву, мы прошли интервью, собрались, и уже через год мы приземлились в Лос Анджелесе. Это было 19 июля 1992 года.

4. Католическая Община

В предыдущей главе я уже упомянула о католической общине, к которой я принадлежала, сейчас скажу о ней несколько слов. Это может звучать странно – “католическая община”, поскольку в массовом представлении Россия – страна православная. Откуда ж католики?

Чуть-чуть предистории. В СССР всякое инакомыслие пресекалось и преследовалось. После некоторого послабления режима в конце 50-х – начале 60-х, снова начались репрессии против небольшого количества людей, которые тем или иным образом не вписывались в предписанные правила поведения советских людей.

Так, состоялись суды над писателями, издавшими свои книги за рубежом; также судили тех, кто выступал против вторжения войск в Чехословакию, так были высланы некоторые писатели и поэты (как бы в продолжение доброй традиции Ленина, который в 1921 году милостиво собрал целый ряд ученых и философов, посадил на пароход и отправил за границу. “Милостиво” - потому что иначе мог бы расстрелять).

Вот такое было время. Если говорить о религии, то – согласно конституции – каждый человек имел право на свободное вероисповедание. Но... конституция – конституцией, а жизнь – жизнью. Религия была подавлена в Советской стране очень давно, еще с 1917 года. Многие ее служители были отправлены на расстрел, в лагеря и тюрьмы; почти все церкви были закрыты, находились в запустении или же были превращены в магазины или склады. И – хотя в 60-х – 70-х такого уже не было, и церкви существовали, однако их обычно посещали старые люди, в основном, женщины. К примеру, моя бабушка ходила в церковь на большие религиозные праздники.

Что касается тех, что помоложе, то посещение церкви было не то чтобы опасно, однако могло иметь различные негативные последствия, связанные, в основном, с положением на работе. Поэтому даже если люди решались, скажем, крестить детей (даже не бывши религиозными, однако, отдавая дань традиции) то они делали это тайно, на дому. Кстати сказать, даже позже, в конце 80-х, во времена Ельцина, одного преподавателя уволили с работы за крещение ребенка в дальней деревне в Тульской области.

В общем, мы все – т.е. мое поколение – были совершенными атеистами, как и наши родители, которые и не знали другой власти, кроме советской, и были крайне невежественными в вопросах религии. И поэтому когда мне попали в руки для перепечатки странички катехизиса, меня это очень заинтересовало. Оказалось, что существует некоторая группа людей (в числе которых были некоторые мои знакомые), которые собираются на дому, изучают основы религии (вот по этим самым учебным пособиям), а также проводят религиозные службы. Священником был тоже мой старый коллега по работе, мы вместе работали в одном научно-исследовательском институте.

Так и я включилась в это дело и постепенно пришла к религии. Я, конечно, была совершенно нерелигиозна, несмотря на то, что меня крестили в младенчестве в православие. (Конечно, тайно, на дому, соседом-священником). Россия – вообще страна традиционно православная, хотя и там имелись кое-какие немногочисленные общины различных протестантских течений. Были и католики, хотя и очень малочисленные; и это тоже преследовалось в различных ситуациях. К примеру, одну мою дальнюю родственницу сослали в Сибирь за то,

что она решила отпеть свою умершую мать, католичку, в католическом храме. Это было уже при советской власти.

Мои старые-новые друзья были как раз католиками. Нам всем была больше по душе строгость и простота католического храма, короткая часовая литургия, служение на родном языке (что было не так задолго до того решено на 2-м Ватиканском соборе), возможность обучения религии (т.е. катехизация) – все то, чего не было в православной церкви в то время.

В те времена в Москве был лишь один католический храм, и он находился вблизи КГБ, именно буквально сзади этого огромного здания, на улице Малая Лубянка. Очень удобно для наблюдения. Существовал он для иностранцев, а также как демонстрация свободы религии в Советском Союзе. Сейчас их тоже немногим больше, восстановили костел на Малой Грузинской, а также вернули храм, в котором был какой-то научный институт.

По воскресеньям мы собирались на чьей-нибудь квартире, шли занятия и потом – месса. Начинали мы ее песней на стихи Алика Зорина «В веянье тихого ветра»; под аккомпанемент гитары. Я радостно окунулась в эту иную жизнь, это был такой тип эскапизма, бегство от социалистической реальности, жизнь в найденной нише, и – одновременно – некоторый протест против окружающего строя. Одновременно это был тип социальной активности – общение с подобными. Я включилась и в так сказать, общественную деятельность; занималась перепечаткой материалов, переводами; мой муж делал слайды для наших праздников.

У нашего священника были еще группы, а кроме того, еще жена вела группу детей, куда я позже пыталась вовлечь своих детей, однако – безуспешно. Впрочем, может быть, успех и был бы, однако они успели побывать лишь на одном-двух занятиях, а потом все и началось – т.е. разгон общины.

Мы так радостно существовали не более года-полтора, и в какой-то момент нашей общиной заинтересовалось КГБ – ну а как же иначе? Священника посадили в Лефортово (это самая страшная тюрьма КГБ); там они все про всех уже знали; так что многого он сообщить и не смог. Надо было уничтожать свои персональные архивы; ведь в доме хранилось множество запрещенной литературы, не говоря также о моих переводах и других документах. Надо было прятать и потом уничтожать пишущую машинку, мою прекрасную Эрику – это само по себе является отдельной песней.

У нас в квартире был обыск; длился 7 часов. На тот момент уже все возможное было из квартиры вывезено; изъяли только библию, фотоаппарат и какие-то мелочи. Вызывали и на допрос в Лефортово. Я всерьез не боялась; откровенно говоря, я совершенно не верила, что возможен, мягко говоря, неблагоприятный исход, то есть, суд и тюремное наказание. Говорили позже, что предполагалась передача по ТВ, где бы наш священник должен был бы каяться публично и просить прощения – такие вещи с инакомыслящими также практиковались в Советской стране.

Но – тем не менее – неожиданно дело было приостановлено; говорили, что Горбачев хотел наладить отношения с Папой Римским, Иоанном-Павлом II, и все спустили на тормозах. Священника выпустили из тюрьмы, и – мало того – ему разрешили уехать за границу, и он уехал в Швецию. КГБ занялось членами общины позже, через год, когда по всем нашим рабочим местам проехали их эмиссары с рассказами о нашей антисоветской деятельности.

Возможность дать нам дальше работать или нет была возложена уже на наше местное начальство. Многие – в том числе и я – потеряли работу.

Много чего еще было, и я собираюсь написать об этом подробнее, но уже не здесь. Но так или иначе, мое участие в общине, и те преследования послужили поводом для того, чтобы мы смогли получить разрешение на въезд в Соединенные Штаты.

6. И вот через год...

Итак, через год после отъезда из Лос Анджелеса, в июле 1992 года, мы приехали назад. “Мы” – это моя мама, мои сыновья – Женя и Тема – и я. Мой муж, Дима, задержался в Москве из-за собаки, так как я не хотела нагружать своих друзей поиском квартиры для нас с собакой – это гораздо труднее, чем просто снять квартиру.

Приезд, аэропорт, встреча с друзьями, поселение в квартиру – все было в эйфорическом тумане. Но вот улеглась суета после приезда, были разобраны вещи, и я немедленно стала думать о работе. Впрочем, эта мысль была со мной всегда, еще задолго до отъезда, но тут она уже становилась насущной необходимостью, условием для выживания. Ах, ничто уже не радовало – ни синее небо, ни кочанчики пальм на высоких стволах, устремленных ввысь, ни яркость солнца, ни красочная палитра города...

Леня однажды сказал: “Ну, что же, вот ты найдешь работу – что-нибудь месяцев через пять...” “Через пять?! – молнией сверкнуло у меня в мозгу. – Нет, это невозможно! Не более, чем через месяц! Хоть нянкой, хоть кем!” И тот же Леня сказал мне позже: “Ты должна работать по специальности.” В общем, это была правда – в особенности по отношению к тем, кто всю жизнь проработал в одном месте. Да и кем иным мог бы этот некто себя предложить?

И после всех увещаний Лени я постаралась понять, что же это такое – “моя специальность”. А вот тут как раз может быть и было бы уместно рассказать подробнее о себе, а тем более – о своих предках, и ближайших, и отдаленных. Однако я оставлю все же это на потом, для следующего издания книги, иначе моя работа затянется еще надолго. Здесь я только отмечу – по-базаровски – что “мой дед землю пахал”.

Да, итак о специальности. Я получила диплом инженера, закончив с отличием институт в Москве, но сразу же после окончания пошла учиться в аспирантуру, защитила диссертацию. Все мои годы учебы были далеко позади, и моя американская одиссея начинается с моих 50 лет. Итак, после аспирантуры я занималась научной работой в шинной промышленности, потом – преподавала сопромат и детали машин в Строгановке, для дизайнеров, потом была патентным экспертом в Институте Патентной Экспертизы в Москве, и, наконец, заведовала патентным отделом в одном конструкторском предприятии Москвы. Конечно же, я не была инженером. От своей основной специализации – расчеты на прочность – я тоже отошла, так как в патентных делах занималась только анализом присланных изобретений и написанием решений.

Только при очень богатом воображении можно было бы сказать, что я – инженер или, скажем, исследователь высокого уровня, способный предложить себя для научных разработок. На неизбежный же вопрос о патентной работе сразу отвечу, забегая немного вперед: у меня были сведения (за достоверность их я полностью не ручаюсь), что патентная работа ведется здесь совершенно по-другому, нежели в России – этим занимаются юристы – и конечно, может быть, и можно было бы себя предложить где-нибудь там в подсобных рабочих в патентной индустрии, но вот беда – ни разу не видела ни одного объявления на эту тему.

Итак, несмотря на мой столь пестрый послужной список, Леня решил все же, что я – инженер, и не менее того (Почему, правда, не крупный специалист по расчетам на прочность,

что, собственно, и является моей основной специализацией, – не знаю). Я пыталась донести свои сомнения до Лени, стараясь объяснить ему, что я не инженер, однако все было тщетно, Леня только начинал гневаться на такие попытки, как он считал, ускользнуть от трудностей жизни. А поскольку не было никого другого, с кем бы можно было бы поговорить на тему поиска работы, то я и сама как-то тоже стала свыкаться с этой мыслью, сроднилась с ней и начинала воспринимать себя как инженера. И в итоге я сама вполне уверилась, что я инженер, и стала просматривать газеты на предмет инженерной работы.

К тому времени я уже знала, что в газетах существует такой раздел как Классифайд (Classified), из которого можно получить представление о рынке труда, из той его части, которая относится к устройству на работу. Этот раздел есть в газете также и в рабочие дни, но в воскресенье он на несколько порядков больше. Кстати, воскресную газету можно купить и в субботу, часов с 10 утра, так что времени на просмотр ее в выходные дни хватает. Так вот, изучая предложения работы (Employment Opportunities), я обнаружила, что хотя объявлений на инженеров-механиков немного, однако спрос все же есть, и практически всегда для этой работы требовалось знание КАД'а – т.е. компьютерного черчения.

“Ну что же, наверное, надо учить КАД”, – сказала я себе, и стала искать место, где было бы возможно это сделать, одновременно собирая различные сведения по крохам у других людей. Так, я встретила с неким Иосифом из Харькова, который приехал годом или двумя раньше меня. Этот Иосиф был как раз знаменит тем (впрочем, знаменит между мной и Леной), что ему, человеку сильно продвинутому в годах (пожалуй, он был несколько старше меня), после долгих поисков удалось-таки устроиться на работу по специальности. Работал он в своем родном Харькове инженером всю свою жизнь, вот и здесь стал работать тоже инженером. (Забегая вперед, скажу, что потом там были сокращения в той компании и его в первый раз не уволили, но потом все же уволили, а вот теперь он работает – по слухам – в Чикаго, и снова на инженерной работе).

Отправилась я к Иосифу после визита к некоей миссис Шварц, которой требовалась помощница по дому часов этак на 15-20 в неделю, по 5 долларов в час. Я о ней узнала по объявлению в газете, позвонила и вот пошла на интервью. К ней я шла пешком (я тогда очень много ходила пешком – автобусы ходят далеко не везде, и к тому же их приходится подолгу ждать, так что попытки ездить на автобусе себя оправдывали не всегда). Так или иначе, переговорив с миссис Шварц, которая так меня в тот раз и не взяла почему-то и которая позвонила мне где-то через полгода, но я уже не хотела у нее работать, я опять же полу-пешком, полу-на автобусе добралась до Иосифа.

Иосиф щедро поделился всеми имеющимися у него сведениями, надавал мне кучу визитных карточек – для меня все это было как откровение, я тогда еще ничего не понимала, и не понимала, для чего мне эти визитные карточки – кажется, это все были агентства, с которыми Иосиф был связан или же его возможные работодатели, с которыми у него были интервью. Этими визитными карточками я тогда так и не воспользовалась, однако для меня было главным – увидеть этого человека лично, поговорить с ним и понять, какими же путями он шел. Дал он мне также и различные варианты своих резюме (ну о резюме и их вариантах разговор будет особый и отдельный) и рассказал, как и где он учил КАД, который ему тоже пришлось осваивать – только не уверена, что он ему понадобился на его тогдашней работе.

Он рассказал мне, где находится школа, в которой можно научиться КАДу, советуя, правда, мне вначале туда позвонить. Но вам и представить невозможно, до чего же мне было трудно

куда-нибудь звонить! Каждый раз звонок был – как преодоление препятствия, стоящего на пути. Я подолгу вынашивала идею звонка, готовилась к нему и морально, и физически – и когда, наконец, преодолевала – как камень сваливался с плеч. При этом далеко не всегда звонок был результативным, так как кроме того, что мне было трудно выразить свои мысли, я не без труда понимала, что мне говорят.

Трудность была на самом деле не только в недостаточном знании языка, она была более в моем слуховом восприятии, а также в незнании реалий жизни и терминологии, ей соответствующей. Как только вы вступаете в американскую жизнь, вас поражает обилие бумаг и переписки. Очень многие дела ведутся по телефону и по почте. И вас вовлекают в свой круг все эти счета, долги, расходы, квитанции, жильцы, хозяева – а всех этих слов вы не знаете, а также не знаете, как они меняют свой смысл в зависимости от контекста.

В основном эти слова не используются ни в художественной, ни в технической, ни – тем более – в религиозной литературе, и, несмотря на то, что у меня был тогда довольно приличный словарный запас и я читала литературу и художественную, и специальную, я с большим трудом все понимала. Вот отсюда и шли все трудности, и весьма долгое время прошло, пока мне мне более или менее удалось их преодолеть.

7. Школа, вступительные тесты, учеба

И вот я поехала в школу, посмотревши, как всегда, предварительно карту города – на двух автобусах с пересадкой. Это все занимало приблизительно минут 40, если не ждать автобуса долго, в противном случае, как показал дальнейший опыт, – около часа или даже больше. Почему-то все эти школы всегда расположены в не вполне благоприятных районах – такое у меня сложилось впечатление. Этот район не был исключением, однако он не был так уж плох; вечером туда, конечно, ходить не следовало бы, но днем он был более или менее приличен. Однако, именно в этом районе несколькими месяцами ранее (т.е. в мае 1992 г.) и начались те пресловутые восстания афро-американцев из-за избиения полицейскими Родни Кинга. Собственно, восстание заключилось в погроме магазинов, в основном, корейских, коих было в том районе видимо-невидимо. *Кстати, Родни Кинг, накушавшись наркотиков, недавно утонул в бассейне собственного дома, который, видимо, купил на средства, полученные в качестве компенсации за избиение.*

В школе же, как оказалось, идет постоянный набор в класс КАДа, но надо сдавать тесты, и через несколько дней (это было в начале сентября) я пришла на эти тесты – первые в моей американской жизни. Проведение их было обставлено весьма торжественно. Перед будущими студентами выступали по очереди несколько работников школы. Не знаю, какой аналог в русской школе соответствует их должности (counselor), пожалуй, нечто среднее между секретарем и зам. декана. Ну, это было мое такое самое первое впечатление, позже я встречала многих таких каунселеров. Это такие сотрудники, которые помогают определиться с целями поступающего и помогают ему/ей выбрать те предметы для изучения, которые и помогут наилучшим образом в достижении этой цели.

Одна из них, проецируя на стену различные изречения (как будто из книги “В мире мудрых мыслей” – была такая книга в советские времена, где, в частности, приводились высказывания Никиты Хрущева), далее объясняла, почему именно эта мысль особенно близка тем, кто сидит сегодня в этой аудитории. Так, мы прочли изречение “You become successful the moment you start moving toward a worthwhile goal” то есть примерно так: “Вы делаете успехи уже в тот самый момент, когда делаете первый шаг к заветной цели”. Эта дама и объяснила всем нам, что мы уже на пути к успеху, мы даже достигли его уже самим фактом нашего появления в школе на экзамене, вне всякой зависимости от результата, пусть даже он и не будет положительным. Другой зам. декана, Дерек, начал с того, что сказал, что инвалидов надо именовать не “handikapped”, а “disabled person” или “person with disability”, поскольку в самом слове “handikapped” уже присутствует некий негативный оттенок. Нежно поглаживая оказавшийся у него под рукой череп (а собраны мы были в медицинском классе), он в течение 15-20 минут рассуждал на эту тему, доказывая, что инвалид – тоже человек, что у меня, в общем, возражений не вызывало, однако было не вполне понятно, какое отношение это все имеет к предстоящему тесту.

Но постепенно мы все же двигались вперед. Поскольку само явление абитуриентов на экзамен должно было рассматриваться как грандиозный успех, то явно было, что им надо очень долго объяснять, как же надо будет отвечать на вопросы и как заполнять экзаменационный листок. Но и это мы преодолели, подойдя к тестам вплотную. Тестов было два: чтение и математика. Даже тест на чтение был прост, ну а в математике самым трудным примером было сложение простых дробей с разными знаменателями. Эти тесты я, естественно, прошла и мне было разрешено посещать занятия КАДа.

В классе стояло штук 20 компьютеров с 10-й версией КАДа и все учились самостоятельно по книжке. Плата за занятия была совсем невелика – 20 долларов за семестр, и при этом там можно было получить некую вполне сносную профессиональную подготовку. Кроме КАДа там был еще класс Word Processing, и еще целый ряд классов – например, Medical Assistant, Medical Secretary, Nurse Assistant, Vocational Nurse и другие – то есть программы подготовки разного рода персонала для офисов и медицинских учреждений.

В классе было несколько русских, и мы частенько обсуждали возникающие проблемы друг с другом. Со всеми я вскоре познакомилась, а с некоторыми и сейчас поддерживаю дружеские взаимоотношения. Одна из моих подружек, Марина, уже к тому времени жила в Лос Анджелесе 1,5 года (ах, казалось, – какой огромный срок!), еще не работала. Но к декабрю она каким-то образом нашла работу на Аляске, в Анкоридже, и поехала туда. Вскоре за ней последовал и ее муж, Леонид, который здесь сдал экзамен на инженера-строителя, и там нашел-таки работу. Поехала она туда в декабре, там был трескучий мороз, но потом оказалось, что погода там почти такая же, как и в Москве, и зимой бывает слякоть, а в мае цветет сирень и черемуха.

Итак, КАДу все учились самостоятельно по книжке (за книжку была отдельная, естественно, плата), а затем спрашивали в случае необходимости друг друга – или же инструктора, Джинджер, полноватую русоволосую дамочку средних лет, весьма кокетливую и болтливую до невероятия. Она, похоже, знала что-то о КАДе, и даже немало, и даже могла что-то показать, однако ее деятельность в классе заключалась в болтовне – с кем-нибудь и о чем-нибудь, и притом в полный голос. Голос этот был слышен всегда, я к нему привыкала, как к радио на московской кухне, и поэтому уже как бы и не слышала. Кроме того, я ее не вполне хорошо понимала, поэтому весь ее говор как посторонний шум я отметала, что иногда приводило к недоразумениям, когда она пыталась проводить общие беседы.

А беседы бывали – и не однажды – и в этом смысле американская школа, даже такая сугубо профессиональная, не сильно отличается от наших российских школ, только там были беседы на другие темы. Помню, я как-то заговорила со своим соседом по поводу каких-то чертежных проблем; в класс надо всем, как водится, реял голос Джинджер – как вдруг я почувяла что-то странное. Так и есть – все взоры обращены ко мне (как сейчас помню чью-то возмущенную физиономию), а Джинджер именно меня корит за невнимательность к ее речи – она как раз проводила очередное мероприятие, кажется, на тему расовой терпимости.

Еще рассказывала она (это, похоже, всегда входит в программы обучения), как устраиваться на работу. Из этой ее лекции я очень четко помню два момента. Первый – очертить на карте города циркулем круг с центром в месте расположения вашего дома и с радиусом, скажем, 5 или 10 миль, и вот в пределах этого круга и искать себе работу. Второй – с первой же минуты, как вы входите в кабинет, работодатель уже знает, возьмет он вас на работу или нет. Первое утверждение я и сейчас полагаю весьма спорным, в то время как со вторым готова согласиться.

Надо еще сказать, что персональным компьютером в Москве я пользовалась считанное количество раз, и каждый раз, приближаясь к нему, я ощущала особый благоговейный трепет – дело в том, что мои сведения о компьютере остановились на уровне ЭЦВМ двадцатилетней давности, со счастливой поры работы над диссертацией и бесконечных итераций, проводившихся в ВЦ Академии Наук СССР на машине БЭСМ-6. В компьютерах с той поры изменилось многое, во мне (по отношению к ним) – нет; и один только вид этого маленького

агрегата, вмещающего в себя все бесчисленные шкафы старых ЭЦВМ, пробуждал во мне острое сознание собственного ничтожества и глушил все проблески интеллекта. Мои редкие попытки понять, как же это надо войти в программу или, скажем, скопировать или сохранить файл, были тщетны. Да, собственно, с персональным компьютером я нигде и не работала; единственное, что я делала – так это печатала кое-какие тексты, т.е. работала как машинистка. Так что за считанные минуты общения с этой машиной я, конечно, не успевала ничего узнать. Но здесь, то есть в Америке, мне деваться уже было некуда, и пришлось во всем этом разобраться, что оказалось на самом-то деле совсем просто, так что я вскоре сносно научилась управляться с компьютером, а также достигла некоторой беглости в КАДе.

Однако учеба учебой, это было вполне хорошо и – главное – давало ощущение какой-то стабильности и иллюзию устроенности; и на месяц-другой я успокоилась. Казалось, что так и надо, что жизнь идет на лад, но на самом деле все было совсем не так, и не понимать этого было нельзя, и надо было жить – а начинать жить было страшно. И все равно надо было искать работу. Так как же ищут работу в Америке?

8. Так как же ищут работу в Америке?

Риторическим вопросом “Так как же ищут работу в Америке?” заканчивалась предыдущая глава, и смысл этого вопроса как бы должен был означать, что вот, наконец, я раскрою глаза читателям на этот предмет (вспомните Галича – “тут нам истопник и раскрыл глаза”...) – как раз как тот истопник. Ну, так как же ищут работу в Америке? Да, конечно же, господа, вы правы – через знакомых. Это наилучший и наивернейший путь – если вас кто-то приведет за ручку и посадит на то самое место.

Тут недавно один мой знакомый папаша искал работу для своей дочки, только что приехавшей из России. Он по сути искал человека, который взял бы ее за руку и куда-нибудь да привел – скажем, в банк, о чем, собственно, и шла речь на том странном вечернем совещании, где присутствовала и я вместе со своей знакомой, банковской служащей. При этом не шла речь ни о специальности девицы (ее, собственно, ни отец, ни она сама описать не могли да и не хотели, хотя специальность все же, хотя и российская, но была и звучала она – экономист), ни о знаниях (хотя бы языка), ни о навыках (хотя бы компьютера). Наши робкие попытки рассказать о банковской работе, о необходимых навыках, а также о возможности что-то приобрести для этого на каких-либо курсах услышаны не были. С маниакальным упорством папа твердил о том, что “найдишь тот правильный человек...” И хорошо, когда он находится, и когда приводит, но мы тут помочь ничем не могли, но дай Бог тому папе и той его дочке – возможно, они и найдут кого-то. И этот расчет верный, когда действительно кто-то есть.

Впрочем, по истечении нескольких лет (а писала я это уже достаточно давно), я уже утратила свое такое саркастическое отношение к этому визиту. Ведь все это – специальность, навыки и прочее – на тот момент не были важны. Он искал, в общем, любое приличное место, куда можно было бы пристроить девушку – с тем багажом, который она уже имеет, на какую-нибудь клерковскую работу, где она бы вполне справилась да и работала бы не хуже окружающих

Да, это как раз то, что называлось в России “по блату” – и это “по блату” процветает в Америке вовсю – и гораздо пышнее и ярче, нежели на нашей оставленной родине – впрочем, это мое утверждение, возможно, очень даже и ошибочно, так как у меня в России с работами было все достаточно просто, начиная с распределения после института. А наверное, если говорить о другого рода работах, то дело, видимо, совершенно иное.

“ – Америка, мать!” – восклицала некогда одна из моих знакомых – обычно восторженно, поскольку это частенько относилось к сервису, магазинам и тому подобному, и происходило в начале ее (и моего тоже) пребывания здесь. Одновременно это относилось и к если не государственному, то – хотя бы – общественному устройству Америки, и она тогда пребывала в полном убеждении, что вот здесь-то, наконец-то, все делается по справедливости: взятки не берутся, коррупции нет, телефоны не прослушиваются и так далее; ну а уж если кое-где порой такое иногда и случается, то это бедных доверчивых наивных и добрых американцев обучили зловердные хитрые нехорошие русские.

Мне неоднократно и тогда, и позже приходилось слышать утверждение “Америка все и всех расставляет по местам” и “Каждый получает здесь по заслугам”. Уж и не знаю, почему именно Америке по мнению этих людей предназначена миссия высшего судии – для меня это является до сих пор загадкой; впрочем, те, кто это говорили, ничего особенного в

Америке и не достигли, были как бы на том же положении, если бы они были в России. Возможности, конечно, большие, однако не всегда и вовсе не по вине самих людей их не удается использовать. Но я надеюсь вернуться к этому вопросу позже.

Ну а что же касается меня, то коль скоро я слышала эти сентенции, я из кожи вон лезла, поскольку хотела “заслужить” чего-то стоящего; розоватые – если не полностью розовые – очки уверяли меня в правильном устройстве мира, и, конечно, идеи “блата” мне и в голову не приходили (ведь все делается по заслугам, да и работа дается лучшим из лучших!), и я поначалу просто и смиренно читала разные пособия на тему: “Как же устраиваться на работу в Америке?”.

Во многих местах пытаются обучать, так сказать, искусству устройства на работу, и в основном рассматриваются следующие пути:

1. Через родственников и знакомых
2. Через объявления в газетах
3. Через агентства

Во многих книгах по помощи по устройству на работу вы найдете описание этих путей и оценку, сколько людей смогли устроиться на работу тем или иным образом. Путь через родственников и знакомых – это как раз тот самый путь, который пытался использовать вышеупомянутый папа, хотя когда говорят об этом способе в книжках, они попросту имеют в виду нахождение мест работы через сеть знакомых, а в общем не имеют в виду то, что вас куда-то приведут и посадят. Но как бы вы ни описывали этот путь, он для меня по сути был закрыт за полным отсутствием знакомых. То есть, как вы понимаете, родственников, кроме нас самих, приехавших, не было, а знакомых – так очень мало, 2-3 семьи, которые к тому же и работали совсем в других областях – т.е. конкретно: в медицине и в биологии, и потому помочь никак не могли. Да, кстати, будь я и биологом – трудно все равно было бы рассчитывать на что-то, но все же был бы какой-то шанс.

С агентствами я в то время не представляла, как иметь дело, поэтому и этот путь у меня отпадал. (А впрочем, как оказалось позже, агентства и не имели дела с такими, как я). И оставался только один путь – через объявления в газете. Хотя таким путем и устраивается относительно небольшое количество людей – около 5%, как гласят разные пособия, однако в абсолютном выражении это количество весьма велико, так что шанс все же был.

Итак – через объявления!

9. Первые резюме

И вот ко времени моего обучения КАДу в школе относятся первые попытки моих поисков работы и время писания моих первых резюме. Резюме – это было нечто, совершенно неизвестное тогда в СССР; максимум, что мы представляли в организацию, был листок по учету кадров. Так что предстояло еще с этим резюме разобраться.

Так что же такое резюме? Это концентрированное описание своего рабочего опыта и образования, включающее одновременно краткие сведения и о себе. Степень подробности зависит от должности, на которую претендуешь. Прежде, чем писать резюме, надо пристальнее к себе приглядеться, прикинуть, что же можешь предложить на рынок труда – какими такими навыками обладаешь, чтобы не затеряться на этом рынке. Одновременно необходимо изучать этот рынок – смотреть, кто требуется и какие свойства требуются. Это определение резюме, которое я сейчас дала, – мое нынешнее, основанное на уже наработанном опыте, а тогда же я так сформулировать, естественно, не могла.

Об идее работать в инженерной области я уже писала, потому и пошла учить КАД. Дальше я стала писать резюме. Оговорюсь сразу, что совсем не так это легко – изложить свои знания и умения даже на русском языке. Резюме должно быть написано кратко – и одновременно понятно тем, кто его проглядывает, чтобы этот (или эта) могли бы сразу, пробежав глазами, отложить его для дальнейшего рассмотрения, а не выбросить немедленно в корзину.

Сказать легко, но написать оказалось – как всегда – вовсе не так просто. Однако же, написала. Написала все, что было – разве что опустила свою кандидатскую степень. Вспомнила все – и как заведовала патентным отделом, чего там делала, и как была экспертом, и – преподавателем в Строгановке. Ну а уж если я и черчение, и сопромат преподавала – то как же мне не поверить, что я и чертежником смогу работать, и инженером! В общем, мой будущий работодатель должен был бы сразу понять (как я считала), что с моим опытом работы и с разносторонними навыками я могу работать инженером, а уж чертежником или там секретаршей – тем более. Одной страницы мне, конечно, не хватило для расписывания своих трудовых подвигов, так что резюме было на двух страницах.

Кроме того (правда, это вошло во все тот же объем), по совету Карен (моей американской подруги и одновременно спонсора) вписала список рекомендателей. Знаете, всегда во всех заявлениях по приему на работу имеются графы: “Рекомендации”. И туда надо вписать людей, которые тебя рекомендуют – то есть тут придается очень большое значение предшествующему опыту, а уж если не опыту – то хотя бы рекомендации. Кроме верных Карен и Лени, которые, могли меня рекомендовать, однако на, так сказать, бытовом уровне, я нашла старых знакомых из России, которые согласились выступить в качестве моих рекомендателей. Все были достаточно важными персонами: профессора, врачи, исследователи. “Мне нравится твое резюме”, – доброжелательно произнес Ленья. И я была этим очень горда. Я и сама себе очень нравилась в этот момент.

Печатала я эти резюме поначалу у Карен на компьютере, потом делала многочисленные копии и, возвратившись из школы домой, начинала на одолженной у Карен машинке тюкать адреса на белых наклейках, которые я лепила потом на конверт. Я посылала резюме и на инженера, и на чертежника, и – даже – на секретаршу. В общем, все одно и то же резюме с незначительными отклонениями. Я даже умудрилась однажды назвать мой рассказ о себе

Curriculum Vitae – опять же по совету Карен, что означает по латыни “Описание жизни” и обычно используется в качестве резюме для больших ученых, врачей или исследователей.

Мой рассказ будет неполным, если я не упомяну еще и о сопроводительном письме – так называемом “cover letter” – в котором вначале сообщается, на какую должность вы претендуете и откуда о ней узнали. Далее, в общем, повторяется все то, что в резюме, и добавляются еще какие-то лестно характеризующие вас слова. Поскольку мне самой написать такое письмо было не под силу, мне пришлось, оторвав от сердца 8 долларов, купить книжку, называемую “Cover letters that knock ’em dead” – т.е. “Письма, которые прилепнут их на месте”, где были собраны образцы таких писем, выделены отдельно фразы, характерные для каждого типа письма, а также рекомендации по их написанию. В итоге мне удалось кое-как скомпилировать свое весьма приличное письмо. Не знаю, сколь важно посылать это письмо вместе с резюме; я слышала мнение, что надо (или по крайней мере, можно) посылать одно только резюме, что гораздо легче, так как требует меньше времени. Но это сопроводительное письмо все же читают – по крайней мере, иногда – во всяком случае, мои потенциальные работодатели время от времени говорили, что мое письмо привлекло их внимание – но скорей всего, это было такое предисловие к разговору, преамбула, так сказать.

Глядя на мое резюме, Карен – так же, как и Ляня, – говорила; “Ну вот, они увидят, какая ты разносторонняя, сколь во многих местах ты работала и поймут, как же ты славно справишься с работой и у них.”

– Ага, сейчас! (это я сейчас замечаю в скобках, так сказать, реплика в сторону)

Так время и шло, еженедельно я отправляла штук по 15-20 резюме, откликов на них не было, однако все время было ощущение того, что я делаю что-то не то. Да, я училась, да, я рассылала резюме и все же я как-то изнутри понимала, что это только видимость. только имитация деятельности, то есть мне казалось, что я пошла по наиболее легкому пути – механической рассылке резюме – в то время, как есть и другие, возможно, более трудные, но и одновременно и более результативные пути – как то: звонки на разные предприятия, рассылка писем возможным работодателям, а также личное появление в организациях, тебя интересующих, с попытками переговорить с возможным работодателем.

По-моему, в книжках вот последний путь называется “walk-in”. Этот путь – и по застенчивости, и ввиду языковых трудностей – я сразу отмела, но все же у меня временами кошки скребли на сердце – что вот я не использую такой прекрасный путь! Но я ошибалась – позже я поняла, что этот путь был бы совершенно бесполезен (я имею в виду, правда, бесполезен при устройстве на серьезную фирму и на квалифицированную работу. При устройстве на какую-нибудь простую работу – в маленький магазин, в химчистку и прочие места он вполне может сыграть – и даже сейчас, в разгар кризиса).

С одной стороны, он (то есть этот способ устройства на работу) должен был бы занять невероятное количество времени, так как вначале, по-видимому, надо было бы просидеть в библиотеке, выискивая фирмы, в которые можно было бы податься. Затем надо было бы ездить в эти фирмы, что тоже занимало бы каждый раз не менее нескольких часов. Но и этого мало – это-то как раз можно было бы и вынести, если бы вас в итоге ждала встреча с работодателем, кому вы могли бы просто понравиться, и он бы взял бы вас на любую работу. Но не тут-то было!

Если вы приедете в фирму, вас просто не пустят дальше вестибюля, и ни с кем встретиться не удастся; в лучшем случае дадут заполнить заявление о приеме на работу – application form – и на этом все ваше общение с фирмой и закончится. Хотя мое беспокойство было не напрасным – я действительно делала не то, что надо, однако причина была в другом.

Примерно в то время, как я начала творить на стезе создания своих первых резюме, я узнала о таком понятии как “сверхквалификация” (over qualification). Это означает, что вас не примут на работу, которая ниже вашей квалификации. Этому есть свои причины, конечно. С одной стороны, вам не будет интересна ваша работа, вы будете недовольны (а начальник вроде как стремится к тому, чтобы вы были довольны, “happy”), а с другой – будете искать другую работу, а они этого тоже не хотят, их это не устраивает – вы должны там работать, пока будете им нужны, ну а потом они выгонят вас сами. Так что сверхквалифицированным быть нельзя. Кроме того, еще неизвестно, какое там образование у вашего возможного начальника, и он вовсе не стремится иметь у себя сотрудника с более высоким, чем у него, образовательным уровнем, так что с вашим “верхним” образованием у вас шансы получить работу низшего ранга весьма невелики.

Однако поскольку такие авторитеты как Карен и Леня одобрили мое резюме, я была им вполне довольна и на иные мнения внимания не обращала. Я тут даже имею в виду мнение не о моем резюме, а о резюме вообще. Кстати, к вопросу о сверхквалификации: Карен, к примеру, советовала убедить работодателя в том, что вы можете и хотите работать на более низкой должности, нежели на той, которая соответствует вашему образованию. А к тому же, как я уже сказала, мне мое резюме вполне самой нравилось, я осознала свою образованность и значительность и уже совсем не хотела расставаться с имиджем, созданным и возвращенным мною.

Ну что же, не только поиски работы занимали мое время, не только учеба да сверхквалификация (словечко-то какое – язык сломаешь!). Как раз в то время, осенью, дело подошло к тому, что надо было покупать машину. Но об этом – в следующей главе.

10. Покупаем машину

Я с радостью писала друзьям в Москву, как мы покупали машину. Покупаешь машину, собственно, как всякий товар – платишь деньги и берешь машину. Да, так все обыкновенно для тех, кто живет в этой стране всю жизнь, а для нас это было огромным событием.

Не так давно я смотрела фильм «Одноэтажная Америка» с Познером и Ургантом – который, кстати, и вызвал во мне интерес к одноименной книге Ильфа и Петрова. Так там Познер с большим знанием дела как-то говорил, что в Америке купить автомобиль очень просто, прямо таки как нечего делать. Ну, как сказать... Если покупаете, выплачивая сразу всю сумму, то, возможно, и так. Но если даете некоторую сумму вперед, а остальное пытаетесь разбить на выплату на несколько лет, то дилерская – это то место, где вас “оденут, причешут и обуют”. Жесткая торговля, манипуляция цифрами, “Мы вам сделаем это!”, увещевания, советы и предложения дополнительных услуг, и, наконец, – хоть вы и уезжаете на собственном автомобиле, но за какую цену! В общем, если ничего не понимать, так на дилерскую лучше не соваться.

Но у нас так вопрос в то время и не стоял – речь шла о покупке подержанного автомобиля от частного лица.

Конечно, перед этим надо было сдать на водительские права, что мы и сделали – в очередности: я, Тема, Женя. Впрочем, к моменту покупки права были только у меня, так как предполагалось, что дальше остальные будут учиться уже на нашей машине, не платя инструктору. После того и настала пора покупать машину. Конечно, оттуда, из Москвы, это казалось совсем простым, но на деле, доложу я вам, когда имеется выбор, сделать этот выбор совсем не просто. Какую машину? Японскую или американскую? Какого года? По какой цене? И как не переплатить? И как не попасться на скрытых дефектах? По совету Лени я отправилась в библиотеку и нашла там в журналах советы покупателям машины – на что обращать внимание при покупке. Много там было разных советов, и я голову свою сломала, чтобы все их осознать.

Да, был там такой журнал – “Consumer Reports” (т.е. “Отклики покупателей”) – и как раз в одном из последних номеров и были советы о том, как выбирать машину. Я тщательно сделала копии (там они стоили 25 центов за страницу), принесла домой и стала изучать. Чтение не было очень легким для меня; много новых слов и понятий. Но однако же, поднапрягшись, я попыталась осознать всю сложность и ответственность при покупке машины.

Много чего там было написано – проверить спидометр на километраж, осмотреть двери и сиденья, даже понюхать, не пахнет ли плесенью. Не была ли машина под водой, нет ли ржавчины под ковриками или под сиденьями, и вообще ржавчина – это очень страшный дефект: избавиться от нее намного дороже, чем сделать любой механический ремонт. Ржавчина – это, конечно, было бы тяжело, однако все же вряд ли в Калифорнии это было актуально, разве что кто-то бы привез заржавевшую машину откуда-нибудь с Восточного побережья.

В общем, уже вооруженные новыми знаниями, мы еще долго продолжали смотреть предложения по газетам. Однажды договорились с некой Робин Балтик об осмотре машины – и поехали, попросив Леню отвезти нас туда. О, бедный Ленья! Он потратил с нами полдня

на это мероприятие, которое закончилось ничем – возможно, потому, что мы были ее первыми покупателями, но Робин цену сбросить никак не хотела, а назначенная ею цена нам казалась слишком высокой – да такой она и была. Да и вообще – торговаться – здесь как бы считается совершенно необходимым, даже стыдно сказать кому, что ты купил что-то не торгуясь!

После этой поездки я и представить не могла, чтобы кого-то еще просить ездить с нами на поиски машины, и потому наша следующая встреча с машиной – а это был Шевроле Кавальер Стейшн Вэгон – и ее владельцем, Андреасом, оказалась последней. Андреас, осознав в какой-то момент нашего разговора по телефону, что мы собираемся ехать к нему на автобусе (признаться, мне и сейчас не ясно, как туда можно было бы доехать общественным транспортом), сам предложил к нам приехать. “А если не купите машину, – прибавил он, – дадите мне 10 долларов на бензин”. Машину мы осматривали тщательно – согласно всем проработанным нами инструкциям. Мы смотрели на нее снизу. Мы включали кондиционер. “Работает, работает!” – бодро приговаривал Андреас. Мы спрашивали, была ли машина в аварии. (Ну, конечно же, нет!) Мы даже ездили к механику и просили его осмотреть машину снизу. Все было хорошо. Мы жестоко торговались. 3200 – была цена Андреаса. 2800 – твердо сказали мы. “You’re tough buyers!” – “Cash on the nail!” И мы сошлись на трех тысячах, весьма довольные друг другом.

Много позже оказалось, что кондиционер не работает (мы включали всего-то вентилятор), что машина была в аварии, что Андреас не зарегистрировал машину в положенное ему время, в июне, и в сентябре я должна была платить штраф за просрочку, что он не прошел проверку на выхлопные газы (так называемый смог-чек), что... Да много чего! Но так или иначе, это все выяснилось позже, а тогда мы машину купили. “А как же ты домой поедешь?” – спросили мы у Андреаса. “Да вы ведь меня отвезете” – как само собой разумеющееся, невинно ответил он. После мгновенного замешательства, мы согласно закивали головами. А права в то время были только у меня, и за руль последний раз я садилась с месяц назад, так что все навыки уже были потеряны (да и было их всего ничего!), но тем не менее, я собралась с духом, и по пути к Андреасу старалась запоминать дорогу.

Обратный же путь был для меня, как в тумане. Вцепившись крепко в руль, я тронулась в путь. Пришлось даже ехать по скоростному шоссе номер 91, по счастью, короткому и ненапряженному; по пути я чуть не съехала на 405-е шоссе, ведущее в Сан Диего, однако только Темина помощь (он глядел за дорогой – я же боялась не только оглянуться, но и даже взглянуть в зеркало заднего вида) позволила мне выехать в нужное русло. Много еще я сделала ошибок по пути, но, наконец-то, цель достигнута: мы – дома!

Цель достигнута – но не совсем. Надо еще запарковаться. Вдохновленная успехом, я лихо решила закатиться на парковку задом, однако сумела каким-то образом поставить машину враспор между стеной дома и забором – уж не знаю, каким образом мне удалось вывернуться из этого положения. Но потом я уже вдарила задним бампером об угол дома – да с таким грохотом, что из окон соседнего дома немедленно высунулись любопытствующие жильцы, и вскоре прибежала взволнованная менеджерша и дала нам другое, более удобное для въезда парковочное место. По счастью, бампер был пластмассовый и, будучи буквально смятым при ударе, моментально распрямился, стоило мне только отъехать от дома.

А из Москвы сыпались грозные письма. Глава семьи, будучи отлученным от ее забот, гневно честил нас за покупку “не той” машины. “Что это за машину вы купили?! – сурово вопрошал

он. – “Неужели нельзя было купить хорошую европейскую или японскую машину классической компоновки? Вот вы уже ремонт сделали, заплатили 100 долларов, я знаю, а мне об этом не написали!”

А с машиной действительно было не все в порядке. Как у норовистого коня, у нее был свой, независимый характер. Если приходилось на ней долго ездить, да еще в часы пик, в траффике, так сказать, то двигатель ее в какой-то момент начинал неожиданно глохнуть, – а именно при остановке на светофоре; причем момент его остановки предвляло состояние жестокой тряски всего автомобиля.

Как-то однажды мы с Темой поехали днем на машине покататься. Ну да, “покататься”, так вот, как в детстве, когда машина была диковинкой. Покатались-то мы покатались, а тут уже начался час пик, и по дороге домой и случилось ЭТО. Мы стояли на перекрестке, на светофоре, машина затряслась невероятно, двигатель заглох. А прохожие стали указывать нам куда-то вниз. В ужасе мы увидели растекающуюся лужу зеленоватого цвета. Ну конечно, охлаждающая жидкость! Как теперь ехать? Кое-как мы машину сдвинули с перекрестка направо за угол, нашли телефон-автомат и вызвали перевозку. Пришлось заплатить 50 долларов. Глупо было, что мы не успели записаться в автомобильный клуб ААА, где это было бы вообще бесплатно, не считая, конечно, годового взноса. Лужа и тряска, разумеется, не были друг с другом связаны, жидкость вылилась оттого, что лопнул шланг (сколько их еще полопалось в первых старых машинах!), ну а тряска...

В общем, я была поначалу очень расстроена этим обстоятельством – вот, купили неисправную машину! Что же теперь делать – неужели менять трансмиссию? Но потом автомеханик сменил нам какую-то электронную деталь – за 100 долларов (вот за это и получили мы выволочку от грозного главы семьи!), это, правда, не помогло, он сменил ее снова, снова не помогло, и мы просто смирились с данным недостатком нашего коня. А конь, надо сказать, служил нам верой и правдой, в общем, почти что не ломался, и мало того, много позже умудрялся служить и не ломаться, когда Женя по своей полной нерадивости не доливал масло в двигатель и трансмиссионную жидкость в трансмиссию. Этот же конь довез Тему и меня в Сан Франциско, куда мы ездили встречать нашего мужа, отца и зятя, который приехал из Москвы с нашей собакой Юней. Мы с Темой были очень горды и собой, и Шевроле, когда сами за 6 часов домчали до Сан Франциско – надо учесть, что наш водительский стаж был минимален, и эти 720 миль прибавили нам много к нашему водительскому опыту.

11. Поиски работы; рассылка резюме

И тем же временем... И тем же временем, кроме того, что я пыталась устраиваться на работу по специальности, я старалась использовать и иные возможности. Приблизительно в это время – да, впрочем, есть и точная дата, 20 декабря – у меня была встреча со старушкой Бэллой, проживающей в городке Санта Моника, которой требовалась помощница – для уборки, приготовления пищи, стирки и прочих домашних обязанностей, на несколько часов в день. Меня представила ей одна моя знакомая. Старушка была бодра и разговорчива, усадила за стол, что-то подала... Конечно, расспросы – кто я, да откуда, да когда приехала, что делаю и т.п.

Сама старушка все из тех же, из наших краев – то ли из России, то ли с Украины, еще ребенком приехала. Знает несколько слов по-русски, хотя разговор идет на английском. Старушка рассказывает о своей нынешней помощнице – почему она ей недовольна. Вдруг неожиданный вопрос. “Are you Russian?” (“Ты – русская?”) Я, оторопев от неожиданности, растерянно киваю. Старушка раздумчиво изрекает: “Русские так много едят...” Огорченная таким поворотом дела, даже не успев оскорбиться, я робко пытаюсь ей доказать, что уж я-то вовсе не много ем... а про себя думаю: “Ах, надо же будет обязательно что-то брать с собой!” Старушка надолго задумывается; потом наша беседа уже довольно быстро закругляется, и я отбываю, сомневаясь в том, что я хочу работать с этой старушкой. Она же, в свою очередь, видимо, была такого же мнения – так она мне и не позвонила, найдя, наверное, кого-то более подходящего. И разошлись навечно наши с нею пути.

Но я немножко отвлеклась от моей основной темы. Тем временем, постоянно изучая все тот же Classified, я выяснила, что весьма большой спрос есть на офисных работников – секретарей, помощников по административной работе (Administrative Assistant), машинисток (разумеется, машинисток для компьютера, т.е. Word Processors). Кроме того, выяснилось, что в нашей школе есть еще класс, где изучают программы – редакторы текстов, т.е. Word Processing – и тогда я поделила свое учебное время между этим классом и чертежным и стала заниматься машинописью и этими программами. Здесь также занимались самостоятельно по книжкам, и учительница, Лидия, ходила и отвечала на вопросы. Еще она даже проводила нечто вроде занятий – общих для всех – по ДОСу. И я разделила свое время учебы (с 8-ми до 3-х) между классами по КАДу и Word Processing.

Очень скоро я понял всю разумность сделанного шага, так как мое резюме – да, то самое, первое, двухстраничное, – надо было где-то печатать, а без компьютера это делать было практически невозможно, и вот свои уроки по Word Perfect’у я и начала сразу практически – печатая и редактируя свое же резюме. Даже тогда, на тех первых шагах, я уже что-то начала соображать, и пыталась резюме как-то менять, приспособливая к различным обстоятельствам. Так, например, я попыталась не выпячивать годы работы и учебы – они, как им и полагалось, присутствовали, но не на слишком видном месте. Когда я предполагала подавать резюме на позицию чертежника, то тоже кое-что убирала из резюме – может быть, особо примечательные вещи, такие, например, как работа в патентном отделе. Ну и так далее, так что работы хватало. Компьютер не всегда хотел меня слушаться, и временами я стирала что-то нужное, или же так манипулировала текстом, что в итоге приходилось все перепечатывать. А иногда поначалу я по неопытности использовала компьютер как пишущую машинку, не принимая во внимание такие его возможности, как, скажем, Indent или Tab, за что компьютер мне жестоко мстил, “рассыпая” текст по экрану, как только я пыталась изменить вид шрифта.

Так вот, в постоянной борьбе с компьютером и шло мое постепенное познание Word Perfect'a и одновременно печаталось резюме. Дома у меня еще была машинка Карен, и я упорно тренировалась и на ней, постепенно повышая свою скорость печатания.

И всю эту суету я продолжала с октября приблизительно до Рождества, и остановилась только тогда, когда мне кто-то сказал, что праздники - это время затишья, никто толком не работает, и что на интервью все равно никого не вызывают.

12. Поиски работы(продолжение); рабочая тетрадь

Описывать все свои перипетии по поискам работы я, конечно, стала позже, всегда было трудно выбрать время, в особенности, ввиду неорганизованности, но вот как-то у меня случился радикулит, и вот тогда-то я написала несколько глав, чем сдвинула свою работу с мертвой точки. Вот так я писала своим друзьям в Москву.

Я вам давно не писала, точнее, ничего не посылала, однако кое-что мне удалось написать – пока что в черновиках. Надо сказать, что вам (или мне?) – а может быть, по крупному счету всему человечеству – весьма повезло. Дело в том, что меня недавно прихватил радикулит – чего никогда в жизни со мной не случалось (да, представьте себе!) – и так болела спина, что и на работу я еле ездила, и даже не ходила на танцы. Именно последнее обстоятельство может дать представление о моем состоянии, поскольку уж если я не ходила на танцы (!) то значит, мне действительно было не слишком хорошо. Но главным результатом этого явилось то, что у меня высвободилось вечернее время, и тогда-то я это время посвятила своим мемуарам. Вот к чему мое столь длинное предисловие.

Мне даже пришлось посетить нашего местного доктора, Аркадия Трепещкого. Доктор однажды так помял мне спину, что вечером дома я от боли на стенку лезла. Пришлось пойти еще раз. “Отлично! – обрадовал меня доктор. – Значит, лечение дает результат! Теперь надо повторить.” Правда, после второго сеанса мне действительно полегчало. Затем я решила спросить доктора относительно своего жизненного режима на ближайшее будущее – что хорошо, что нет – например, аэробика, бег трусцой, ходьба, танцы. Доктор пригорюнился и жалостливо посмотрел на меня. “И-и, милая вы моя! Уж если со спиной проблемы...” – и он почти что смахнул рукавом набежавшую слезу... Аэробикой он заниматься не посоветовал – “ну что ж, там только дыхательные упражнения, зачем это вам”; бегом – тоже. “Вот спокойная прогулка с полчаса каждый день – это как раз для вас”. Как ни странно, против танцев он ничего не имел (наверное, он себе представлял себе танго послевоенного времени) – знал бы он только, что это за танцы – почище всякой аэробики! Ну что же, после визита к доктору я немедленно помчалась в гимнастический зал, спешно продлив свое там членство и стала заниматься разными упражнениями на снарядах – для укрепления как спины, так и всяких конечностей, а одновременно и на танцы. Хотела вспомнить и аэробику, но этого пока не успеваю. Так что сейчас у меня времени вообще в обрез – и за компьютер я сажусь только урывками, но зато у меня оказалось много написанного во время моего радикулита, так что я уже навожу на эти тексты последние штрихи.

Но вернемся же к нашим баранам – то есть к той теме, с которой я начала свое повествование о нашей жизни в Америке. Поиск работы занимал главное место моей жизни, конечно, и свидетельство тому – вот моя, так сказать, рабочая тетрадь. Вот она и лежит передо мною – и в нее я наклеивала вырезанные из газеты объявления, чтобы видеть, сколь часто и когда я буду получать отклики на мои прошения относительно работы. Я полагаю, что ей вообще-то надлежит занять свое место в музее эмигрантской славы.

Откроем же ее и посмотрим на эти объявления, на записи, почти каждая из которых мне что-то напоминает. Вот за период с 16 октября по 20 декабря было отправлено: 18 резюме на чертежные работы, 31 – на инженерные, 45 – на секретарские. Стало быть, как гласит

история, свои резюме я начала рассылать с 16 октября. Довольно много, однако, конечно, очень многие позиции (откровенно говоря, большинство) совсем мне не подходили, однако, я пыталась ткнуть в любую дверь, в надежде, что она откроется.

В этой тетради есть и запись об интервью со старушкой Бэллой, о которой я упоминала выше, о попытке устроиться к Мише Штохману, и об интервью в офисе адвоката. В последнем была работа на неполный рабочий день, и у меня с чрезвычайным пристрастием выясняли, почему это я готова работать неполный рабочий день. А что касается Миши Штохмана – у него был так называемый Documentation Center, и как-то нет у меня аналога с русским, чтобы назвать этот офис подходящим словом. Они занимались самыми разнообразными делами – переводили свидетельства о рождении и о браке, делали нотариальные заверения, занимались автомобильным страхованием (как агенты, разумеется) и прочим. Так и стоял этот офис на Санта Моника Бульваре, пока Миша не оказался замешанным в устройстве автомобильных аварий с целью получения страховочных денег. То есть, подстраивались аварии, подключались ремонтники, доктора, адвокаты – и страховые компании выплачивали значительные суммы на поправку автомобилей и здоровья. Это случайно было раскрыто, был громкий процесс, и Миша исчез с горизонта, и никогда более не всплыл.

Разнообразие должностей, на которые я пыталась подавать, а также неизвестные мне атрибуты этих должностей, меня особо не волновали. В своей предшествовавшей рабочей деятельности я сменила несколько раз места работы, и хотя для всех занимаемых мною должностей требовался мой инженерный диплом и кандидатская степень, всякий раз приходилось учиться чему-то новому, осваивая крупные пласты областей, неизвестных мне ранее, что я и делала в основном самостоятельно, по книжкам, а также путем консультаций с самыми разнообразными людьми.

Время от времени я также занималась разными иностранными языками, включая японский (которые в основном за неиспользованием уже и позабыла) – за последние 10 лет редко когда я читала что-либо на русском языке, и в результате я поняла, что для меня не составит большого труда приспособиться к каким-то не вполне мне известным рабочим обязанностям и к какому-то мне неизвестному программному обеспечению. Я-то это знала, но – увы! – моим потенциальным работодателям это в голову не приходило. В общем, я подавала на любые должности, хоть чуть близкие к моему инженерному образованию.

Подавала на такие должности, про которые ничего не понимала, да и на которые подавать было бессмысленно, поскольку если уж числить себя в инженерах, то я все же была инженером-расчетчиком, а не конструктором. Но при этом я говорила себе: ну и что же, что я не конструктор – еще посмотрим, что они там делают, как они что конструируют! Но всюду еще требовался местный опыт в течение 5-7-10 лет и определенная специализация – то в области электричества, то пластмассовых конструкций, то гидравлики, а то и нескольких компонентов из названных – вместе.

Впрочем, как я теперь припоминаю, у меня тогда, несмотря на явную несуразность моих запросов и несоответствия меня самой (или для начала – моего резюме) объявленным должностям, я, видимо, надеялась на ту возможность (о которой вроде где-то вычитала в одной из книжек применительно к устройству на работу) – что вот я встречу с работодателем, поговорю с ним, и тогда он увидит, какая я умница – и возьмет-таки на службу – если не на одну должность, так на другую, поскольку, если я уж не тяну на

полноценную инженерную должность, то по крайней мере, на какую-нибудь там должность “второго плана”.

Но так или иначе, что бы я там сама о себе ни думала, на мои резюме уж не только что вызова на интервью – не было даже отказа. Это было полное молчание. Вообще сейчас, спустя годы, когда я пишу эти строки, я сама на себя смотрю с сожалением и сочувствием – как на ребенка, заблудившегося в лесу, который один, сам по себе, бредет куда-то, сам не зная куда. И ведь ни единого совета – ни от кого; да ведь их и нет никого, ты одна на всем белом свете! И те считанные друзья – вы видели, они сказали – твоё резюме очень хорошее, давай, действуй! И вовсе не потому, что они плохие – нет, у них не было этого опыта. Кому же, скажите, нужен преподаватель сопромата из Строгановки? Или патентный эксперт, который претендует на должность инженера?

И это – в Калифорнии, где произошли громадные сокращения – и не в биологии, не в медицине, а особенно и именно в инженерной области – где своих, и инженеров, и чертежников, с тем самым местным опытом, тысячи и тысячи выброшенных на улицу – и это мне с ними конкурировать? При этом я вполне горда нашим российским образованием, и считаю его вполне конкурентоспособным – и я все рассылала и рассылала свое инженерное резюме. И действительно, как же радостно и приятно работать по своей специальности, на работе, требующей интеллекта, однако не все и не всегда получается так, как хотелось бы...

Я бы не сказала, что лучше обстояло дело с моими попытками устроиться чертежницей. Резюме, как я уже говорила, было все то же, разница весьма незначительна; и уж в рубрике образования-то я, как из песни слова, никак не могла выкинуть свое высшее техническое, и так я гордо несла по жизни (то есть по своим резюме) громкий титул инженера. И конечно, и там же требовались чертежники с самым разным опытом работы – то в области механического черчения, то в области пластмассовых отливок, то при работе с изделиями из листовых материалов. Не говоря уже (снова!) о местном опыте работы – как минимум, пятилетнем.

Ну, и наконец, секретарские должности (Secretary или Administrative Assistant), где снова все то же – опыт работы, причем желательно то в торговом отделе, то в отделе обслуживания клиентов, то в отделе кадров – можно подумать, что там компьютеры стоят какие-то особые, или бумажки надо раскладывать специальным способом. А резюме у меня опять то же, что и для инженера! Несколько раз я пыталась явиться лично в те места, где требовались секретарши. Где-то я просто отдала резюме, где-то заполнила заявление о приеме на работу – и это было все.

Объявления надо еще уметь читать. Я уж не говорю об общепринятых сокращениях, как, скажем, hrs (hours), wk (week), wpm (word per minute), exp (experience), hlpf (helpful) и так далее. Вот, например, написано: Degree preferred, т.е. – степень предпочтительна. Что за степень? Какая? Уж не кандидата ли технических наук? Да, я однажды так и написала в резюме на объявленную позицию (где, кстати, был нужен русский язык) – и больше о них и не слышала (В свое оправдание могу только сказать, что это было мое самое первое резюме, даже еще и не напечатанное, а написанное от руки). Так что, полагаю, для секретарши нужна какая-то другая степень – например, AA degree (Associate of Arts) – что я позже и стала широко использовать. *(До сих пор не имею ни малейшего представления, что эта степень собой представляет.)*

Были у меня “засылы” в весьма интересные места – например, в консульство Италии, куда было отправлено прошение 26 ноября. Итальянский – в числе некоторых других языков – я когда-то учила с наслаждением ввиду его необыкновенной красоты и музыкальности – потом забросила и забыла, но каково же было мое удивление, когда-таки оттуда пришло письмо, все по-итальянски, и которое я смогла прочитать! Причем без словаря вовсе – у меня и в Москве словарь был библиотечный, а уж здесь – откуда? Письмо описывало подробно должность и приглашало на экзамен по итальянскому языку. Тут я, конечно, смутилась. Экзамен! А я ведь уже не помню даже спряжений основных глаголов! Мысли судорожно заметались между следующими альтернативами: срочно сесть повторять (учебник был с собою), или же оставить эту идею вообще. Я уже почти собралась идти сдавать, как проблема решилась сама собой: при более подробном прочтении письма выяснилось, что для данной должности существует возрастной ценз, а именно, кандидату не должно быть более 40 (или 42?) лет, ну а поскольку этот возрастной рубеж был мной некоторое время назад пройден (как я говорила выше, мне было уже за 50), то все сомнения отпали, и учебник итальянского был снова помещен на дальнюю полку в шкафу, откуда он так поспешно был вытасчен.

13. Израильские танцы

Как раз после того письма, которое я привела в предыдущей главе, меня засыпали вопросами о танцах, чем я была весьма удивлена, – как же, неужели я никому не писала о них! Но это была столь интересная и любимая для меня тема, что я готова была говорить о ней всегда, в любое время дня и ночи, в том числе и в письмах.

Конечно, и здесь я расскажу об этих танцах, нельзя же все время занудно толковать о поисках работы! Вообще всякий, кто знал меня в той жизни, никогда бы не сказал, что я буду танцевать израильские танцы. Да и я бы сама не сказала. Однако чего только в жизни не бывает! Разумеется, это не началось просто так – а однажды мне довелось увидеть африканские танцы под аккомпанемент тамтама – это было в одной танцевальной школе, где несколько человек плясали под руководством живописной африканской дамы. Казалось бы что – тамтам – но мои ноги сами стали проситься в пляс. Да, мне это понравилось, но свои занятия танцами я решила отложить до поры до времени – пока не устроюсь на работу – кто же танцует не работая! Но об этой идее я не забывала, и когда, наконец, стала работать, то попыталась найти в той самой школе возможности танцевать. Однако судьба не была ко мне благосклонна (а может быть, наоборот – была) и я никак не могла попасть в то место в рабочие часы – то школа была уже закрыта, то еще не открыта.

И вот тут-то мне попала на глаза однажды рекламка нашего Еврейского Центра Западного Лос Анджелеса. И там были объявлены израильские танцы. Ну что же – подумала я – чем израильские хуже этих африканских. И пошла я туда – со своей подругой Кирой. Кира все это, естественно, бросила – в особенности потому, что ее супруг, Леня, припугнул ее возможностями террористических актов мусульман против евреев (это было как раз в то время, когда один еврейский фанатик расстрелял мусульман в мечети), и почти что стопроцентной вероятностью того, что эти акты и разразятся в нашем центре и именно в то время, когда мы там будем предаваться радостям израильских танцев. Я, конечно, тоже опасалась стать невинной жертвой межнациональной розни, но страсть к танцам – иначе не сказать! – взяла свое, и вот так я и ходила туда (а позже и в другие места) регулярно в течение многих лет.

Учителем нашим был тогда Йосси, невысокий хрупкий израильтянин, уж не слишком молодой, лет 60-ти, с горящими черными глазами и обаятельной улыбкой. Танцор он был отменный – не танцевал, нет! – но парил, но летал над полом! Он обожал женщин – и те платили ему взаимностью, сам был женат несколько раз, имел и детей, которые временами заходили к нему на уроки и радостно отплясывали вместе с нами. В мелодиях этих танцев я сразу услышала отголоски всех советских песен, знакомых мне с детства, да и вообще многие мелодии находили отклик в моей душе, и я получала и продолжаю получать огромное удовольствие от этих посещений центра (признаться, мне казалось бы неплохой идеей к этой книжке в качестве приложения добавить кассету с израильскими танцами).

В основном эти танцы танцуются хороводом, в кругу, хотя есть и парные танцы и весьма трудные среди них. Кое-какие танцы созданы на мелодии советских песен – так, например, есть танец “Рина” – это песня Утесова “Как много девушек хороших”, только слегка синкопированная и стилизованная на еврейский лад. А еще песня 60-х годов: “...Путь далек у нас с тобою, веселей, солдат, иди! Вьется, вьется знамя полковое, командиры впереди....” И мне всяких раз смешно – знала бы я когда-то, в Подмоскowie зимой 60-го года, когда мы в поле распевали эту песню – что я буду под эту музыку и слова, произносимые на иврите,

бодро, в маршевом стиле, вытанцовывать к центру круга: “В путь, в путь, в путь!... И для тебя, родная, есть почта полевая, Прощай, труба зовет: солдаты, в поход!”

Многие еврейские танцы можно найти на youTube, в частности, мой любимый – “Лестница Иакова” . Вот так примерно мы и танцевали в нашем центре.

Вообще, эти танцы, о которых в Москве я слыхом не слыхивала, составляют значительную часть еврейской культуры и весьма широко пропагандируются в Соединенных Штатах. Только в одном Лос Анджелесе я знаю не менее десятка мест, где танцуют эти танцы; по ним даже защищают диссертации, и ездят с пропагандой их по всему миру. Как-то недавно одна из известных мне учительниц танцев ездила в Польшу обучать им тамошний народ. В нашу группу как-то приезжал учитель танцев из Буэнос-Айреса – так сказать, на стажировку, поскольку он был весьма молод и неопытен. Только в нашем центре сейчас есть три дня в неделю танцы – два раза утром и один раз вечером. До недавнего времени их было еще больше – два вечером и два утром. Но о танцах мы, возможно, еще поговорим, а пока давайте же опять вернемся все к той же теме, а именно “легкому хлебу” Америки – а, впрочем, мои рассказы о танцах могут заставить читателя усомниться в правомерности вот этих кавычек.

14. Агентства и тесты

Итак, я продолжала рассылать свои резюме, подавая на различные должности; время так и шло, подошли праздники – Рождество и Новый Год, и вот уже где-то в январе мне попался на глаза журнал “Working World” (то есть, “Рабочий Мир” или “Мир Работ”) – бесплатный, его можно найти на любом углу. В основном там рекламировали себя агентства, которые предлагали вас устроить на массу должностей. Прочитав их обещания, дух захватывало. Word Processors! Secretaries! Administrative Assistants! (Машинистки! Секретари! Помощники по административной работе!) И зарплаты – 30 тысяч и выше! Тут я снова обрадовалась тому, что уже с середины осени стала заниматься печатанием и редактированием текстов, и, собравшись, наконец с силами, стала уже звонить в агентства. Их было много.

В одном из агентств – после просмотра моих анкет – меня глубоко оскорбили, сказав, что таким, как я (то есть без местного опыта работы) они не помогают. У меня от возмущения прорезался голос (обычно я на всех этих интервью была довольно молчалива), и я, возмущившись, сказала, что если бы у меня был местный опыт работы, то я могла бы устроиться и без них. Однако эти мои слова ни на кого не произвели впечатления, секретарша стояла передо мной, заученно улыбаясь, и повторяла все то же. Мне пришлось удалиться оттуда, несолоно хлебавши. Когда же я пожаловалась Карен на это, она мне тут же сказала: “Да за чем же дело стало? Пиши в резюме, что ты работала у меня секретарем!” (Я у Карен действительно, как вы помните, когда-то работала, но не секретарем, а – нянькой). И вот таким образом у меня, наконец, появилась вожденная запись, первая строчка, которую я радостно и гордо вписала в свое резюме. “Работа у доктора” – я работала у него секретарем, печатала письма, доклады, раскладывала бумаги, рассылала корреспонденцию и прочее, и прочее.

Во всех агентствах я заполняла анкеты, всюду проходила тесты. Вот они – агентства; я их выписала в своей тетради на отдельный лист. В некоторых из них дело не шло дальше звонка – например, в Career Strategies, что на Вилширском Бульваре. Мне обещали отзвонить – и этим дело и кончилось. А вот – blaine & Associates (так они и пишутся, с маленькой буквы) – на Санта Моника Бульваре, в Сенчури Сити. Там я побывала, и даже проходила тесты – на грамматику, на скорость печатания и на орфографию. В грамматике, полагаю, я сделала некоторые ошибки, но незначительные. Что касается печатания, то они каким-то таким странным образом подсчитали мою скорость, что она получилась едва ли не более 120 слов в минуту, и это в то время, когда я еще и 50 не набирала. Но несмотря на такие темпы печатания мне они ни разу не позвонили. В Нетворк Темпорарис Сервис я не печатала, но проходила тест на – полагаю – идиотизм: арифметику (сложение и вычитание) и на порядок букв в алфавите и чисел.

Во многих из агентств были сходные тесты (т.е. у них была одна и та же программа проверки). Первая часть – на скорость печатания; сначала дается 5 минут на разминку, а потом – 5 минут на тест. Потом компьютер сам все распечатает и подсчитает – и скорость печатания, и ошибки. Следующая часть – на Word Perfect: дается ряд вопросов, и надо показывать, какие клавиши будешь использовать для тех или иных действий. Еще дается письмо некоему адресату, написанное от руки, которое надо напечатать по положенной форме, исправить ошибки – как грамматические, так и орфографические, включая знаки препинания. В данном стандартном тесте это письмо не было трудным, т.е. ошибки можно было легко заметить, а пропущенные знаки препинания были очевидны. В некоторых

агентствах предлагали написать письмо самостоятельно – так называемое благодарственное письмо, Thank you letter.

Практически во всех местах был и тест на орфографию. Они бывали разными. В одном случае дают список слов, некоторые из которых написаны с ошибками – и надо их отметить и дать правильное написание. Например, accomodate – заменить на accommodate, oficial – на official, responce – на responsible, suspision – на suspicion, goverment – на government, acknowlegement – на acknowledgement, dezirable – на desirable, nuicance – на nuisance, supercede – на supersede, bookeeper – на bookkeeper, infallable – на infallible и так далее.

В других тестах дается список слов – в таком виде, как они произносятся – со сливанием звуков, с проглатыванием их, т.е. нечто, похожее на знакомую нам транскрипцию, однако в другом виде. И вот глядя на это произношение надо написать слова. Иногда значение “произнесенных” слов расшифровывается, т.е. даются их значения. С этой частью тестов я обычно справлялась неплохо – скажем, на 100 слов я делала 6-7 ошибок, и это обычно были слова, которых я никогда не слышала. Есть еще тесты – самые для меня сложные – когда надо заметить ошибки, которые не может найти редактор текста, т.е. где нужное слово написано ошибочно, но само по себе представляет некое слово. Например, here вместо hear, blew вместо blue, were вместо we're, his вместо he's и так далее. Ко всему еще надо изменить письмо стилистически, т.е. кое-где изменить порядок слов, поставить тире или запятые, добавить кавычки.

Тесты на грамматику не были сложными – проще, чем предлагаются на экзамене SAT – это экзамен за среднюю школу (то есть местную High School). Они тоже бывали разные. Например, надо подобрать нужное слово в предложении (даны в скобках два слова – скажем, отличающиеся одной буквой – stationary и stationery или affect и effect и так далее). Иногда глагол надо поставить в единственном или множественно числе “I and my son (are, is) in the library”. К сожалению, у меня никогда не было времени записывать эти вопросы, так как время обычно ограничено, и можно успеть только ответить на вопросы. Может быть, как-нибудь позже, я пойду специально для того, чтобы списать вопросы из этих тестов и тем самым украсить мои записки.

Так вот я ходила по агентствам, заполняла там различные анкеты, проходила тесты (тесты я обычно проходила благополучно), посетила я их с десятков, самых разных, предлагающих как постоянную, так и временную работу, но из них никогда мне не дали ни одного приглашения на работу. Только из одного – как сейчас помню их название – Селект Персонал – меня однажды послали на работу на воскресенье на помощь в большой универсальный магазин, когда, позвонив им, я взмолилась о работе. В магазине я проработала 8 часов с оплатой по 5 долларов в час. Во всех агентствах запрашивали список рекомендателей, однако позвонили Карен всего один раз.

К тому времени и мое резюме трансформировалось до неузнаваемости когда я, наконец, осознав всю неприемлемость сверхквалификации при попытках устройства на работу, уже не пыталась с законченным высшим образованием подавать на должности секретарши или же чертежника. У меня в то время уже было как минимум три различных резюме. Если я пыталась подавать на инженерные должности (а эта мечта была надолго со мной), то в том резюме я всю жизнь работала инженером и только инженером, и именно в тех местах, которые требовались. Когда – на чертежника, то вся моя рабочая деятельность была всю жизнь в черчении. Надо было проявить немало смекалки, чтобы выдумать все эти названия

институтов, в которых я якобы работала и рабочие обязанности, которые я там исполняла. При этом надо было еще и образование подгонять под свою рабочую историю. И в случае чертежника я выдумала себе такое – полагаю, совершенно непонятное местным работодателям – как Инженерный Техник (про себя представив некий техникум в России). Мое воображение расцветало пышным цветом, и я измышляла самые разнообразные места работы, иные никогда и не существовавшие. Конечно, не оставила я своим вниманием и секретарскую работу, и у меня было и секретарское резюме, свидетельствовавшее о моей долгой и плодотворной работе секретаршей в различных учреждениях города Москвы.

И еженедельно я рассылала резюме – на позиции инженера, чертежника и секретарши. Объявлений на чертежника – 4 или 5 на всю воскресную газету Лос Анджелес Таймс, инженеров моего профиля (воображаемого) – и того меньше, а вот секретарей – так неизмеримо больше. Да и агентства были заняты в основном секретарями и машинистками.

Конечно, я действовала не только через агентства и путем рассылки резюме. Я побывала в нескольких университетах и госпиталях. Во всех учреждениях такого рода распространяются списки вакантных должностей, есть они и в отделе кадров (Personnel). Туда не возбраняется приходить, заполнять анкеты, иногда – сдавать тесты. Пожалуй, даже не иногда, а – почти всегда. На первых порах я еще не справлялась с предписанной мне скоростью печатания, и показывала что-то совсем немного – около 40 слов в минуту. Потом стала печатать гораздо лучше. Кроме печатания, сдавала еще тесты на грамотность. Но – увы! – на этом все и кончалось. Позже мне сказали люди, работающие в университетах, что берут туда в основном только по рекомендации, и вообще служащие этой организации имеют преимущество при подаче заявления на существующую должность. Позже мне стал известен пример одной моей знакомой при устройстве в университет. Поэтому попасть в университет или госпиталь со стороны – это дело практически нереальное. Но тем не менее я понимала, что если не подавать заявлений вообще, то шанс вовсе будет нулевым, а так он все же от нуля отличается и притом в положительную сторону.

Как-то Карен мне сказала, что в их регулярно издающемся бюллетене об имеющихся вакансиях она видела должность клерка на 10 долларов в час, и посоветовала мне подать заявление. “А я напишу тебе рекомендацию,” – прибавила она. Ну что ж, я туда и поехала, в Торранс (это было достаточно далеко от меня, не меньше 45 минут в один конец), зашла к Карен за рекомендацией; прочитавши ее обнаружила, что она меня очень хвалит, а заодно и сообщает, что там, в моей стране, я была инженером, что для самой Карен являлось достоинством и подтверждением моих высоких возможностей, но что это представляло для других – об этом я уже говорила... Я не стала просить ее переписать эту рекомендацию, пошла в отдел кадров, благополучно сдала тест на печатание (двумя месяцами раньше я его там же не прошла – это был тест на пишущей машинке, а не на компьютере), и приложила к своему заявлению эту рекомендацию. Меня на интервью не вызвали. Мне и не отказали – ни вежливо, ни грубо; остается предположить, что эта должность так и осталась незанятой.

Еще мне сказали, что хорошо работать в банках. Да, кажется, как это удобно искать там работу – банки ведь на каждом шагу! Но – увы! – когда-то действительно можно было найти работу в банке, зайдя туда с улицы. Но теперь – только надо ехать в головное отделение банка, и там начинать всю такую же историю, что и с госпиталями, и с университетами. Я побывала в нескольких таких отделениях – и жду ответа от них до сих пор. Хотя нет, не совсем так – иногда можно заполнить анкету и в банке – как-то раз я, уже совсем отчаявшись, расплакалась перед своей банковской служащей, то ли открывавшей, то ли закрывавшей мне

счет, и она из жалости принесла мне анкету для заполнения. Такая милая девочка, Эрика, уже лет 6 жила в Америке тогда, приехала из Еревана и немного говорившая по-русски. Была я также и в большинстве крупных магазинов в округе – радости эта работа мне бы не принесла, но вполне возможно было бы там работать. Но, к сожалению, и это было безрезультатно. Позже мне рассказывали, как кто-то видел, что у них в отделе кадров эти заявления кипами лежат на полу, и на них никто не обращает внимания.

Также я еще посетила несколько ближайших домов для престарелых (одна моя подруга – кстати, действительно работавшая инженером, – безуспешно пытавшаяся найти работу чертежницы, как раз недавно устроилась кем-то типа администратора в дом для престарелых, чем и меня вдохновила на эти походы). К сожалению, и эти посещения результата не дали.

15. А может быть, стать бэбиситтером?

Конечно же, когда я говорю о поисках работы – как же я могу не рассказать о работе, которую я “знаю и люблю” (как когда-то в Москве я сказала одной своей приятельнице про работу агитатора: “Я эту работу знаю и люблю...”) Речь идет, конечно же, о работе няни или baby-sitter, той, с которой началась вообще-то по крупному счету моя эмиграция. И я не забывала. Надо сказать, что, буквально через неделю после приезда, мне позвонила владелица агентства, через которую Карен доставала няньку для своего малыша, и предложила мне работу. Нет, не то, чтобы работу, но – интервью (Да, именно так – и для работы няньки встреча с работодателем называется этим важным словом “интервью”) Не помню сейчас, какова была плата, но помню, что я тогда отказалась по причине долгого рабочего дня, что, в общем, закрывало для меня возможность учиться, пожелай я того. А больше та дама мне и не позвонила.

Потом шло время, я стала учить КАД, писать резюме, даже и ходить на интервью, и всегда имела в виду и эту сферу деятельности. Совсем не могу сказать, что я хотела работать в няньках, однако если ничего не удастся найти лучше, я была бы согласна и на это – временно, конечно. Всякий труд почетен, как известно, однако кроме совершенно очевидных недостатков этой работы (ответственность за ребенка, придирки хозяев, выполнение добавочных работ по дому, и при этом с весьма небольшой платой) имелись для меня и другие: невозможность учиться, сочти я это нужным, так как рабочий день обычно 10 часов плюс время на дорогу, и невозможность ходить на интервью по специальности. В общем, эта сфера деятельности всегда присутствовала в моих поисках работы – так сказать, “за кадром”.

В одном из предыдущих своих писем я уже упоминала о визите к старушке Бэлле, а также к миссис Шварц. Я продолжала и дальше работать в том же направлении. Моя тетрадь пестрит выписками или вырезками из газет, относящихся к работе домработницы или же няньки. Но вообще-то все оказалось не так уж просто, в особенности, учитывая то, что хотела (по крайней мере, поначалу) работать неполный рабочий день. Начать с того, что по большей части требовались няньки на полный день, а то и вовсе с проживанием. Хотя я в свое время трудилась у Карен с проживанием, но мое свободное время начиналось с 6 часов вечера, когда Карен приходила домой. Но это была Карен – человек редкий вообще. А обыкновенно няньки, которые живут в доме, продолжают опекать ребенка (или же заниматься домашним хозяйством) еще после прихода хозяев, или же родители появляются дома уже поздно вечером, когда ребенок спит. Далее, обычно нужна машина. Так что пока машины не было, возможностей было совсем немного. Я, конечно же, предпочла бы – уж если бы пришлось выбирать – работу не няньки, а домработницы. Но для этого машина была еще более необходима.

В общем, между поисками работы инженерной, чертежной или секретарской, я время от времени посещала агентства, которые поставляют домашних работниц или же няnek. Во всех я заполняла анкеты, во всех гордо писала о своем американском опыте работы, всюду указывала рекомендателей. В одном из агентств с меня взяли 10 долларов за услуги, чем Карен была весьма недовольна, а еще из одного агентства мне позвонили и предложили – нет, не работу – но интервью. Это было где-то весьма далеко, за очень небольшую плату, и я отказалась. Больше приглашений не последовало, так что польза от агентств была практически нулевая. Сама же я регулярно позванивала по объявлениям, при этом, несомненно гордая своими былыми подвигами на стезе бэби-ситтерства, оставляя сообщение на автоответчике, говорила, что у меня есть местный опыт работы и отличные рекомендации.

Хотелось бы мне тут привести копию тех страниц моей тетради, где у меня вырезаны были объявления на няnek и домработниц. Я их даже иногда выписывала от руки – это как бы придавало значительность моим поискам. Вот, например, объявление: “Уборка, стирка, приготовление пищи, поручения, уход за пожилой супружеской парой, проживающей в Западном Лос Анджелесе. 20 часов в неделю. Английский, умение водить автомобиль – обязательны.”

А вот – “Няня на неполный рабочий день. Два мальчика – 3 и 6 лет. Английский, автомобиль, некурящая, очень надежная, Рекомендации. “ Еще: “Уборка дома – 6 долларов в час. 12-14 часов в неделю. Честная, трудолюбивая. Рекомендации обязательны.”

Примеров может быть множество. Ответы бывали разные – от никаких (я оставляла сообщение на автоответчике и этим дело и заканчивалось) до стереотипных – кто-то уже должен к ним придти завтра (послезавтра, в воскресенье...) на интервью, и вот если не подойдет, то вот тут-то мне и позвонят...

Все же у меня была парочка интервью на бэби-ситтера. Одно было в афро-американской семье, где я провела полчаса в очень милой беседе с очаровательным молодым папой (до сих пор помню это приятное впечатление от общения с ним), который был по-видимому огорчен той суммой, которую я назвала ему в качестве заработка (а назвала я, кажется, “не менее 5 долларов в час”) – предполагая, наверное, платить несколько меньше. В общем, так я с ними больше и не встретилась.

Еще я помню интервью в очень хорошем районе, в Пасифик Пэлисейд – вот уж кто там был из детей, мальчик или девочка – не припомню. Кажется, мальчик (а у тех темнокожих – девочка). Интервью было преподобнейшее – и кто я, и откуда, и какая у меня семья, и с кем я живу и так далее, и тому подобное. Работать надо было там с 7 утра до 6 вечера; ехать далеко – минут 40; оплата – 4 доллара в час. Мне еще надлежало закончить курсы по оказанию первой помощи. Я на все была согласна, сияла жизнерадостной лучезарной улыбкой, гугукала с ребенком – тем самым выражая свое горячее желание посвятить всю себя работе в этой семье, забыв, естественно, себя и свою семью. В особенности мне там понравилось то, что работа должна была спустя месяца два прерваться ввиду отпуска хозяев и их отбытия в Европу на месяц-другой. Возможно, эта радость была слишком заметна, тем более, припоминаю, я даже не спросила о том, а что же будет потом – после отпуска, что, конечно же, несло какую-то информацию обо мне и о моих тайных желаниях или же нежеланиях. Так или иначе, но больше я об этих людях не слышала – так они мне и не позвонили, чем я, признаться, не была особенно огорчена.

16. История Аллы

Говоря здесь о работе няни, я хотела бы включить – пока не забыла – историю одной русской женщины, Аллы, из города Софрина, что под Москвой, по Ярославской железной дороге. Прямого отношения ко мне эта история не имеет, однако полагаю, она несколько украсит мое занудное повествование. В ее поездке в Америку было много авантюрного – да, иначе как авантюрой этот вояж и не назовешь – без языка, куда-то к чужим людям на работу... Тут не зря мне вспоминаются строки Некрасова: “...Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...” Приехала она сюда для работы няней – некая предприимчивая местная дама по имени Софа, собой пригожая – как говаривала позже Алла – организовала агентство и стала поставлять дешевую рабочую силу из России. В Москве Софа была связана с одной из знакомых Аллы, вот так Алла и оказалась в Лос Анджелесе.

Поначалу она работала в русской семье в Ирвайне, городке в соседнем графстве. Там на ее попечении было двое детей и старушка нелегкого характера, да и домашняя работа по стирке, уборке и прочем. Алла не роптала, получая свои 150 долларов в месяц (остальное получала Софа), одно только ей не нравилось, что городок тот Ирвайн был как большая деревня – никуда не пойти без машины, магазины далеко, да и знакомых нет. Однако с течением времени что-то уж очень неумоготу стало ей в том Ирвайне, она упросила Софу подыскать ей другое место, и вот так она и оказалась в ортодоксальной еврейской семье в четырехэтажном доме в Беверли Хиллс, где мой сын Тема подрабатывал в то время вахтером. В семье той была только одна девочка 8 месяцев, но, несмотря на это, работы у Аллы не убавилось никак по сравнению с предыдущими хозяевами, а, наоборот, прибавилось.

Языка она все так же не знала, как и сразу после приезда (разве что только “спасибо”, “здравствуйте”, “до свиданья”), но это не смутило эту довольно молодую супружескую чету, соблазненную дешевой рабочей силой, и несмотря на языковые проблемы, как-то им (т.е. хозяевам и няньке) удавалось сосуществовать.

Знакомство моего сына, Темы, с Аллой произошло следующим образом. Как-то однажды Аллина хозяйка, до тех пор не замечавшая своего вахтера и проходившая мимо него, как мимо стоящего рядом дивана, вдруг стала улыбаться ему и здороваться с ним, а вскоре и спросила, не русский ли он. Получив утвердительный ответ, она радостно сообщила, что у них сейчас работает русская няня, так не согласится ли он послужить между ними переводчиком. Разумеется, Тема согласился, и тут была приведена Алла. Разговор шел в основном о рабочих обязанностях Аллы – что можно, что нельзя, что делать с ребенком, когда гулять, когда спать укладывать и так далее. Так они и познакомились и еженедельно (а Тема работал там в субботу и воскресенье) она, проходя мимо, всегда останавливалась и изливала Теме душу. Относилась она к нему очень почтительно, обращаясь на “вы” – как вдова Грицацуева к Остапу Бендеру. Признав в нем родственную душу, она при всех последующих переговорах с хозяйкой жаловалась, склонившись к его уху, как ей нечего есть – в холодильнике только йогурт – да как они там с ней плохо обращаются и так далее, и при этом приговаривала: “Только вы это ей не переводите!” И Тема, на взволнованный вопрос хозяйки “Что она там говорит?” трехминутный Аллин диалог пересказывал одной-двумя фразами.

Алле надо было смотреть за 8-ми месячной девочкой, к которой она искренне привязалась, и сурово осуждала хозяев, которые то усаживали ее около раскрытого балкона, где ее могло продуть, то таскали с собой в гости, где были дети, зачастую простуженные, с насморком или

кашлем, и девочка от них заражалась. Алла хотела, чтобы во всем был порядок, чтобы все было “как надо”, но ей никак не удавалось донести это до сознания хозяев, хотя она и пыталась время от времени это делать с помощью Темы.

Работы у нее было много: с девочкой она была целый день, но даже вечером, когда хозяева были дома, для Аллы находилось множество дел. Когда девочка ночью просыпалась и плакала – все та же Алла к ней вставала и успокаивала. С одной стороны, родители хотели спать, а с другой – они хотели, чтобы девочка приучилась спать одна и не плакала ночью, поэтому и не вставали. Но сердце Аллы не выдерживало – и она неслась к своей “птичке”.

У Аллы был и выходной, но если она не уходила с утра, то ее немедленно загружали: или совали девочку в руки, или же заставляли чистить до бесконечности столовое серебро, или же мыть кухню, или драить ванну – и так далее до бесконечности. Видимо, хозяйка не терпела праздности.

Еще печальнее было с едой. В течение дня хозяева дома не ели, вечером же они отправлялись в ресторан, и на долю Аллы (а она все же была нанята на условии ее полного обеспечения) оставался лишь йогурт в холодильнике. Каково же ей было, российской крестьянке, без милой ее сердцу еды – без всей этой картошки, колбасы, мяса! Как-то раз, при очередном выяснении отношений с хозяйкой, когда Алла жаловалась, что она голодна, хозяйка восклицала: “Да не может быть! Ведь полный холодильник еды!” В конце концов Алла не выдержала, и на свои деньги купила себе, наконец, еды – колбасы, масла, хлеба. Это привело к новому обсуждению – ах, нет, не к обсуждению – это был взрыв!

Дело было здесь в том, что хозяева были – уж если не слишком отродоксальными – но все же достаточно религиозными, чтобы есть только кошерную пищу, которая могла подаваться в отдельной посуде, резаться специальным ножом, а также не сосуществовать с другими видами пищи. Алла же своим жестом не только показала, что о ней хозяева не заботятся, но также и осквернила холодильник своими некошерными продуктами. Так что хозяйка, стоя перед Темой, дрожащим голосом говорила: “Так что же, разве мы ее не кормим?!” – А Алла восклицала: “Да нет же ничего в холодильнике!” Хозяйка пыталась Алле объяснить, что ее пищу надо немедленно выбросить из холодильника, Алла протестовала. В итоге сего мероприятия некошерная пища все же покинула холодильник, но с той поры в нем все же стала появляться кое-какая еда, подходящая для Аллы.

Тем временем Алла уже вышла из-под опеки агентства, которое удерживало большую часть ее зарплаты в течение года, и стала получать свои 700 долларов в месяц сама. В России у Аллы была дочка с семьей, домик и многочисленные родственники. И каждый выходной Алла отправлялась в ближайшие магазины (это только говорится “ближайшие”, а до них было не менее получаса ходьбы – чтобы дойти до автобуса и на нем поехать, потребовалось бы, полагаю, вдвое больше времени) и накупала там всевозможные товары. Она знала все дешевые магазины в округе, все распродажи, и все места, откуда можно было посылать посылки. И она посылала. Отправляла она также и деньги – то на ремонт печки, то на постройку террасы, то на новый забор. Теме раз довелось прослушать звуковое письмо Аллиной дочки, которое все содержало в себе информацию об уже полученных покупках – как они подошли или нет – и просьбы о последующих.

В итоге, проработав в этой семье около года, Алла решила, что с нее уже хватит. Каким-то образом она проведала, что в Чикаго нужны сиделки – кажется, она прочитала об этом в

русской газете – созвонилась с кем-то в Чикаго, и отбыла. Английского ей уже хватило, чтобы объявить своей хозяйке об отъезде и взять у нее свой просроченный паспорт. Впрочем, разговор был короткий. “Monday – good bye!” (То есть: “В понедельник – до свиданья!”) – сказала Алла. Из Чикаго она звонила Теме несколько раз: она работала сиделкой у какой-то старушки, зарабатывала 5 долларов в час наличными, работой была довольна, огорчалась только тем, что не было поблизости русских и поэтому ей было там тоскливо. “Ну что же, – говорила она, – вот поработаю еще годик, и домой пора. Пора отдохнуть. Пусть теперь молодые работают.” Более ничего мы об Алле не слышали – наверное, вернулась она, наконец, в свое родное Софрино.

Мне, по сравнению с Аллой, с одной стороны не повезло, так как я все же не устроилась на работу няни; с другой – вполне повезло, поскольку все-таки не могу сказать, что хотела бы оказаться на ее месте. Но у Аллы не было выбора, а у меня – все же был, и я и старалась добиваться чего-то другого, хотя многие мои подруги, включая Карен и Киру, все напоминали мне об этой возможности.

17. Вы знаете, как проходить интервью?

После того, как я внесла первую строчку в свое резюме – относительно работы у доктора в качестве секретаря, а потом еще – о работе в Отделении Социальных Needs – Social Service Department, в Собесе по-нашему, о чем я собираюсь рассказать вам позже, меня мало-помалу стали вызывать на интервью. По поводу этого события я уже задолго до того слышала от моих друзей: “Вот, на интервью ты наденешь вот это платье...” или: “Вот, когда тебя вызовут на интервью...” Интервью, по-простому, – это встреча с работодателем, которая может завершиться вожделенным приглашением на работу.

По поводу интервью (так же, как и по поводу резюме или же сопроводительного письма) написано множество пособий. В колледжах, в программе Career Development учат (точнее, пытаются учить), как себя вести на интервью. В книгах описываются разные возможные типы интервью и то, как к ним надо готовиться. Надо придти чисто и аккуратно одетым. Стиль одежды – деловой. Белая рубашка с галстуком для мужчин; строгая юбка с блузкой и жакетом – для женщин. Косметики немного. Украшений – не слишком. Прическа аккуратная. Не опаздывать! Лучше заранее съездить к месту встречи, чтобы знать особенности пути и парковки.

Меня Бог миловал. Сколько раз я выезжала впритык – так, как только по знакомому маршруту можно во-время приехать, и никогда не опаздывала. Все советы одеваться, конечно, были для меня важны – хотя странно было бы предполагать, чтобы я пришла на интервью в рваных джинсах или же с кольцом в носу. Еще советуют получить разные сведения об организации заранее – ее проекты, планы, величину и проблемы, с которыми они сталкиваются. Чтобы показать, что вы внимательно слушаете интервьюера, время от времени повторяйте за ним часть сказанного – как эхо, так сказать. Научитесь приветливо здороваться, крепко жмите руку и всячески выказывайте свое расположение.

Будьте искренни, однако никогда не унижайте себя. Говорите отчетливо. Помогите интервьюеру – расскажите подробно о своем опыте и умениях, и кроме того, покажите, как ваши умения важны для работы именно в данной организации. Не проявляйте ни излишней серьезности, ни развязности. Слушайте внимательно, смотрите собеседнику прямо в глаза.

После интервью не забудьте написать благодарственное письмо. Обдумайте прошедшее интервью, попытайтесь сделать для себя выводы, как провести следующее интервью лучше. Звоните по временам в эту организацию и пытайтесь узнать о решении по поводу данной позиции.

Что бы я могла сказать об этих советах. Да, разумеется, они полезны: каждому, кто собирается искать работу, необходимо их все прочитать и осознать. Это – уже азбучная истина. Следуя всем этим советам я одевалась соответствующим образом, старалась выглядеть лучше – хотя частенько такая распаренная вылезала из машины из-за жары – что все мои старания шли насмарку. По счастью, я никогда не опаздывала – хотя по большей части выезжала настолько впритык, что только со знанием дороги можно было бы приехать вовремя.

Один из советов, полученных от друзей, гласил: говорить поменьше. То есть: вопрос – ответ, вопрос – ответ. И все. Как на допросе. Чтобы поменьше дать информации о себе. А интервьюер приглашает к разговору, сверкает белозубой улыбкой, так и хочется что-то еще

сказать – а тут ты и проговорился! И что-то о себе рассказал такое, чего не следовало бы говорить!

А вот цитата из книжки: “Надо быть готовым задавать вопросы – ведь не только вас интервьюируют, и вы тоже интервьюируете!” Ах, не слушайте этого пособия – вам попросту льстят! Хотя это могло бы быть и правдой – будь у вас выбор. Но у вас его нет! И вы хотите пойти не просто на работу – но на любую работу! Поэтому забудьте о том, что вам кого-то надо интервьюировать, ничего вам не надо. А вот что вам надо – это, конечно, надо задавать вопросы об организации, затем радостно улыбаться и ахать – ах, да неужели? Неужели вы все это делаете! Как же это прекрасно! Как великолепно!

Я не знаю, где можно узнать что-то о компании – наверное, в библиотеках. *Сейчас-то, наверное, все это есть он-лайн.* Кстати, когда я позже пыталась заниматься импорт-экспорт бизнесом, я действительно просматривала справочники компаний, нужных мне – но нигде я не нашла той, в которой я сама работала. Возможно, в той библиотеке не было нужного справочника... Так или иначе, возможно, кому-то этот совет и важен – скажем, инженеру высокого уровня или, например, менеджеру. Но я-то к таковым не относилась, и у меня не было выбора. Проблемы, будущее, размеры – какая вам разница? Вас эти проблемы не коснутся. Вам надо просто выжить.

“Обдумайте снова свое интервью. Решите, что было неудачно, что надо улучшить в следующий раз”. И вот мы все стараемся обдумывать и решать – где же это мы допустили промашку? Улыбнулись не во-время? Где-то не поддакнули? Не так взглянули? Не беспокойтесь об этом, господа! Все было хорошо. Вы смотрели прямо в глаза, улыбались, где надо, спрашивали, что надо и так далее – как делали еще 10-20 человек до и после вас. Вас много, позиция – одна. И возьмут просто того, кто больше понравился интервьюеру, с кем он просто захотел работать – по причине ли лучших навыков, или возраста, или красоты, или элегантности – уж не знаю, и даже, возможно, невзирая на худшие результаты теста или более слабое рукопожатие. Или кто-то из начальников привел свою сестру (жену, племянницу...), и ее надо взять. Никогда не проверите, никогда не узнаете.

Способов отказа существует великое множество:

– Позиция занята.

– Мы сейчас производим предварительный просмотр всех заявлений; как только мы его завершим, мы вам позвоним.

– Мы вам позвоним завтра (послезавтра, на следующей неделе...)

В советах в книгах советуют позвонить в компанию через несколько дней и справиться об их намерениях относительно вас. Не нахожу это полезным – если вас захотят взять, вам сами и позвонят. Я помню, как в той компании, где я работала, мой начальник, Вик, набирал сотрудинок. Кого он хотел взять – тому он сам и позвонил. А кого не хотел – с тем и не разговаривал даже. Передавал ему через меня, что он позвонит ему позже.

18. Я делаю успехи

Так или иначе, но, как я уже говорила вам, по мере того, как прибавлялись строчки в моем резюме, гласящие о моем уже местном опыте, меня стали понемногу вызывать на интервью. После записи о рассылке резюме я отмечала, было ли интервью и когда. Много их было – мест и людей – и чередой они проходят предо мною. Интервьюеры – мужчины и женщины, красивые и не очень, молодые, пожилые, седые, крашенные, – но все без исключения приветливые, улыбающиеся, расположенные. И компании разные – в Даунтауне, где с улицы калитка на замке и забор решетчатый до небес, и в Малибу – на океанском берегу с чудесным видом из окон на пляж и океан. Едва ли не каждый район города мне знаком какой-нибудь поездкой на интервью. Вот там была Джун, там – Ширли Парслей, там – Билл, которому нужно было знать бухгалтерию, а вот там – черноглазая Трейси, казалось, такая понимающая и сочувствующая! Там был такой тест, а там – такой. Здесь меня спрашивали то, а там – это. И так далее.

Брентвуд. Это фешенебельное место в Лос Анджелесе. Был когда-то, видно, деревней, которая вошла в черту города. Брентвуд-Март – такая серия зданий, стилизованных под деревенские, типа Фармер Маркет в Лос Анджелесе, на пересечении Ферфакса и Третьей. Там была нужна служащая на почту. Я встречалась с менеджером, Джун, пожилой элегантной дамой, с которой с удовольствием побеседовала. Не могла бы сказать, что работа меня устраивала – не помню, что именно было не так – похоже, это была работа на неполный рабочий день, да и не на каждый день в неделю. Почтовая работа была, конечно, мне незнакома, и, конечно, я никак не могла бы утверждать, что работала на почте – но ведь я пыталась подавать заявления на любые должности, лишь бы заработать хоть что-то. Так или иначе, но меня туда не взяли, хотя я и сейчас полагаю, что могла бы украсить Брентвуд-Март своей персоной. И Джун мне – это очень редко бывает – позвонила и сказала, что она подобрала другую кандидатуру для почтового работника. По случайному стечению обстоятельств, Леня Дубинин вскоре после этого побывал на Брентвуд Март и видел как раз эту почту и развеселую афроамериканку, которая там работала.

Вот я еще ездила в Лонг Бич; это было далеко, миль 40, на свидание с некой Трейси. Там я в течение двух часов проходила тесты, которые, как сказали, прошла более или менее прилично – и на скорость печатания, и на грамотность, и на орфографию. Незадолго до того Карен дала мне совет. “Ты, – говорит, – скажи интервьюеру, что у тебя бедственное материальное положение. Твои дети учатся, муж не работает, ты должна работать, тебе не на что жить.” “Американцы, – добавила она, – любят помогать”. И вот там, как раз в Лонг Биче, я, вспомнив совет Карен, произнесла подготовленную тираду, глядя в широко открытые черные глаза Трейси. Да, она сочувственно кивала мне головой, в ее глазах светилось понимание. Но это было все – помочь мне она, может быть, и хотела, да только до определенной степени. Так я о ней больше и не слышала. Я еще несколько раз (раза 2-3) пыталась вызвать на сочувствие интервьюера, никогда этого не достигала, чувствовала себя униженной и оплеванной, и делать это перестала. Ах, не все же советы надо слушать – даже и идущие от чистого сердца!

А еще как-то у меня была встреча с неким Михаилом Искрой. Впрочем, его вполне звали Майкл, но мне – по фамилии – представилось, что он, может быть, потомок русских. Так я его себе и нарисовала, и потом вспоминала. Он мне позвонил, сказав, что ему понравилось мое сопроводительное письмо, и пригласил на интервью. Это было недалеко от меня, в Беверли Хиллс, я пошла пешком, не надеясь на автобус, что-то перепутала в адресе, и мне

пришлось нестись, как сумасшедшей. А жара стояла сильная, так что я появилась в офисе, видимо, не в лучшем состоянии. Майкл оказался довольно томным молодым человеком со скучающим взглядом. Вокруг сновали какие-то молодые девицы, кажется, компания занималась бизнесом в сфере развлечений, и я, полагаю, не слишком подходила к их обществу.

Майкл, глядя в потолок и явно скучая, задавал мне свои вопросы, что-то лопотал мне о работе, зевал, закатывал глаза и едва не засыпал. Потом его позвали к телефону, он вернулся и закончил свои вопросы.

Вот тут я и сказала ему: “Знаете что – возьмите меня на работу! Я – русская, а мы хорошо работаем, и я буду у вас хорошо работать!” Майкл от удивления широко раскрыл глаза, уставился на меня и, наконец, пробудился от своей спячки. Собственно, на этом мы и расстались, и – к сожалению, о Майкле я больше не слышала. А тут меня как раз и взяли на другую работу, но об этом – позже.

19. Зарабатываю строчку в резюме

О своем резюме я уже говорила – как оно менялось, трансформировалось, приспособляясь, как хамелеон, к жизненным обстоятельствам, и как я получила первую строчку в резюме. Нельзя сказать, что это был обман – я эту строчку заработала трудом, и, конечно, если Карен вспоминала мою пунктуальность при уходе за ребенком, и мою ответственность, и мои графики, коими я описывала ей распорядок дня ее малыша, она вполне могла взять на себя ответственность за эту строчку.

В этом письме я расскажу, как я зарабатывала очередную строчку. Конечно, все могло бы быть гораздо лучше и быстрее – если бы удалось эти строчки купить – да, попросту купить, уж если вас никто за руку не привел на работу и не посадил за рабочее место. Однако не всем и не всегда везет, и вот мне – не имея ни родственников, ни почти что знакомых – приходилось эти строчки зарабатывать.

Моя подруга Кира как-то раз навела справки для меня через свою знакомую, Лизу, в отделе социального обеспечения (Social Service Department), т.е. в Собесе по-нашему – не нужны ли там служащие. “Да, – ответила Лиза, – нужны, но только волонтеры”, и передала мне телефон, по которому мне следовало позвонить некой Энн Ламберт.

Ах, магическое слово волонтер! При этом всегда рвешься на работу, полагая, что вот-вот поработаешь сколько-то времени, и вот тебя, наконец-то примут на вожделенную службу. Да, конечно же, я позвонила этой Энн; она радостно пообещала мне выслать анкеты, которые пришли в свое время и которые я заполнила и отослала назад. На этот раз мне нужно было указать 3 (три!) рекомендации притом в письменном виде, я их дала и – представьте! – эти рекомендации были проверены (по-моему, в первый и в последний раз).

После того, как я прошла все необходимые формальности, я в первый раз поехала в это заведение, находящееся на Пико Бульваре. Меня, как водится, встретила в кабинете начальница, которая очень приветливо меня приняла, а потом отвела к моей непосредственной начальнице – Барбаре Стоун, толстой добродушной темнокожей тетке. Начальники в этом заведении сидели в отдельных кабинетах, а сотрудники – в огромном зале со множеством столов. Мне дали в тот первый день работу – введение данных в компьютер. Передо мной лежал список дел; мне показали, как пользоваться программой – и я вводила в нужную строчку номер дела и делала распечатку. Я даже, припоминая, внесла какой-то элемент творчества в эту работу, что-то рационализировала, и справилась с ней весьма быстро.

Вокруг меня шла-текла-переливалась-струилась обыкновенная учрежденческая жизнь большого коллектива (в основном цветного) - кто-то сновал с бумагами, кто-то говорил по телефону, кто-то болтал с подружкой, а там где-то поодаль группа человек в 10 дружно пела: “Happy birthday to you, happy birthday to you...” Так бы мне хотелось влиться в эту жизнь, заработать какие-то деньги, и глядя на них, думала я: “Ну неужели, если они справляются с этой работой, так я не справлюсь?”

Так я регулярно туда ходила, часов на 4-5 в день. Кое-что я делала с компьютером, но не так уж часто; это, конечно, я любила больше всего, хотя это введение данных вряд ли можно назвать творческой работой. Но – увы! – по большей части мне приходилось перебирать бумажки, что всегда было мне ненавистно. Надо сказать, что эта служба занимается выдачей

пособий по бедности, так называемого вэлфера, и кроме того, что данные на каждого введены в компьютер, еще на каждого же заведена папка, где хранятся все его бумаги, все те справки, которые, как было мне доподлинно известно, бережно и скрупулезно собираются всеми получателями вэлфера. Папки все это были серо-мышинного цвета, напоминавшие мне почему-то диккенсовские времена, они стояли на многоярусных полках – и так плотно, что требовались немалые физические усилия, чтобы либо вставить, либо вынуть очередную папку. Мне часто надо было набрать ряд папок из этих полок и разбирать в них бумаги, проверяя наличие или отсутствие оных. Да, конечно, я это делала скрепя сердце и считая минуты моего пребывания там. Кроме того, чтобы добраться до верхней полки, надо было залезть по стремянке и еще, подняв руки, вынимать папку одну за другой, а внизу надо было скорчиться в три погибели, чтобы вынуть папки. А в этих справках можно было заблудиться!

В один из дней я оставила свою сумку на одном из столов и пошла искать папки. Меня вскоре вызвала начальница и, сказав, что негоже оставлять сумку без присмотра в рабочем зале (хороши же сотруднички!), предложила мне ее прятать в дальнейшем у нее в кабинете. Так я и делала. Люди там в общем были доброжелательные, всегда рады были помочь, давали советы, ну а уж если у них был какой-нибудь праздник, отмечаемый, скажем, тортом и мороженым, – то уж меня никогда не забывали.

Проработала я у них месяца полтора, а затем, спросив у Барбары разрешения, добавила новую строчку в свое резюме: Office Assistant, Social Service Department. А тем временем все так же продолжала изучать Классифайд и рассылать резюме. И вот летом мне, наконец, улыбнулась удача.

20. Первая работа; Мур Парк

Попалось мне в газете объявление – в Дейли Ньюс, которую я очень редко покупала – объявление о должности чертежника. Я туда позвонила и поехала на интервью, весьма далеко, миль 40, в соседнее графство – в соседнюю область, по-нашему, – в городок под названием Тысяча Дубов (Thousand Oaks). Когда я приехала, я с огорчением осознала, что я попала опять-таки в агентство (по характеру объявления это обычно можно угадать), и уж даже не хотела туда и заходить, но все же я зашла и проделала все необходимые процедуры, заполнив, как обычно, бесчисленное множество бумаг. Позже, через неделю-другую, они меня послали-таки на интервью, в Сими Вэллей, место еще более удаленное от Лос Анджелеса – 47 миль в один конец. Я там побывала, и все этим вроде как и кончилось, когда мне вдруг, примерно через месяц, позвонили из агентства и сказали, что меня просят немедленно выйти на работу.

Что же, в понедельник я поехала в это агенство, заполнила опять необходимые бумаги, и во вторник выехала на работу. Долгая была туда дорога – ведь Лос Анджелес вместе со всеми пригородами – огромный город, распластанный на сотнях квадратных миль (Помните Брюсова “Дремлет Москва, словно самка спящего страуса...”? Так Лос Анджелес можно сравнить уж не знаю с чем – с птеродактилем, что ли, дремлющим между горами и океаном). И, несмотря на всю огромность этого города, я-таки выезжала за его пределы. Вначале я переваливала через горы и спускалась в долину Сан Фернандо. Ехала по долине, потом поворачивала на запад и снова попадала в горы, удивительно красивые, с черными скалистыми склонами – и этот вид всегда вдохновлял меня на пение: “Прощайте, скалистые горы, на подвиг Отчизна зовет...” Цель моего назначения – это Мур Парк, городок в соседнем графстве. Даже скоростная дорога там заканчивалась, и я попадала в совершенно сельскую местность, с покрытыми травой лугами, с холмами, виднеющимися в дымке вдаль, не хватало только коров. Городок был немного в стороне, а в этих полях были разбросаны редкие промышленные корпуса предприятий.

Путь туда не был очень труден, движение по утрам не было очень напряженным, а вот обратно, когда транспорт еле двигался по шоссе, я впадала в такое сонное состояние, что боялась, как бы не заснуть за рулем.

Там мне пришлось чертить – но не в АвтоКаде, а в ВерсаКаде, тоже в чертежной программе, однако все же сильно отличающейся от Автокада, и мне пришлось приложить немало усилий, чтобы к ней привыкнуть. Пару дней я потратила на обучение, потом мне дали уже реальное задание. Они взяли до меня какого-то человека на это место; он проработал недели 3 – и ушел (как будто он нашел другую работу). Так что мне надлежало продолжать работать над его заданием. Ничего особенного в нем не было – это был чертеж какой-то штампованной подставки, которую в то время конструировали, и надо было по заданию инженера то менять разные размеры, то расположение выштамповок, то указывать на чертеже места расположения каких-то иных сопряженных деталей и так далее.

Люди там были очень дружелюбные, милые; проходя мимо моего стола (а он стоял у прохода), они останавливались, здоровались, представлялись – конечно, я их совсем не запоминала. Там работало несколько русских: двое (Михаил и Голя) – инженерами, один, Володя, – чертежником. Они рассказывали, когда им наш чертежный менеджер показал мое резюме, где значилось, что я имею образование какого-то “инженерного техника” из какой-то Бауманской школы – ему подтвердили, что “Бауманская школа” – это очень хорошая русская

школа, известная в России, и что я, без сомнения, имею очень хорошее образование. Володя мне много помогал при освоении Версакада; да и остальные тоже помогали советами. Миша и Володя были из Белоруссии, из Минска; уже к тому времени жили года 4-5 в Америке; Толик – из Москвы, но уехал оттуда лет 15 назад, и приехал в Калифорнию уже из Австралии.

Работа моя, как сказали мне в агентстве, “временная, но может стать постоянной” (о, это магическое слово “постоянная работа”!) – и уж я-то выкладывалась. Ни минуты отдыха, ни малейшего расслабления – учиться, работать, работать, быстрее, быстрее! Да, это, конечно, было все очень трудно – но в какие-то мгновения, когда я отвлекалась от компьютера, я смотрела вдаль в окно, видела поле, зелень и небо, оглядывалась вокруг – и думала: “Боже мой, какое же это счастье: я работаю, и работаю близко к специальности, и в таком хорошем месте – большего и желать нечего!”

Однако так же просто, как меня туда взяли, меня же и уволили. Ничто с утра этого не предвещало. Я закончила очередной цикл чертежей, отдала их начальнику, и потом мне нечего было делать – и я шарила по своему компьютеру, подчищала разные мелкие недостатки – поскольку, когда давали задание, на эти мелочи обращать внимание было некогда. Так или иначе, но ближе к концу рабочего дня ко мне подошел мой начальник, Дэвид, и начав относительно издали, стал говорить, как я хорошо работала и как много им помогла и так далее, а закончил тем, что мои услуги им больше не нужны. Вот так я узнала, как это бывает – и видела все это позже на примере других людей.

Итак, моя работа там длилась около трех недель. В момент увольнения я жалела только о том, что не успела освоить программу (чертежную же) Pro-Engineering, которую фирма как раз тогда закупила и начала осваивать, хотя чертежников еще не обучали – только Дэвид и еще один парень прошли где-то курс Pro-Engineering. Этой программе нигде не учили – может быть, только в каких-то частных школах или на курсах, информация о которых не была мне в то время известна, но требовались эти знания весьма часто для инженеров.

Одна из моих знакомых так сказала про меня в то время: “Ну, на месте Оли я бы легла на диван, закрыла бы лицо газетой и так бы и лежала!” Славная была бы картинка – если бы мне можно было бы так вот лечь и лежать... Ах, мне нельзя было этого делать, а надо было начинать опять все сначала. Однако к тому времени я уже набрала такой потенциал в рассылке резюме и в моих поисках работы, что мне уже это не казалось столь страшным, как раньше. Просто надо было продолжать делать то, что я и делала тремя неделями раньше. Кроме того, приобретя опыт работы в качестве чертежника, и зная уже достаточно бегло и АвтоКад, и ВерсаКад, я рассчитывала более серьезно на чертежную работу.

21. Школа путешествий

Ах, как же мне хотелось бы работать чертежником, на компьютере, а там, глядишь, и выбиться куда-то повыше, но – увы! – судьба не была более ко мне благосклонна, и, несмотря на прибавившиеся строчки в моем резюме, ни на одно чертежное интервью мне попасть не удалось. Время шло, я продолжала подавать на различные секретарские и чертежные должности, однако была еще одна область, которая меня весьма интересовала – это путешествия. Одновременно я услышала как-то, что одна из моих знакомых устроилась работать в бюро путешествий (Travel Agency). Тут-то и я стала думать всерьез об этой сфере деятельности, в особенности потому, что много читала о путешествиях, всю жизнь любила путешествовать, хотя возможность такую имела далеко не всегда. Вместо путешествий рассматривала карты, что очень любила. Как я уже упомянула, моя любовь к картам завела меня не туда – в частности, в школу, о которой речь пойдет ниже.

Здесь в Америке, в Нью Йорке, есть (впрочем, было тогда, в 1992-93 годах) одно крупное русское агентство под названием то ли People Travel Club, то ли еще как-то, с руководителем Мариной Ковалевой. Сейчас они там вместе с дочерью – “Марина и Рина Ковалевы”, раньше был еще и муж, Сергей, но куда он девался – неведомо (по крайней мере, мне). Они из предыдущей волны эмиграции, покинули Ленинград, кажется, году в 1980. О Марине Ковалевой я знала еще до отъезда из России, из газеты “Аргументы и Факты” – тогда только начинался этот ручеек обмена людьми и информацией, ныне превратившийся в мощный поток – и все сообщения и все люди “оттуда” выделялись нам, будущим эмигрантам, окруженными особым сиянием и ореолом таинственности.

Интервью тогда с Мариной мне понравилось, там было то, что мне тогда (да и сейчас) казалось важным – упорство, выдержка, труд – и в итоге вознаграждение за все испытанное. Ну, в общем, сказка, да и только – стоит вспомнить вдобавок мои изначальные представления, что работа дается только лучшим из лучших и что “Америка все расставляет по своим местам”! Так что после той заметки я прониклась большой симпатией к этой неизвестной мне Марине. И вот в то время, о котором я рассказываю, я решила написать ей письмо – это было уже время почти отчаянное для меня – но что же я там писала? Нет, я не просила ее взять меня на работу – похоже, я просила совета, как бы можно устроиться в этот бизнес, скажем, агентом бюро путешествий, потому что я там действительно ничего не понимала.

Кстати, в то же время газета “Панорама” стала печатать статьи типа “О богатых и знаменитых”, где опять-таки писалось об этой Марине Ковалевой. Даже была передача на эту тему на нашем местном телевизионном русском канале, где выступали эти “богатые и знаменитые”. Позже, однако, многими из них заинтересовались правоохранительные органы, но это уже совсем другая история. А что до словосочетания “богатство” и “трэвел агентство” – то это вещи отнюдь не совместные. Кое-какого достатка как бы и можно добиться, однако отнюдь не трудами праведными. Вечно какие-то разные обманы – то клиентов, то хозяев, то займы с последующим банкротством, то что-нибудь еще... Впрочем, это к Марине Ковалевой вовсе не относится, это сведения, почерпнутые мной из дальнейшей жизни, когда много развелось этих трэвел-агентств на нашем Западном побережье, а тогда Марина была первой, кто организовывал местные поездки, и они все же тогда, видимо, действительно неплохо зарабатывали.

В общем, так или иначе, написала я Марине письмо. Но, увы, ответа никакого я не получила, и пришлось мне опять-таки думать самой, как расширить свой круг поисков и на эту сферу деятельности.

Стала я по объявлениям искать школу, где бы учили на агентов бюро путешествий. Попала поначалу в школу компании TWA, где чему-то учили – по моему, они готовили работников для системы бронирования мест в компании. Была в то время, да и еще долго после него, такая авиакомпания TWA. Учили они недолго, месяца два-три, и плата была не столь уж высока, и они даже давали рассрочку, однако деньги надо было выплачивать довольно быстро, долларов по 200 в месяц, что для меня представлялось неприемлемым. Позже я узнала, что такие наборы они проводят довольно регулярно – наверное, по той причине, что на этой работе долго никто не работает.

Потом я подыскала другую школу (опять же по объявлению в Los Angeles Times) с весьма громким названием Academy Pacific или Business and Travel College. Школа занимала отдельное четырехэтажное здание, находилась она (впрочем, и сейчас находится) вблизи Голливуд Бульвара и улицы Вайн. Район известен своими бездомными, проститутками, сутенерами, наркодельцами и прочим; и утром от автобусной остановки я шагала по украшенным знаменитыми голливудскими звездами тротуарам, пахнущими мочой и вином. *(Кстати, с тех пор этот район сильно улучшился, уж даже не считая постройки в последующие годы знаменитого театра Кодак, теперь - Долби)* В этой школе готовили работников для аэропортов, для отелей, для агентств. В основном училась там молодежь, хотя попадались иногда и дамы зрелого возраста, вроде меня. Встретила там я и нескольких русских.

При поступлении надо было пройти, как водится, некоторые тесты - один на английский, другой – так сказать, на общее развитие, где надо было отвечать на вопросы, исходя из здравого смысла и жизненного опыта. Обучение было там не бесплатное, а совсем наоборот. Надо сказать, что во всех школах такого рода (частных) они создают программу, включающую массу разнообразных предметов, которые частенько только косвенно связаны с основной специализацией. Да и в той основной специализации нет обычно ничего такого особенного, чего нельзя было бы выучить самостоятельно. Однако для любого устройства на работу, конечно, лучше иметь бумагу об окончании чего-либо. И ввиду наличия большого количества предметов плата за обучение весьма высока. Так для меня она была около 8000 долларов.

Однако ввиду отсутствия доходов я относилась к тем, кому могут дать денег на образование – часть без отдачи (грант), часть с отдачей – заем. Заем дается под небольшие проценты (около 6 процентов) с выплатой 50 долларов в месяц после окончания школы и устройства на работу. Если бы надо было учить еще английский, то это вышло бы дороже, но я уже тогда вовремя смекнула, что уж лучше учить английский в городском колледже – это было бы существенно дешевле, а еще лучше – самостоятельно, что и вовсе бесплатно. Да, это я сообразила и имела в виду на случай, если я не сдам там экзамена, но мой английский оказался для них вполне достаточным, и заниматься им там мне не пришлось.

Учеников держали в строгости – был целый ряд дисциплинарных мероприятий. Прежде всего, в заведении был принят определенный стиль одежды – так называемый dressing code – впрочем, это не столь уж редкое явление в Америке, когда в правилах какого-либо учреждения, которые дают прочитать перед наймом, оговаривается, какого типа одежду

надлежит носить сотрудникам. Как это соотносится с демократией, мне не совсем ясно, однако указанная данность вполне имеет место. Обычно речь идет о том, что женщинам надо носить строгие платья или костюмы и чулки, в то время как слишком открытые платья, голые ноги, шорты, майки, джинсы – недопустимы. Во многих местах пятница бывает днем, когда как раз и можно отдохнуть от деловой одежды, и в преддверии выходных облачиться на службу, как на пикник. Так как раз и было на той фирме, где я работала чертежницей. Так вот и здесь, в Пасифик Академи был принят деловой стиль одежды (белая блузка с юбкой и жакетом) определенных цветов – черного, серого, синего и красного. Был выдан и галстук – темно-синий в узкую красно-белую полоску, он и поныне украшает мой платяной шкаф.

Итак, я стала это все изучать. Были и интересные (до некоторой степени) предметы – такие, как география или же, скажем, травел маркетинг. В последнем предмете надо было даже создавать туристский маршрут, включая переезды. В общем, этот предмет говорил о достопримечательностях той или иной страны, о том, что там есть интересного, какие туристские маршруты имеются и как их можно продавать. Все это было, однако, очень и очень поверхностно, а иногда – увьи! – тот предмет, который мог бы быть и интересным, становился скучным необычайно – когда всю неделю занятия заключались в натаскивании на предстоящий в конце недели тест (Каждый предмет изучался в течение недели, по 4 часа в день, а потом в пятницу был тест). От повторения одних и тех же вопросов кружилась голова: “Тюльпаны – где?!” – Ну, в Голландии, конечно! “Богемия – где?!”...

Однако на уроках географии меня ожидало большое потрясение. Я славно выучила средний и ближний Восток, а также и Африку (в простейшем изложении, конечно) и могла назвать все африканские пустыни, а, кроме того, даже иранские и иракские (!), и основные горные цепи. Учительница, бегло остановившись на широте и долготе, стала предлагать ученикам разыскивать по координатам какие-либо объекты на карте, и тут как-то странно стало получаться, что я не могла ничего найти, в то время, как класс бодро и бойко выкрикивал какие-то названия. В чем же дело? И тут меня осенило – да ведь она же путает широту с долготой! Одна из сидящих рядом со мною девиц подтвердила мою догадку. Как и что остальные находили по ее координатам – для меня это неведомо и сейчас.

В перерыве я все же решила пообщаться с преподавательницей на эту тему (хотя бы для пользы языка). Но эта выдвигенка уже, видимо, полагая, что какое-то ее образование (не знаю, какого уровня – может быть, тоже какая-нибудь профессиональная школа) и надетый костюм уже превращают ее в перл творения, была абсолютно уверена в непогрешимости собственных суждений и непоколебима, как скала. В подтверждение своей правоты она провозглашала: “Долгота – это расстояние в градусах с запада на восток” – и проводила на доске горизонтальную линию. И тут магическим образом эта горизонталь немедленно сопоставлялась с линиями широты на карте и по ним она считала долготу, отсчитывая ее с севера на юг.

Нет, переубедить ее было невозможно; кроме того, мой жизненный опыт говорил мне о бесполезности подобного мероприятия, а приобретенная мудрость остановила меня от продолжения разговора. Конечно, откуда ей было бы знать и географию Европы (где, как помнится из книжки коммуниста Марти Ларни – по мнению американцев, Финляндия находится “где-то там, рядом с Кореей...”); и поэтому я хотя и удивилась, но все же не очень, когда в какой-то момент все та же мисс Рэйли сообщила, что Рона и Рейн – это одна и та же река. И когда я – о, опять все та же выскочка! – попыталась этот момент уточнить, она – впрочем, такого вопроса на засыпку не ожидавшая и потому несколько смутившаяся, но не

надолго – сказала: “Ну как же – вот тут Женевское озеро, так они обе из него и вытекают: одна на север, в Балтийское море, другая – на юг, в Средиземное, а называются по-разному, потому что одна – в Германии, другая – во Франции.” Как когда-то написал Марк Твен: “Опустим же завесу милосердия над этой сценой!” Но здесь никаких завес милосердия не требовалось – училка в своем неведении была собой совершенно довольна и уверена в собственной правоте.

Конечно, и там были люди, знающие свое дело – например, Hotel Management (Управление отелями) или Travel Agency Theory (Теория трэвел агентства), но и они за неделю обучения могли дать лишь общие представления о данной области деятельности. Можно упомянуть еще такой предмет, как Career Opportunities (Устройство на работу) – он имеется едва ли не в каждом колледже. Учат там писать резюме и сопроводительное письмо, как вести себя на интервью и другим подобным вещам, которые, в общем-то и полезны, но для тех, кто об этом никогда не слышал и не в состоянии понять по книжкам. К тому времени я уже давно сама справилась с написанием как резюме, так и сопроводительного письма, поэтому для меня это было напрасной тратой времени, и поэтому хотя я эти занятия и посещала, однако опустила такие его ступени как написание резюме от руки, его перепечатку, потом еще что-то – и этого мне не простили! Каково же было мое изумление, когда, получивши выписку моей успеваемости после того, как я решила прервать свое обучение, я обнаружила, что мои усилия были вознаграждены оценкой B, а не A!

22. Надежды юношей питают...

Никто не может помешать надеяться. Вот и у меня затеплилась надежда, что я не одна на белом свете – в школе имела такая служба: помощь ученикам в устройстве на работу на неполный рабочий день. Ну да, якобы – служба и якобы – помощь. Отправилась я в эту службу, наивно полагая, что если меня куда-то направят из школы – то уж это наверняка! Да, несколько раз меня направляли – мне писали бумагу от школы, что такая-то учится в школе Academy Pacific и направляется от школы на работу. Откуда, однако, они сами брали эти позиции? Похоже, что все там же, все в том же котле, откуда и я сама все это брала – из газет. Так что вообще непонятно, что эти люди (то бишь, служба) там делали.

И вот, когда я с направлением от них пришла в магазин Judy's (это такое название магазина) в Беверли Центре и увидела там порхающих под звуки веселой музыки красоток, я сразу поняла, что это заведение не совсем для меня. Я-то готова была там работать, но я сразу чувствовала свою не то чтобы несовместимость с данным местом, а – как бы это сказать получше – неуместность, что ли. Однако мне вежливо предложили заполнить заявление о приеме на работу, что я и сделала, и оставила его там, и на этом, естественно, все и закончилось.

Мне могут сказать – что же ты потом туда не позвонила? Да, туда я не звонила. Но у меня был опыт, когда я и звонила. Один из моих одноклассников по Бизнес Индустри Скул (это где я учила КАД) как-то сказал, что его родственнику нужен человек в его магазин для ввода данных в компьютер. Гарик порекомендовал меня. Работа была на неполный рабочий день, по 5 долларов в час, меня на тот момент эта работа более или менее устраивала. Я пришла на интервью, хозяин после мне сказал, что назавтра позвонит. Не позвонил. Вот тут-то я и сама позвонила, переговорив с одним из сотрудников, который мне передал, что хозяин-таки мне сам позвонит. Его звонка я жду и по сей день.

Куда же еще меня посылали из Academy Pacific? В магазин Pick-n-Save, что на улице Вайн. Там я тоже заполнила заявление, оставив его у менеджера латинского происхождения. Видимо, оно хранится там до сих пор. Еще – книжный магазин Book Star, в Беверли Коннекшн. Ах! – все там было хорошо – и работа в выходные, и близко от дома, хоть пешком ходи, и приятное окружение – такие красивые книги – вот уж я все про книги буду знать и рассказывать покупателям, думала я. И разговор с женщиной-менеджером был очень приятен – вот еще мгновение, и ты уже там работаешь, вот-вот! Но увы! – так никто мне оттуда и не позвонил.

Вот это уже было для меня время самого глубокого отчаяния за все время моих поисков работы – уж даже в магазины и даже как бы от школы меня никуда не берут! Я сейчас не пытаюсь комментировать эти события – кого они берут и зачем. Для меня факт был в том, что вот меня – не брали! С моим вполне приличным английским, с моей интеллигентной внешностью, с моей образованностью (да, о ней, конечно, не было и слова – но здесь я имею в виду свои так сказать, умственные способности, которые дали бы мне возможность справиться со своими рабочими обязанностями).

Так я и продолжала учиться в школе, одновременно рассылая резюме и посещая разных работодателей. Из этих последних интервью помню некоего Ричарда Эберхарда, русобородого гиганта из Атланты, который открывал здесь в Лос Анджелесе офис, и ему нужна была секретарша – впрочем, секретарша ли, не помню, поскольку она должна была бы

быть едва ли не единственной служащей его офиса. Это место было совсем недалеко от меня – на машине минут 10, и даже на автобусе не более получаса. Что-то я не помню, в чем заключалась работа, кажется, она была как-то связана с автобусными перевозками, или с арендой автобусов. Работа была на неполный рабочий день и с весьма приличной для этой занятости зарплатой – около 1000 долларов в месяц. Все меня устраивало, поскольку при таком рабочем расписании я еще могла вполне учиться.

Но тут в момент интервью, полагая, что это пойдет мне в плюс, я проболталась Ричарду, что я учусь в школе на трэвел-агента. Мне казалось, что его бизнес как-то связан с путешествиями – впрочем, автобусы всегда могут быть связаны с путешествиями, это не слишком удивительно. Но я в чем-то ошиблась – либо его бизнес не был никак связан с путешествиями, либо он посчитал, что вот я вскоре выучусь, и покину его, но он тут с жаром и воодушевлением стал мне доказывать, какая блистательная карьера и какие доходы меня ждут в будущем. Так что у меня, в общем, надежды не оставалось занять эту должность. Все же, прямо глядя в его голубые глаза, я в последний раз спела свою песню о своем бедственном положении, и как же это он меня благодетельствует, если возьмет на работу.

Ах, однако же и Ричард, хотя согласно моей речи сочувственно кивал мне – более мне не позвонил. Помню, как же я была этим огорчена – оптимизм меня в то время уже временами покидал, меня иногда посещали приступы отчаяния, и эта неудача с Ричардом Эберхардом была причиной одного из них. Однако несколько позже мне довелось услышать еще раз это имя – мне было оставлено сообщение на автоответчике с предложением интервью на какую-то секретарскую работу и со ссылкой на Ричарда Эберхарда, через которого они узнали обо мне. Но я к этому времени уже работала, и, конечно, звонить уже не стала. Так что Ричард-таки мне передал свой прощальный привет.

23. Наконец-то!

Где-то очень скоро после того и было то интервью, которое и завершилось, наконец, приглашением на работу. Вот как я описываю его в письме того времени – кстати, это было во время очередного правительственного кризиса в Москве (в чем он заключался, сейчас совершенно не помню).

25 октября 1993 года

“Дорогие друзья!

Вот, может быть, и настало время написать большое и подробное письмо, что я все время и грозилась сделать. На прошлой неделе села, а компьютер что-то не захотел работать, так и ушла ни с чем. Вот сегодня постараюсь написать.

Мы все были глубоко потрясены событиями в Москве. У нас, к сожалению, нет хороших каналов ТВ, поэтому Тема записывал CNN на работе, а потом мы дома смотрели. Было ужасно видеть Москву, так нежно любимый город, где на улицах танки, которые к тому же и стреляют. И это самое знакомое и любимое в Москве место – гостиница Украина, Новоярбатский мост... Сейчас это уже почти сгладилось, отошло за заботами, но все равно тревога нас не покидает, и страшно думать, что это может когда-то и повториться...

И как раз с этими тревожными и грозными событиями в Москве совпало событие в нашей здесь жизни, о котором можно сказать, перефразируя Ильича: “Событие, о котором столь долго мечтала наша семья, наконец, свершилось!” А это означало, что я нашла работу. То есть, находила-то я работ много, но вот на эту меня – взяли. До сих пор я не вполне могу к этому привыкнуть. В самом моем походе на интервью было много чего интересного. Привезли меня туда девицы из школы (как я сообщала некоторым из вас, что я учусь в Пасифик Академи – на работника в бюро путешествий), и вот мне осталось до интервью почти что два часа. А надо сказать, что жара у нас грянула в те дни такая, какой не было и летом, и вот я и бродила там вокруг по этой жаре, ожидая, когда придет мое время.

В конце концов мне удалось-таки слегка отдохнуть на почте (где был кондиционер) и потом в какой-то крошечной кондитерской, где такового не было (как позже оказалось, перуанской, что сообщили мне молодые перуанцы, зашедшие туда на ланч и подсевшие, предварительно спросив разрешения, за мой столик, каковой был единственным), где я выпила стаканчик кофе, чтобы подкрепиться перед интервью. Перуанцы, кстати, живо интересовались политикой, и узнавши, что я из России – это было еще до путча, но, кажется, после разгона парламента – стали оживленно со мной беседовать на эту тему. Отвлекись еще дальше от основной темы моего повествования, отмечу, что далеко не все интересуются положением дел в России и знают к тому же Ельцина. Похоже, что эти люди были из тех, кто когда-то “и русский бы выучили только за то, что им разговаривал Ленин...”

И после этого, обливаясь попрежнему потом, отчего все волосы у меня были мокрыми, и я, наверное, была похожа на мокрую курицу, я побрела на интервью, и отошла от жары только в вестибюле, заполняя очередную application form, а по-нашему, заявление

о приеме на работу. При этом я не вполне была уверена в том, какое я там в резюме указала образование – поскольку фирма была инженерная, я иногда писала о некой технической школе, когда-то законченной мной, кроме колледжа, где я училась на секретаршу. Так или иначе, сказала и о техническом образовании, сжав его почти что до размера шагреновой кожи в ее последние дни, поскольку, как оказалось, в этом-то резюме я его и не указала. Джентльменов, которые меня на этот раз интервьюировали, особо поразило совпадение “обязанностей” на моем месте работы в инженерном институте в Москве с предстоящими мне у них, и это, наверное, и послужило причиной моего найма. Мне самой это было весьма любопытно, чем же это таким я в Москве занималась, поскольку, мои резюме, чтобы поменьше писать всяких разных, я все дополняла и дополняла, и теперь уж и не знаю, что я где понаписывала.

Закончилось все вполне стандартно – “приятно было встретиться” и “мы вам позвоним”, после чего я их немедленно выбросила из головы. Но через три дня мне действительно они позвонили и предложили работу, на что я немедленно согласилась, и свое согласие на все выражала только простым “Thank you” – не знаю, может быть, полагалось выражать восхищение каким-либо иным образом, но я не знала, каким...”

Так или иначе, но в первый же понедельник после интервью я вышла на работу. Их секретарша уволилась за два месяца до моего прихода, как они обходились без нее – не знаю; полагаю, что сами делали большую часть ее работы.

Эта фирма занималась конструированием и производством окон и дверей – для автобусов и передвижных дач. Казалось бы – такая простая вещь – окно или дверь, но как оказалось, они состоят из огромного количества деталей – всяких там рам, перегородок, прокладок, болтов, заклепок и прочего. Один из инженеров, Мигель (он занимался именно дверями), рассказывал, что когда он едет с женой на машине и видит впереди, скажем, передвижную дачу, для которой он конструировал двери, он начинает рассказывать жене, из каких же деталей эти двери состоят, и жена всегда восклицает: “Милый, ну до чего же твоя работа интересна!”

Может быть, работа для инженеров и была интересна – хотя никто из них мне этого не говорил. Они создавали новые проекты – и вносили изменения в старые, после чего результаты их трудов должны были идти на заводы (а заводов у этой компании было несколько – вот попробую вспомнить, где: Индиана, Техас, Айдахо, Мичиган и какие-то еще, никогда не думала, что забуду – казалось, что помню вечно!). И вот мне надо было пачки этой документации скопировать в необходимом количестве экземпляров, пришить к ним сопроводительные листки и разложить в почту. Оригиналы – в места хранения оригиналов. Копии – в соответствующие книги. Книг было много – по сути, вся моя комната была окружена книгами; для каждой модели окна была своя книга, в которую подшивались все копии чертежей. Конечно, надо было привыкнуть, что куда раскладывать, и мой начальник Билл мне терпеливо все разъяснял. Вспоминаю себя, с печалью глядящей на какие-то листки и тяжело вздыхающей, не помня, куда же их надо разложить – и Билла, услышавшего мой тяжкий вздох и спешившего немедленно на помощь. Я навечно храню ему благодарность – за его терпение и доброту, с которыми он провел меня через эти первые недели моего существования на этой фирме.

Еще мне там приходилось заказывать канцелярские принадлежности – у меня был каталог, по которому я выписывала товары – бумагу белую и цветную, тонер для картриджей принтера и ксерокса, карандаши, ручки, хайлайтеры, ластики, стержни, разные бумажки для заметок, фолдеры, разделители и много-много всего. Заказывать я не особо любила, но получать – это было удовольствие! Кроме описанных работ, я должна была печатать временами различные материалы инженерных дел, а также и письма. Мои начальники, особенно Билл, грамотностью не отличались, и мне надо было их исправлять – счастье, что моя орфография была на высоте, так как иногда они делали такие ошибки, которых и компьютерная проверка выявить не могла – например, than и then. Еще надо было копировать и хранить файлы чертежей – мне инженеры давали дискеты с чертежами, и я их уже располагала в нашей библиотеке в определенном порядке. Сейчас я уже не помню, что я делала еще – пожалуй, это были мои основные обязанности, и временами к ним могли быть еще добавлены кой-какие мелочи.

Народ там был неплохой, и ко мне они относились очень доброжелательно. Когда я пришла, каждый, кто входил ко мне в комнату, говорил какие-то приветственные слова, и называл себя. Конечно, все они в моей голове смешались и я никого не запоминала. Вот светлое пятнышко – Феликс, китаец из Гонгконга, тогда уже живший в Лос Анджелесе 17 лет. Мы с ним позже подружились, и даже сейчас иногда, раз в два-три месяца, встречаемся на ланч. Феликс подошел ко мне в один из первых дней и сказал: “Знаешь, я сам тут недавно, и я знаю, как это бывает трудно, когда все незнакомое. Ты не стесняйся, спрашивай, что нужно, я тебе всегда помогу”. Да и остальные никогда не отказывались помочь – всегда откликались, объясняли, показывали.

И начальники тоже старались поддерживать благоприятный микроклимат в отделе. Помню, Вэйн как-то сурово со мной поговорил, выражая какое-то недовольство, хотя я не была виновата. Я была этим огорчена и несколько обижена, и уже не улыбалась Вэйну во весь рот, как обычно, чем он-таки обеспокоился и спрашивал у Билла, не обиделась ли я на него.

Много там было интересных людей. Впрочем, история каждого человека всегда интересна, а в особенности, истории американцев, граждан этой страны, потомков эмигрантов или самих эмигрантов.

Первый месяц своего пребывания на работе я еще посещала занятия в Пасифик Академи – я переключилась срочно на вечерние часы – и поскольку в то время в моем распоряжении не было машины, я уезжала из дому очень рано, в 6 часов утра, потом с работы на автобусах же ехала в колледж, а оттуда уже часов в 11 вечера Дима меня подхватывал и мы приезжали домой. Нельзя сказать, что мне было трудно учиться – все необходимые сведения (необходимые, впрочем, более для еженедельных тестов, но не для грядущей жизни в качестве трэвел-агентов) многократно прорабатывалось на уроках, так что мне не надо было тратить еще время на занятия дома; а что касается кодов городов, (зубрежкой которых вообще славится любое образование в области путешествий), то их я благополучно выучивала по дороге, все в тех же автобусах.

Так я могла бы учиться и дальше, хотя с некоторой тоской я думала о грядущих зимних месяцах с неизбежными дождями и длинными вечерами, когда вдруг в какой-то момент я осознала, посмотревши список предметов, которые мне надлежало еще взять, что они ничего не прибавляют к моему жизненному или же образовательному багажу. Да, важным оставалось постижение компьютера, – то есть, системы резервирования билетов, но колледж

этот предмет оставил на последние три недели обучения, дабы удержать учеников по возможности в колледже все предшествующие классы. Но ради этих трех недель не стоило платить огромные деньги – около 5-6 тысяч, поскольку все же при желании можно было бы пойти учиться на компьютере в городской колледж.

Таким образом я решила оставить Пасифик Академи, о чем не только не жалею, а наоборот, радуюсь, а если и жалею – то о том, что не сделала этого неделей раньше, поскольку провела время на каком-то совсем бесполезном классе, из которого помню только, что преподаватель рассказывал как это хорошо работать в индустрии путешествий, и как это он любит вдруг взять куда-то и полететь – скажем, за ромом на Ямайку – и что главной страстью его жизни является обувь, и у него дома не менее 40 пар туфель. Однако в результате полученных сведений я должна была колледжу заплатить на 300 долларов больше – что я и сделала, выплатив всего по займу 500 долларов.

24. Работа в компании; землетрясение

Остановилась я в предыдущей главе на описании начала работы в компании Tiger International, Inc. – вот так она и называлась. Постепенно я стала привыкать и к людям, и к окружению и осваиваться в новой жизни. О своих рабочих обязанностях я написала, теперь скажу несколько слов и об условиях работы. Платили мне 20000 долларов в год, что составляет около 10 долларов в час. После года работы мне полагался двухнедельный оплачиваемый отпуск. Можно было бы взять отпуск и без сохранения содержания – что, кстати, и сделал один наш инженер – он отсутствовал на работе месяц: две недели с оплатой, две – без, и ездил он на родину, в Чехию. По болезни давалось на год 5 оплачиваемых дней, но в течение первого года эти дни не оплачивались. А если ни разу не брать больничные дни – то в конце года можно было получить за это деньги. Была и страховка здоровья – мне она стоила 15 долларов в месяц – но это на меня одну; если брать еще и на супруга, то это стоило бы на 100 долларов больше. Вот, пожалуй, и все так называемые бенефиты, или льготы. Ах, нет, вот забыла еще праздники – было 7 оплачиваемых праздничных дней в году: 2 дня на День Благодарения (24 ноября), два дня на Рождество, и по одному дню на День Независимости (4 июля), День Труда (7 сентября) и День Памяти (31 мая).

Вот что я писала об этом времени:

31 октября 1993 г.

“...Работа моя заключается в основном в переключении бумажек, в разборке инженерной документации, в ее рассылке, в печатании каких-нибудь писем или форм – по крайней мере перечисленное – те обязанности, которые я до сих пор выполняла. Еще, я знаю, придется заказывать канцелярские товары, что я и собираюсь уже делать в понедельник, так как нужна нам цветная бумага для печатания форм. Это, конечно, довольно приятно делать – вообразите меня среди этих всех ручек, фломастеров, маркеров, карандашей и всякого такого, мне вообще неизвестного. Мама как-то спрашивала меня, как я думаю, довольны ли мной, справляюсь ли я с работой, и, получив мой утвердительный ответ, посмотрела на меня, как на слабоумную, и сказала с сожалением: “Да, счастливый у тебя характер...” Похоже, что ей хотелось, чтобы я сказала, что не справляюсь и боюсь, что меня выгонят – тогда я бы больше старалась.

Платят мне немного – 20,000 долларов в год, что получается 9.60 в час и что немногим меньше, чем я получала на черчении (там было 10 долларов в час), хотя работа несравнимо менее квалифицированная. Сажу я в отдельной комнате с двумя компьютерами и с книгами документации, за которыми все приходят, так что там я одна не бываю, что и хорошо, а то было бы совсем скучно. Я там сочетаю на этой должности нескольких людей, мне известных – это Регину Полякову из НИИШПА, Галину Крисанову из Трансстроймаша, где я работала последнее время, ну и наших техников из ВНИИГПЭ.

И, конечно, кофе – этот необходимый атрибут всех американских офисов. Стоит кофеварка – не экспресс, а обычная – и в кувшине вечный кофе. Сахар, сухой забеливатель (не знаю, как лучше назвать, но это не молоко, а какой-то другой продукт и именно, что не молочный), множество сортов чая, несколько сортов какао (в пакетиках). Еще какие-нибудь булочки или кексы. И я там тружусь, не покладая рук. Не покладая потому, что много работы, и можно было бы, наверное, делать ее медленнее, но мне тогда скучно. Признаться, мне не вполне привычен такой режим работы, когда как приходишь, так сразу

и включаешься, и прерываешься только на обед, и все хочется каким-то образом использовать это рабочее время – например, сбегать куда-нибудь за продуктами или постоять в какой-нибудь очереди.

Надо сказать, что мне приходится ездить на автобусе, так как Дима развозит пиццу, и машина ему нужна для работы, и вот я встаю в совершенно безумную рань – в 5.30 утра, и в 6.10 уже сижу в автобусе. Я бреду туда от дома в полной темноте и тишине, и это почему-то мне напоминает мое детство в Лосинке и как я зимой ходила в школу в темноте. Рано я выезжаю для того, чтобы приехать туда к 7.30. На самом деле я выезжаю с запасом и обычно приезжаю в 7.15 – 7.20. Там рабочий день с 7 до 4 с часовым перерывом на ланч. Но можно и с 7.30 до 4 – с получасовым перерывом. Я выбрала последнее, так как вставать раньше – это для меня уже полная смерть.

23 ноября

И продолжаю я уже примерно через месяц, так как писать, не получая писем – как-то тоже не вполне благодарное занятие. Надо сказать, что после последней моей посылки писем с оказией я не получила ни одного письма в ответ, в связи с чем мои эпистолярные изыски пошли на убыль. Но вот вчера мы получили несколько писем, да к тому же наметилась оказия в ближайшие дни, что и добавило новой энергии к моим усилиям. Итак, я все еще работаю, и меня все еще не выгнали – более того, я попрежнему продолжаю считать, что работаю хорошо (правда, так же считает и мой начальник). Я уже достаточно освоилась – настолько, что уже сегодня пекла пирожки по случаю Дня Благодарения, чтобы показать, по совету Карен, какая я “nice”... (Я тут недавно встречалась с ней, и вот она меня и спросила – “Did not you show them how nice you are? – “Ну ты показала им всем, какая ты хорошая?”) Так вот я и показала. Но совместного ланча нам устроить не удалось, пирожки были, так сказать, на завтрак, а на ланч, собравшись некоторой группой, мы отправились в ресторан под названием “Red Lobster”. Но хватит о работе, пожалуй...”

А вот еще кусочек письма:

20 февраля 1994 года

.... Но пора рассказать о землетрясении. Ведь никто из нас ничего такого не переживал. Уже за неделю-другую до землетрясения у нас было несколько толчков около 3-3.5 балла. Первый раз это был стук, как будто Юня (собака) чешется и стучит локтем об пол, а второй раз – застучали рамы в окнах и стекла задрезжали. И длилось это несколько секунд (секунды 3-4, наверное). А тут мы все спали, и вот я проснулась от толчков и грохота. Кровать ходит ходуном, рамы стучат, стекла дребезжат, и вообще такой стук, как будто молотят молотками по дому. И вспышки с улицы – замыкание на трансформаторе, который рядом с домом. И машины гудят. Лежу и думаю: “Ну что же это такое, ведь должно же кончиться!” Тут Дима кричит, “Чего лежишь, иди сюда!” – а это в дверной проем, в стенной шкаф. Полезла я туда, постояли немножко, и все кончилось. И длилось это всего 10 секунд! Света нет, в коридоре книги из шкафа вывалились – еле пройти. В кухне – осколки на полу. И света нет. Мы все бродили, как потерянные, не зная, что делать. Спать – страшно, да и скоро вроде бы и на работу надо. Не зная, надо ли идти на работу, я, однако же, стала собираться – при свете фонарика еще пыталась навести какой-то макияж... Но позвонил Билл, мой начальник и попутчик, и сказал, что на работу не пойдем.

После этого мы как-то пытались то спать, то бродить по дому – все в ожидании новых толчков, которые пророчили. А погода в тот день была великолепная: яркое солнце, сияющее голубое небо, жара – градусов 25... К вечеру дали электричество, и мы смогли посмотреть по ТВ, что же произошло. Эпицентр был от нас примерно в 30 километрах. Там было достаточно разрушений, а также пожаров из-за утечки и взрыва газа. В те дни у нас была во владении видеокамера, одолженная нам Карен, и вот Тема заснял нас в вечер после землетрясения – как это мы уже смотрим телевизор, бродим по гостиной, пытаемся ужинать, попутно выпиваем (“И даже это не мешает нам выпить. И немедленно выпил...”), пытаемся собрать в огромный чемодан необходимые вещи, потом, осознав, что мы его все равно в суматохе не вытащим, это дело оставили. Затем Дима убеждает Леню собрать вещи в машину и там провести ночь... что в итоге Леня и сделал, а мы – нет.

Несколько ночей после этого я спала в гостиной на полу – мне почему-то казалось, что так безопаснее, да и к выходу поближе. Потом перебралась назад в спальню. Довольно долго после этого продолжались толчки последствия (after-shocks), вплоть до 5 баллов, но это уже не было страшно.

Тема в ту ночь дежурил, и, кроме того, что он задержал в 3 часа ночи грабителей, вот еще было и землетрясение, и он уж натерпелся страху, когда весь вестибюль задрожал – а над ним 4 этажа! Он выскочил на улицу, а фонтанчик у дома плескался, как вода в кастрюльке.

Вот так и живем. Помните, у Жванецкого: “У них там все рушится, взрывается и падает, а у нас все ширится, ширится и ширится,,,” Смешно, но это действительно так: то были ливни, и все заливало, и дома рушились, то – пожары, то – наводнение в центре Америки, то – лютая зима со снегами, каких и в Москве не видывали, это на восточном побережье этой зимой...”

Да, как раз в ту зиму знаменитого Нортриджского землетрясения я работала на фирме Tiger International. Глубокой осенью, в предвидении ранних зимних вечеров, я по совету Карен решила узнать, кто живет в моих краях, чтобы по возможности можно было бы ездить с ним на работу. Оказалось, что Билл ездит почти что мимо меня, и я попросила его меня подвозить, на что он любезно согласился, и с тех пор я стала работать с 7 до 4, и мне уже не надо было так рано вставать – только всякий раз я боялась проспать, не услышав будильника, чтобы не заставить Билла ждать.

Он оказался весьма молчаливым человеком, и мне поначалу было с ним неуютно. Мне трудно было найти темы для разговора. Однако как раз в то время я читала Карнеги, откуда - в который уж раз! – вычитала, что с человеком надо говорить о нем самом. Или же о предмете, его интересующем. Так мало-помалу я выудила из Билла много интересных вещей. Оказалось, что у него есть собственная яхта и он даже живет на ней – кстати, и вид был у него (то есть у Билла), как у настоящего морского волка. Я выразила немедленно живейший интерес к морю, к кораблям и парусам (Эта тема, конечно же, интересна, но с той же степенью заинтересованности я смогла бы обсуждать проблемы разведения кроликов или выплавки стали, если бы Билл выплавлял сталь в мини-домне, как китайцы в свое время, или же разводил бы кроликов). Так или иначе, но мне была принесена книжка про корабли, а кое-что я и сама взяла в библиотеке, так что темы для разговора появились. Мне были принесены морские романы, которые я прилежно читала, а потом пересказывала содержание.

Так что я приобретала новые познания в области морского дела, одновременно совершенствуясь в английском языке.

Настал февраль. И вот тут случилось непредвиденное – уволили Билла. Это здесь происходит в один момент – впрочем, как произошло со мной самой несколькими месяцами раньше, на Teledyne Laars. И произошло с Биллом. Мы все ходили в подавленном настроении, помогая Биллу собирать его вещи; он что-то много всякого натащил из дома – разных книг, инструментов, папок. Все было погружено в машину, и Билл уехал – навсегда.

25. Изучаю Фокс-Про

Итак, Билла уволили; мы все были в подавленном настроении (особенно – я; для меня в этой компании это было первым увольнением, которое совершилось у меня на глазах, однако – далеко не последнее). “Америка, мать!” Да, конечно, и это – Америка.

Вскоре – недели через две – Боб Фокс (это главный менеджер компании в то время) привел нам нового начальника вместо Билла – Виктора Когана, довольно молодого, лет 42-43-х, черноволосого, оживленного, улыбчивого. Вскоре после его назначения высшее начальство компании решило, видимо, реорганизовать вообще работу инженерного отдела, который вот уже в течение лет 20-ти возглавлял Вэйн – и вот наш Вэйн объявил нам всем, собрав в “красном уголке”, что он уходит на пенсию. Слухи, однако, были о том, что это скорее его “ушли”, нежели он сам ушел. Ему устроили пышные проводы, и к этому событию мы все украшали стены разными лозунгами, воздушными шариками, цветными ленточками. Все было совсем, как в России – речи, адреса, подарки и бесплатный ланч за счет компании.

Мы стали работать вместе с Виком – так Виктор предложил его называть. Так он и подписывал чертежи или разные бумаги, когда требовалось только поставить инициалы – ВИК – что одновременно было аббревиатурой его имен: Виктор Исаак Коган. Он был очень компанейский и вытаскивал нас всех по пятницам на совместный ланч, и по тем же пятницам одевал джинсы и кроссовки (то есть повседневную одежду), в отличие от остальных дней, хотя в правилах компании, которые я читала перед поступлением, было сказано, что в ней принят деловой стиль одежды по всем дням, включая и пятницу. Он был требователен, но одновременно справедлив, и его понятия о работе вполне совпадали с моими, поэтому у меня с ним никогда не возникало конфликтов.

Тем временем подходило лето, и вот как раз тогда я уже стала задумываться о повышении своей зарплаты – но оказалось, как я узнала от наших же инженеров, что в этой компании никого не повышают годами, и я стала понемногу задумываться о поисках работы. Тут где-то на подступах к лету Вик решил некоторые данные о нашей документации свести в базу данных, в связи с чем и закупил программу ФоксПро, а мне предложил найти место, где я ее буду изучать. Всегда в прежние годы, когда Наташа (моя подруга, уехавшая в Америку в 1980 году) писала, что ее фирма послала учиться, мне было интересно, когда же она учится – в рабочее или же в нерабочее время. Этого я тогда и не узнала, однако мне сейчас предоставилась возможность узнать – когда же я сама буду учиться. Оказалось, что вполне в нерабочее время, более того – в мое личное, так как рабочие часы мне за это мое вечернее время учебы вовсе никто не собирается скостить. Хотя учебу и оплатят.

Подумав, я сказала Вику, что можно все выучить по книжке, никуда не ходя. Вик на время с этим согласился, потом, видно, все же поставив под сомнение мои интеллектуальные способности, вновь вернулся к этой теме. А тут мне как раз попался под руку каталог Калифорнийского Университета (небезызвестного UCLA – University of California, Los Angeles), где был курс – Введение в программирование на ФоксПро, о чем я Вику и доложила, одновременно робко сказав, что это, может быть, не совсем то – программирование все же... Я немножко лукавила, так как к тому времени я уже действительно азы этого ФоксПро освоила по книжке, и мне уже хотелось большего – именно этих начал программирования. На это Вик бодро сказал: “Нет, как же, как же – как раз это нам и надо”, что меня, признаться, удивило тогда, и не перестает удивлять и по сей

день – единственное объяснение этому могу я найти в том, что Вику нравилось окружать себя образованными людьми – пусть даже и не надо программировать.

То отделение Университета, где велись эти занятия, находилось в деловом районе города, так называемом Даунтауне, который известен высоким уровнем преступности, и в частности, поэтому Вик решил на обучение кроме меня послать еще одного нашего инженера, Глена Петерсена – в предположении, что этот Глен сможет меня проводить после занятий до машины – хотя я парковалась не на улице, а в подземном гараже. Была издана бумага, что компания нам оплатит учебу и учебники (320 + 80 долларов), но однако только после того, как мы закончим наше образование, притом не ниже, чем на “В”, то есть не ниже четверки, если рассматривать российские мерки. Тут-то я очень призадумалась, однако Вик всячески показывал свою заинтересованность в этом деле, и чтобы не огорчать начальника в расчете на грядущие милости, мне пришлось вступить в этот омут, называемый “Введение в программирование на ФоксПро”.

Занятия велись на самом деле не в Университете, а в так называемом “UCLA Extension”, что представляет собой как бы курсы повышения квалификации при университете для людей, уже имеющих образование. Там на достаточно высоком уровне читаются лекции по множеству предметов, и стоит каждый курс порядка 300 долларов. Надо сказать, что нигде в окрестных колледжах не учили ФоксПро, и это была, в общем, единственная возможность получить какое-то образование по данному предмету.

Что касалось курса, то оказалось, что введение-то введением, но это – введение для тех, кто уже что-то смыслит в ФоксПро и даже программирует, но это уже выяснилось значительно позже того момента, когда можно бросить курс, получивши деньги назад – начав курс, у вас есть возможность его оставить и даже получить назад деньги, но вы должны это сделать в течение определенного срока – скажем, одной – трех недель. Пока я разобралась с тем, что там будет преподаваться – то стало уже поздно и мне ничего не оставалось, как продолжать обучение. И каждый четверг, прибыв домой и слегка отдохнув, я в 6 часов опять отбывала – на занятия, которые длились до 9:30. В этом-то самом обстоятельстве (посещении университета) не было, конечно, ничего трудного. Но за два с половиной месяца обучения надо было сделать два задания и экзаменационный тест.

Занятия вел молодой человек, примерно 30-35 лет, вице-президент какой-то компании и большой знаток ФоксПро. Высокий уровень его знаний был очевиден, и он с радостью его демонстрировал. Он быстро проходил по примерам, проецируя на стену экран компьютера, слишком быстро, чтобы успеть все осознать – ничего похожего на наши семинары в институте, более похоже на лекции, где еще показывают, как решать задачи. Вопрос о том, как поняли его студенты, его особо не волновал – ставка была полностью на самостоятельное изучение, что я позже вполне оценила, но поначалу пребывала в глубокой панике. В заданиях я плавала невероятно, и учитывая жесткие условия, навязанные мне моей родной компанией, уже была готова заплатить кому-нибудь за их выполнение – однако беда была в том, что я никак не могла никого найти. Среди знакомых практически никто не знал ФоксПро, а те, кто знали его как-то, мне помочь в заданиях никак не могли – видимо, они знали какие-то другие области, далекие от тех, которые затрагивал наш учитель.

С одним парнишкой я даже сговорила на платные уроки – по 25 долларов в час. Он, правда, не понимал, что понятие “дать урок” и на него накладывает некоторые обязательства. Он принес себя как подарок, и сев за компьютер, стал повсюду тыкаться, включая help,

пытаюсь разобраться как в моей программе, так и в тех тестовых примерах, что надавал нам учитель. С одной стороны, мне было полезно его наблюдать; многие вещи были мне неведомы, но практический выход был ничтожен – он не смог не только сделать мне хоть какой-то кусочек программы, но даже и ответить на мои вопросы относительно имеющихся у меня тренировочных программ. Так он потыкался весь час, после чего мне пришлось напомнить ему о времени, так как более, чем за час его изысканий, я платить уже не могла. Он, ничтоже сумняшеся, взял свои доллары и удалился.

И пришлось мне за все браться самой, поняв, что никто и ничто мне не поможет – прорабатывать тренировочные программы, рыться в учебниках, и думать, думать и думать. Все вечера августа и сентября, а также и все выходные я провела за компьютером, уж не говоря о часах за ФоксПро на работе – хотя там я могла заниматься только урывками, а если плотно – то только когда Вик был где-нибудь в отъезде, поскольку он как-то, застав меня за выполнением задания, не разрешил мне заниматься в рабочее время. Надо сказать еще, что с моим напарником, Гленом, я никогда не могла ни о чем поговорить, касающемся заданий – как-то он всегда уходил от разговора, и я не могла понять – то ли он не хочет делиться со мной своими знаниями, то ли сам понимает еще меньше, чем я, и не хочет этого показать, что мне казалось невероятным, поскольку он знал Базу Данных, и мне казалось, что это знание весьма полезно при постижении основ ФоксПро. Однако, похоже все же, что второе предположение было более правильным, поскольку я-таки получила свою четверку и деньги назад, а вот Глен – нет (что я узнала спустя несколько месяцев от Вика, когда он увольнялся).

Свои знания программирования я-таки использовала, написав тренировочную программу для предполагаемых баз данных в своем инженерном отделе. Вику она понравилась – он так и говорил с выражением: “I love it!” – даже, пожалуй, с тремя восклицательными знаками. (Кроме степени бакалавра в инженерии, он получил магистра в менеджменте, и вот таким образом он поощрял подчиненных, хваля их, когда что-то сделают. Восклицания “Great!” или “Bravo, Olga!” почти что не сходили с его языка. Кстати сказать, и предыдущий мой начальник, Билл не был скуп на похвалу). Правда, Вик осведомился так, ненароком, а понимаю ли я ту программу, что сама и написала. И предложил мне написать ее не для 5 элементов, как было у меня, а для 20-ти – по числу наших книг – как бы не понимая, что 5 – это уже “много”!

Но в то время у меня уже пыл пропал – поскольку на мой вопрос Вику о повышении (а я к тому времени работала уже год) он мне ответил, что политика компании – никого не повышать, так что все мои старания по освоению ФоксПро мне никак не помогли продвинуться по службе, а только привели к расширению моих рабочих обязанностей, поскольку мне-таки пришлось создать базу данных, в которую заносились информация обо всей рабочей документации, данной мне для рассылки.

26. Отступление от темы – поездка Димы в Сан Франциско. Мистер Шатл.

И снова небольшое отступление от русла моего повествования – а что же в то время делал Дима? Вообще, в семье было много разных событий, и все их невозможно упомянуть в данном труде, посвященном именно моим впечатлениям об Америке и, в особенности, устройстве на работу.

Дима весьма “разумно” приехал, не зная английского – полагая, видимо, что окружение ему в этом поможет, и он – так сказать – подхватит язык на лету. Но то, что справедливо для детей, для людей в годах вовсе неприемлемо, потому-то его путь был тоже не слишком гладок.

Как раз в то время, как я устроилась в Tiger, Дима устроился развозить пиццу, и вот по этой-то причине я не могла ездить на работу на машине, а ездила на автобусе. Потом они с Сережей учились на водителей грузовиков (для тех, кто не знает, Сережа – это мой брат); так они проучились месяца 3. Дима сдал на права немножко раньше Сережи. Теперь надлежало устраиваться на работу. Однако тут Дима заболел. Точнее, его “заразили”, а еще точнее – “заразила”. Естественно, как же могло быть иначе? Я-то сама заразилась, похоже, от Даника, (внука), хотя могла подцепить этот вирус на работе.

Он не был – этот вирус – очень уж злым: ну, насморк, горло, а потом уж – кашель. Но, попавши в организм Димы, он совершенно трансформируется (точно так же, как вирус СПИДа при переходе от обезьян к людям) и с прямо-таки взрывной силой начинает разрушать казалось бы несокрушимое ранее здоровье. Горло у Димы болит так, как ни у кого и никогда не болело; мало того, оно распухает и он не может глотать; он не ест и почти что не пьет. Температура поднимается до 38 градусов, и градусник ставится едва ли не каждые полчаса для выведения зависимости между приемом тайленола и температурой. Скорбные складки собираются у Димы на лбу и щеках, в глазах застывает печаль. “Ну что, – говорит он сурово, – опять на 3 недели?!” (Предыдущий грипп – месяца 1,5 назад – длился около 3 недель). *Но надо сказать, что в первый год жизни в Калифорнии мы все довольно часто болели – здесь, действительно, были какие-то другие вирусы и возбудители болезней.*

Однако всему приходит конец, пришел конец и болезни. Дима слегка отошел, побрился, и, наконец, засел изучать объявления о найме, приговаривая – опять же скорбно – при этом: “С таким языком разве можно устроиться?” Он, конечно, предпочел бы, чтобы звонила я, но – с другой стороны – какой же был бы во всем этом смысл? Ведь волей-неволей надо говорить с работодателем. И, конечно, плохой язык, но Дима на нем вполне все же может изъясняться, и при этом более или менее понимает, что ему говорят. Однако до его телефонных изысканий дело не дошло, так как в один прекрасный вечер раздался звонок и позвали по-английски к телефону Дмитрия. Звонил некто Дэн, ему дали Димины координаты в школе. Дима вел с ним какие-то переговоры, потом выскакивал из комнаты и восклицал: “Ну, берут быка за рога!” и “Лед тронулся, господа присяжные заседатели!” В итоге выяснилось, что работа заключается в том, чтобы водить грузовики от Сан Франциско до Лос Анджелеса, и едва ли не на завтра надо вылетать в Сан Франциско.

И на завтра, когда он, как и договаривались, позвонил этому Дэну с утра, оказалось, что действительно надо лететь в Сан Франциско. В 4 часа дня. Оставшееся время было посвящено в основном сборам. К радости примешивалась озабоченность – а ну как все не всерьез? А если всерьез, то как же вести грузовик? И вообще – как доехать? Как найти? Ну а если не встретят? Мы шутили: Дима исчезает, его никто не может найти, и только через

неделю, голодный, оборванный и обросший – он явится к Левандовским в Сан Хозе (для справки: Левандовские – наши друзья в Сан-Хозе, городке к югу от Сан Франциско, примерно в 40 минутах езды от него).

Дима звонил из аэропорта, самолет отложили на 2 часа из-за ветра и дождя в Сан Франциско. Он спрашивал обеспокоенно о нас: “Ну как у вас там?” Далее он все же улетел, а я ушла на свои еженедельные израильские танцы – вы теперь об этих танцах все знаете! Вернувшись, я застала военный совет в полном разгаре. Все наши дома перезванивались. Надо сказать, что к тому времени мы уже, так сказать, “обросли” родственниками, и все жили вблизи – мой брат Сережа с семьей, Тема, мой сын, – к которому приехала жена с сыном Даником – и мы. Тема звонил Зое, она звонила Сереже. Сережа отзванивал назад. “Ему надо ехать в Лос Анджелес!” – кричала Зоя. “Нет, пусть остается в мотеле!” – возражал Тема. “Да пусть едет к Левандовским!” – не соглашался с ними Сережа. Тут и я включилась в обсуждение.

Оказалось, что Диму не встретили. А ведь со встречей действительно с самого начала не совсем было все ясно. Вроде Диму должны были встретить. Кто? – Мистер Шатл. А может, и не мистер, однако слово “шатл” несомненно промелькнуло, и вызвало тогда у меня смутное беспокойство. Позже, притом гораздо позже, мы вспомнили, что мы это слово знали еще задолго до нашего приезда, когда американцы запустили космический корабль “шатл”, который и улетал как самолет, и прилетал, как самолет и садился на аэродроме. Такой вот космический челнок.

А на тот момент нашей жизни в Америке мы еще не знали, что в данной ситуации “шатл” означает попросту автобус, который курсирует (да, как челнок) между аэропортом и близлежащими отелями. Диме надлежало быть в отеле Рамада, так вот он и должен был сесть в шатл с надписью “Рамада”, и этот шатл и довез бы его прямехонько до места назначения. Но, как я уже сказала, никто из нас этого не знал, и “мистер Шатл” Диму, конечно, не встретил. То есть он, в общем-то и встречал, но Дима об этом не знал.

Бедный Дима не знал, куда двигаться. Он звонил по телефону, который ему дали, в какой-то мотель или отель, куда он должен был попасть, но это был телефон регистратора, а так как Дима не знал ни одной фамилии, ни названия компании, то и телефон оказался ему бесполезен. Одна надежда была на Левандовского, и тот не подкачал: приехал в аэропорт и увез Диму в Сан Хозе.

Мы здесь все беспокоились – а не ушел ли тот караван грузовиков, на котором и Дима должен был бы быть одним из кормчих? И наутро я позвонила уже небезызвестному Дэну, который отзвонил Диме в Сан Хозе, и в итоге все тот же Саша отвез Диму в мотель, где он, наконец-то встретился с представителями компании. Диме пришлось заполнить великое множество бумаг, и его отвезли в очень приличный отель, где он отдыхал от перенесенных волнений. Сказали, что на работу вызовут. Так и случилось. Часа в два ночи раздался звонок: “Дмитрий, на выход!” Дмитрий оделся и выбрался наружу. Там увидел еще нескольких мужиков, которые, по всей видимости, ожидали того же, что и Дима – то есть автобуса. Приехал автобус и их куда-то повезли. Какие-то ворота, какие-то люди, целая толпа – и плакаты, и палки, и кулаками грозят... Да что же это такое? Ведь что-то очень знакомое! Ведь столько об этом читали! Ну конечно же! Забастовка!

В общем, надо было доставлять газеты из типографии, где бастовали рабочие. Работников в типографию нашли, да и развозчиков тоже, и Дима-то и был одним из них. Ездил он на пару

с одним парнем, который не шибко хотел убиваться на работе. Так, развезши одну партию товара, он повернул свой руль совсем в другую сторону. Когда же Дима ему это заметил, он сказал ему: “Нам же платят за время, понял, дружбан?”

Однако же данная работа Диме не особо пришлась по душе, пионерское и комсомольское прошлое не давали покоя, да и воспоминания об описанных Джеком Лондоном забастовках и штрейкбрехерах заставляли озаботиться собственной безопасностью. Так или иначе, наутро он позвонил все тому же самому Дэну и сообщил ему о своем решении возвратиться назад. Возражений никаких не последовало, и вот так и закончилось это не вполне славное путешествие. Причем никаких денег ни за перелет, ни за гостиницу назад не потребовали.

27. Повторение пройденного

Так как меня не повышали, я решила начать снова поиски работы. Я бы сказала – вечная это со мной история! Мне всегда казалось, что, увидев, как я хорошо справляюсь с работой, начальство должно немедленно меня повышать. Но не тут-то было! И снова я стала читать объявления, снова писать резюме. Ну что же советует мне мой наработанный опыт на этом поприще? Давайте, посмотрим на объявление. “Требуется помощник по административной работе в компанию в Западном Лос Анджелесе. Возможности для роста. Хорошие телефонные манеры и желание работать в коллективе. Желательно знание MS Word и Эксел.”

Ну, что же – желание работать в коллективе у меня, безусловно, есть. Что касается телефонных манер, то они вроде не очень плохи – уж очень я стараюсь, когда говорю, таким ангельским голоском, нараспев: “May I ask who’s calling?” Ну а что там с программами, с которыми надо работать? Ворд есть у меня дома в компьютере, и я худо-бедно не слишком сложные вещи с ним делаю – на работе-то у меня Ворд Перфект для ДОСа. Эксел? Его недавно установили ребята в том же компьютере, я его включала, входила в меню, видела экран, что-то выпечатывала... Значит – знаю! Стало быть, это объявление – для меня.

А теперь надо и резюме подстроить под эту должность. Первая строчка – настоящее место работы – работаю в Tiger International. Какие же у меня рабочие обязанности? Контроль и анализ инженерной документации, редактирование текстов, работа с базами данных, знание MS Word и Эксел. Добавляем к этому также Ворд Перфект, хорошо мне известный, а также Фокс Про, ну а также Лотос, который я иногда включаю и брожу курсором по таблице.

РС? Ну да, конечно, я свободно владею РС, но иногда требуется Макинтош, и потому, чтобы не переписывать всякий раз резюме, включим-ка сюда и Макинтош, он не помешает – тем более, что я когда-то за него садилась, и, признаться, не увидела особой разницы. Может быть, это и хорошо, что садилась только однажды, а не много раз, а то, может быть, я была бы поколеблена в своем невежестве и не смогла бы с такой легкостью вписать в резюме: Мак.

А вот это совершенно правильное замечание – действительно, вряд ли бы вписала, поскольку к Маку все же надо привыкнуть. Как-то гораздо-гораздо позже, когда я по ошибке села за Мак при выполнении теста на Веб Дизайн, мне пришлось все время спрашивать свою соседку, как сделать самые простые операции.

Ну что же, идем вглубь (то есть в прошлое) моего рабочего опыта и запишем, пожалуй, для некоторого заполнения промежутка с 07.1992 (времени нашего приезда) по 10.1993 – когда я начала работать в Tiger'e – работу в Отделе Социальной Помощи. Об этом этапе моей жизни я уже писала. А дальше – а дальше уже начинается свободное творчество. Потому что дальше – Россия... И что я там делала, чем занималась, особо уже не интересует никого – лишь постольку-поскольку. И тут начинается настоящий простор для творчества. С одной стороны – никто особо на это не обращает внимания, с другой – все же приглядываются. И конечно, коль скоро я собираюсь подавать на так называемого помощника по административной работе – естественно, вся моя жизнь должна была быть посвящена исключительно этому роду работ, и никакому другому – о каком же опыте работы иначе можно говорить?

Вспомним НПО Тяжмаш – где я работала в патентном отделе. Название это предприятие у меня получило следующее: Engineering Design Institute – впрочем, это могло быть и нечто другое, причем любое другое (в зависимости от профиля предприятия, куда я собиралась подавать заявление на этот раз), однако всякий раз, когда я писала эти строки, в моем воображении всплывало именно это НПО, то есть Научно-Производственное Объединение, вблизи метро «Спортивная», в перестроенном жилом доме. Обязанности, которые я там исполняла, должны были соответствовать обязанностям в новом месте работы и, кроме того, подчеркивать мою опытность в секретарском деле.

Как раз в те времена, когда я стала снова рассылать резюме, мне попался один журнальчик, где как раз была статья о том, какие вопросы задаются на интервью, как на них отвечать и вообще как себя вести. Ну вот вопросы, скажем, такого плана:

- Какие ваши сильные (слабые) стороны?
- Каким вы себе представляете своего начальника?
- Чем вы занимались на предыдущей работе?
- Что вам больше всего нравилось из круга выполняемых вами обязанностей?
- Что вам нравилось меньше всего?
- Какое ваше самое значительное достижение за время вашей работы?
- Почему вы хотите оставить вашу нынешнюю работу?

Впрочем, эти же самые вопросы можно увидеть в любой книге по устройству на работу, притом их же задают и на интервью! В общем, одни люди пишут книги, а другие – задают по ним вопросы. Ну, почему люди пишут такого рода книги, это вроде как понятно. Их тут очень много развелось – тех, которые продают слова как бы на вес (или – на объем). Вот они накладывают ведро (или бочку) слов, перемешают, а потом составляют из них предложения разного типа, и эти предложения или печатают, или произносят на лекции или на каком-либо семинаре. И здравый смысл этой всей книги можно бывает уместить от силы на одной странице печатного текста.

Ну а вот почему по ним задают вопросы – уж не знаю. Возможно, чтобы придать своим вопросам больше веса и больше смысла (ну, как им кажется, что больше смысла будет, если будут спрашивать каким я вижу своего начальника) Но мне все равно так до сих пор и не ясно, какие же такие секретные сведения я могу сообщить интервьюеру о себе, ответив на вопросы о своих сильных/слабых сторонах и о своем начальнике.

Но при всем при том не думаю, что это может иметь особо большое значение. Да, конечно, надо одеться аккуратно, надо не опоздать, надо смотреть прямо в глаза, быть откровенным и дружелюбным. Но на работу возьмут или не возьмут вовсе не благодаря хорошим ответам, а совсем по другим причинам. Кроме того, интервью – это игра вслепую, игра в одни ворота. Вы знаете только те требования к позиции, которые описаны в объявлении, и вы их и берете за основу написания своего резюме. Но в той работе есть множество нюансов, о которых вам решительно ничего не известно, и вот они-то и могут сыграть решающую роль при вашем поиске работы.

Вот так я и стала опять рассылать резюме и заметила, что сейчас отклик был слабее, нежели раньше. Полагаю, что меня ограничивал мой опыт работы в инженерной фирме (а тут уж это – как печать: в инженерной – один опыт, в, скажем, медицинском учреждении – другой и так далее, хотя я и могла бы очень быстро приспособиться к другим условиям). К тому же очень

трудно устраиваться на работу, пока работаешь. Оставляют сообщение на домашнем телефоне, надо отзвонить и назначить интервью, однако с работы звонить невозможно, а после работы уже и не застать звонившего. И телефонов мобильных тогда почти что не было (во всяком случае, у меня), так что не припомню, было ли у меня хоть одно интервью за то время.

Но в какой-то момент у нас в компании начались сокращения. Билла сократили, как я уже писала. Потом пришел Вик, который вскоре сам ушел. У меня с ним была прощальная беседа, и вот там он мне и сказал, что компания очень жесткая, так что он не хочет здесь работать. Кроме того, он сказал, что будут сокращения, но мне бояться не нужно, я только одна такая на своем месте, а сокращать они будут инженеров, которых много.

Ну вот, сократили Питера Грабала. Кстати, он был из Чехословакии, и после войны семья смогла эмигрировать в Америку. По-моему, сначала в Чили, а потом уже они как-то перебрались в США. А потом сократили Мигеля – вот того самого, который рассказывал жене о дверях, когда они на дороге встречали какой-нибудь грузовик с дверями, спроектированными Мигелем. Потом ушел Феликс – он организовал вместе с родственниками свою инженерную компанию. Ну и потом настала очередь и моя, несмотря на то, что я там была одна такая. Эту работу попросту стали делать инженеры – и действительно, они как минимум года два не нанимали никого на эту должность.

Вот я и опять стала искать работу, и однажды мне пришлось даже изображать из себя знатока генетики. Дело в том, что у Лены, моей невестки, была на работе вакансия на Data Entry, то есть попросту ввод данных. Пока я работала, меня эта должность не особенно интересовала, поскольку, хотя работа оплачивалась несколько повыше, чем моя, но была она на неполную рабочую неделю, что меня в те времена не устраивало.

Да, кстати, когда мне случалось пытаться устроиться на неполную рабочую неделю, меня долго и упорно выспрашивали, почему эта работа мне так подходит. Клянусь, эти расспросы на интервью могу сравнить только с допросом в КГБ (а я уж там была, поверьте!). Тема part-time рассматривается со всех сторон, и никогда я не знала, как не знаю и теперь, много позже, что же такое надо там говорить, чтобы потенциальный работодатель был бы удовлетворен ответом.

Ну вот, как только меня уволили, Лена тут же справилась об этой должности, оказалось, что она все еще вакантна, и Ленке было дозволено принести мое резюме. При этом было сказано, что у претендента на должность должен быть какой-то biological background, – то есть какие-то биологические либо образование, либо опыт работы, либо и то, и другое вместе.

“Хорошо, – сказала я – будет вам “biological background” и живо заменила в резюме свои обычные места работы как-то всякие инженерные или патентные институты медицинскими или же институтом экспериментальной биологии. В описании к этой должности, которое Лена мне зачитала, значилось только работа с редакторами текстов, с базами данных, и “некоторые курсы колледжа”. Вот при этом последнем требовании я вписала воображаемое обучение в каком-то московском медицинском техникуме. Получилось весьма складное и красивое резюме, в котором было написано то, что требовалось.

Однако пути судьбы неисповедимы – и когда Лена принесла резюме моей потенциальной начальнице, Хуин, китайке, та разочарованно протянула: “Ой, а мне надо, чтобы она

генетику знала!...” Совершенно загадочная фраза – представьте только себе – на ввод данных – генетику! Однако из любезности к Лене она согласилась провести со мной интервью. Что же было делать? Не отказываться же от возможности получить эту должность только потому, что я не знала генетики – но вполне осознавала притом, что на самом-то деле никаких особенных знаний требоваться не должно, иначе была бы другая должность и оплата, соответственно, другая. К тому же ничто в моем резюме не противоречило тому, что мне генетика известна.

Итак, Лена вечером прочла мне часовую лекцию о генетике человека, а именно о наследственных болезнях, обращая мое внимание на то, чем конкретно занимаются они в этой лаборатории. Еще полдня я провела над Британской Энциклопедией, познавая все тот же раздел, и когда я отправилась на интервью, я осознавала себя крупным знатоком генетики. Я радостно спела им про себя песню, как я работала в генетической лаборатории, и, хотя моя должность была секретарская, однако на самом-то деле я была вовлечена в научную работу – тем, например, что я занималась базами данных и вводила в них данные, касающиеся аллелей, передаваемых от родителей к их потомкам. Я так, мол, хорошо понимала, что от меня требуют, что даже могла найти описки в тех данных, которые мне давали научные сотрудники – а я была настолько внимательна, что проверяла эти данные, вводя их в компьютер, так как отчетливо понимала, как неправильные данные могут повлиять на результаты. А генетику я любила всю свою сознательную жизнь и была бы счастлива послужить и здесь на этой же стезе. Ну и так далее, включая рассказы о гонениях на генетику в 50-е годы.

Они меня внимательно слушали, а я еще вворачивала к месту те немногие слова, которые я выудила из энциклопедии и которые уже как бы стали моими. Самое смешное для меня заключалось в том, что я настолько вжилась в образ, что сама абсолютно верила в свою историю и была искренна и откровенна. Что же касалось их вопросов по поводу баз данных, то тут мне притворяться не приходилось, так как эту сторону вопроса я знала достаточно хорошо. Когда меня спросили, сколько же лет я занималась базами данных и компьютерами, я уверенно произнесла, что едва ли не всю мою сознательную жизнь.

Все это было, конечно, интересно и прекрасно, и собой я была вполне довольна (очень возможно, что ошибочно, но не каждый же может видеть себя со стороны!), однако они меня все же туда не взяли. Я не была огорчена, поскольку искала все же работу на полную ставку и была в тот момент только в начале поисков новой работы.

Была у меня еще тогда же временная работа у некого Дэвида. Как-то он мне позвонил, и у нас произошел следующий диалог:

- Ольга, ты посылала нам свое резюме.
- М-м-м... (ну, раз у вас оно есть, стало быть, посылала)
- Так ты знаешь Word Perfect для Windows 6.1?
- Конечно, знаю! – бодро произнесла я.
- А вот тут одна сказала что знает, а на самом деле – не знала.
- Бывает... – неопределенно проямлила я.
- А ты знаешь то-то и то-то?
- Конечно!
- Так ты можешь сейчас придти поработать?

Я, конечно, согласилась придти поработать, однако выговорила себе-таки пару часов отсрочки – дабы попытаться в своем Word Perfect'е понять, чего этот Дэвид от меня хочет. Однако у меня стояла другая версия, и единственно, что я поняла – это что в помощи всегда можно найти то, что нужно. Так я поехала к этому Дэвиду, и мне действительно удалось ему все сделать, но надо сказать, что этому была уделена минимальная часть времени, а еще мне приходилось заниматься с ним разной ерундой вплоть до выписывания чеков на многочисленные счета. Платил он неплохо, и кое-какое время я у него поработала.

28. Работа в трэвел агентстве

Ну вот, после увольнения, кроме растерянности и осознания полной неопределенности будущего, я испытала радость единственно по поводу того, что мне не придется более вставать в такую безумную рань.

(Ах, знала бы я, что спустя годы мне придется вставать еще раньше – и так на целых 8 лет!)

Конечно, первое, что я сделала, – это подала соответствующие бумаги в учреждение, занимающееся безработными, где мне назначили славное пособие, равное половине моей зарплаты, на которое можно было некоторое время сносно существовать (учитывая поддержку других членов семьи).

Я снова начала, естественно, поиски работы, используя все тот же испытанный метод – объявления в газетах и рассылку резюме. Было у меня и несколько интервью, безрезультатных (вот о некоторых я говорила в предыдущей главе), – и старые страхи вернулись ко мне, как будто снова мне Карен говорит: “Да, у нас есть дискриминация и по возрасту...”. И снова те же мысли: “Ну вот, меня не возьмут, из-за возраста, ну а если и возьмут, то снова выгонят, а что потом?” И, стесняясь носить свое немолодое лицо на интервью, стала я думать и о других возможностях, а именно, о таком роде работы, где не так важен возраст – а к таковым относится обычно малый бизнес, или же так называемая работа независимого контрактора, как, например, какого-нибудь агента – скажем, по продаже страховок, или недвижимости, или же – трэвел агента.

И тут я вернулась к своей старой идее (которая была со мной, однако, все то время, пока я работала) – а это был трэвел бизнес. Снова учиться? Я понимала уже по своему опыту в Академи Пасифик, что многому там не научат – так, кой-чему; а из бесед, бывавших иногда с представителями этой профессии, эта моя мысль подтверждалась, а также я получала сведения и о том, что нигде нельзя научиться более, чем на конкретном рабочем месте.

Вот тут-то как раз я и вспомнила об одном из русских трэвел-агентств (нет, на этот раз не Марины Ковалевой), а о местном, где я однажды была в связи с возможностью работы там одной моей родственницы. Тогда это закончилось ничем, но я помнила, что владелец его, Борис, во время того разговора как-то обмолвился о какой-то школе, существующей при его агентстве. Это агентство меня интересовало еще по одной причине: как-то в местной газетке “Курьер” мне попалось на глаза интервью именно с этим Борисом (к слову сказать, как я узнала позже – перепечатанное из российской газеты “Иностранец”). В интервью Борис представал перед россиянами как умудренный жизнью американец, полностью приспособленный к американскому образу жизни. Он важно рассказывал о своей работе на американской фирме, где он работал ранее, о том, как еще в Италии он стремился все узнать об Америке заранее – и в то время, как остальная публика предавалась каким-то радостям жизни, он ходил на лекции и еще тогда узнал, чем отличается Виза от Мастер Кард. Он важно рассказывал об американском образе жизни – как покупается в рассрочку дом или машина, как можно выплачивать долги по кредитным карточкам, не отдавая банку, а получая с него проценты. И о том, как плохи многие русские, которые сидят на вэлфере (на пособии) и не хотят работать – вот он, Борис, предложил одному поработать, отвезти экскурсию, так тот отказался из боязни, что потеряет вэлфер.

В общем, тон Бориса в этой статье показался мне созвучным моим настроениям, я заочно прониклась к нему симпатией, и потому не без интереса я отправилась к нему в агентство. Оказалось, что – да, действительно, школа-не школа – но уроки по системе резервации действительно они дают – точнее, Галина, его жена и, соответственно, хозяйка. Урок стоит 20 долларов за час, и курс составляет 15-18 часов. В результате они могут даже оставить на работу в агентстве на условии 40 процентов от комиссионных – Борис считал, что это вполне справедливо при пользовании всем оборудованием и рекламой.

Я согласилась на это предложение – правда, пришлось немного подождать, пока они дали объявление в газету об уроках – в надежде найти еще кого-нибудь в ученики – но однако никто более не нашелся, и я прошла эти занятия в одиночку. Приезжала я к ним 3 раза в неделю, и закончила занятия недели за две. Конечно, и эту систему (т.е. ее основополагающие моменты) – можно было бы выучить и самостоятельно, однако кто же бы мне дал в пользование и компьютер, и книжки, и систему – просто так, бесплатно? Так что я не роптала, и заплатила за все эти уроки, которые, кстати говоря, Галина вела очень и очень неплохо. И после окончания Галина и Борис дали мне возможность работать в их офисе.

Странное, однако, было это место – и странные люди населяли его! Кроме хозяев, там было 3 агента – Ирина, Рита и Лера. Впрочем, о Рите и Ирине не могу ничего сказать. Что же касается девушки Леры, то она была весьма своеобразной личностью. В первый же день, когда она вошла в комнату и я спросила у нее: “Так вы – Лера?” – она сурово ответила: “А какое это имеет значение?” Так что я некоторое время не знала, по какому имени к ней надо обращаться. Как оказалось, она училась у Галины так же, как и я, и месяцем раньше меня стала работать в агентстве. Расписание ее работы не было никому понятно – она приходила то в 11, то в 3, а то и вовсе не приходила – при этом неделями. В одно из своих появлений она меня сурово предупредила: “А вот ваше кресло я себе заберу!” – Дело было в том, что я каким-то образом оказалась за столом с вращающимся креслом, на которое она ранее положила свой глаз и считала, что вправе на него претендовать. Сказано – сделано; и в один из своих приходов она решительно подошла ко мне со своим стулом. Признавая за ней право первенства и не имея обычая начинать склоку, я, разумеется, уступила – однако поняла одновременно, что от этой девушки надо держаться подальше.

Я-то это поняла, но – как ни странно – Галина это еще не вполне осознала. А Галина, надо сказать, обладала характером совсем не сахарным, который можно было представить по ее улыбочности и всей приятности наших занятий и общения с клиентами. Давши нам эти уроки и, так сказать, пустивши “в люди”, она уже не хотела тратить время на ведение нас и дальше по извилистому жизненному пути. И поэтому, когда Лера задала ей какой-то вопрос о системе резервации, Галина весьма решительно ей сказала, что – все, мол, девушки, вас научили, а теперь давайте, плавайте сами – есть Система помощи, звоните, залезайте в компьютер, в Help, в общем, сами дуры – так сами и вылезайте. (Хотя в тот момент ко мне это прямо не относилось, я мотала на ус, и только устыжалась, как же это мало я знаю).

Но с девушкой Лерой – как оказалось – так просто справиться было нельзя. Она раскрыла рот – и началась перебранка, где Лера доказывала, что имеет право задать вопрос, а Галина – обратное, привлекая обороты типа: “Я тут хозяйка и я знаю, чего хочу!” Перебранка эта довольно быстро и затухла, однако, как оказалось, вопрос вовсе не был решен. Если кто-то думал иначе, он просто Леру не знал.

К вечеру того же дня в офисе появился ее муж и прошел в кабинет к Борису – как оказалось позже, проводить разборку. И разборка началась – совершенно в соответствии со всеми правилами жанра. Обычное препирательство типа: “Вы ее учили, деньги взяли, вы ее взяли на работу – знали, что она неопытная, так помогайте”. – “Мы ничего ей не обязаны давать больше. Уже научили, пусть сама...” вскоре перешли в громкий скандал, завершающийся воплем Бориса: “Все! Я – хозяин! Я ее увольняю!!!” и далее Галининым причитанием: “Ах, ах, что за шум, что это такое!”

Скандал, внезапно начавшийся, постепенно стихал, как майская гроза; тучи разошлись, выглянуло солнце, защибетали птички, и еще минуту назад непримиримые враги спешно привели себя в порядок, утерли слезы, избавились от следов побоев, и сели умиротворенно решать вопрос лишь о Лерином рабочем расписании – когда ей приходиться, когда уходить и в какие дни. Вся компания мирно разошлась, оставив лишь меня (поскольку большую часть времени я при этом присутствовала) в полном недоумении о действительных причинах всей этой фантасмагории.

Девушка Лера после этого еще кое-как проработала – недели 2-3, не больше, потом она исчезла, и навечно, а на мой вопрос хозяйке, где же она – ответ был прост: “Не знаю...”

29. Агентство – продолжение

Работа как-то продолжалась, хозяйка работала, не поднимая головы; ее милота и улыбочивость остались для клиентов – иногда она могла дурным голосом орать на агентов, иногда сурово вопрошала, глядя на меня в упор: ”Кто не погасил свет в туалете?!” – и я начинала опасаться, что сейчас именно меня изберут козлом отпущения и я тут буду подвергнута экзекуции, как бедный Васисуалий Лоханкин.

В общем, чем дальше, тем больше овладевало мной впечатление, что я пребываю в каком-то странном мертвом мире, в царстве призраков, обиталище теней, которые хотя выглядят и действуют как обычные люди, таковыми вовсе не являются.

Бизнес жил по неизвестным причинам, по всем законам логики ему следовало умереть, но каким-то странным образом окончательного краха не происходило. Похоже, лишь самоотверженная работа хозяйки спасала как-то положение – наверное, она как-то зарабатывала на необходимые траты, как то: аренда, оплата счетов и прочее.

Поначалу хозяйка как-то занималась офисом: сообщала о новостях бизнеса, давала данные по ценам на билеты и прочее. Но постепенно эта сторона ее деятельности была полностью заброшена. Весь рабочий день, и даже сверх него, она сидела за компьютером, как автомат, – резервируя, резервируя, резервируя, в то время как могла бы потратить силы на другое, дав заказы агентам, сидевшим без дела, с которых она все равно бы получила львиную долю комиссионных.

Что же касается Бориса... Работа его в офисе была странной – как вообще все вокруг. Одну из его обязанностей – выписывать чеки – он никак не мог осилить, как бы сильно себя ни принуждал. За ним надо было ходить буквально неделями, чтобы он заплатил причитающиеся вам деньги. Если же о себе не напоминать, он не заплатил бы никогда. Но заработок заработком, он не любил еще платить в компании за билеты, которые мы же заказали для клиента и за которые уже и взяли с клиента деньги. Много бывало разных случаев, когда едва успевали выписать и доставить билет – и то только потому, что Борис не выписывал вовремя чека.

Поначалу меня это озадачивало – стало быть, агентство неплатежеспособно, что же будет дальше – не окажется ли завтра дверь закрытой? Однако, видя Бориса в сладкой дреме в своем кресле перед разложенным пасьянсом, я успокаивалась: деньги есть, только где-то в другом месте – ведь если такая катастрофа, тут не то что днем, ночью не уснешь!

При этом, как оказалось, он не чужд был и некоторого юмора – своеобразного, конечно, но все-таки юмора. Как-то раз мне надо было выписать 3 чека – два срочных чека для клиентов, а один – мой заработок. Я ходила за Борисом три дня, повторяя, как шарманка; “Борис, выпишите же чеки!” – каждые 30-40 минут. Наконец, Борис дал мне два (не три!) пустых бланка – чтобы я выписала чеки сама и дала бы ему на подпись. Естественно, я выписала чеки для клиентов. Борис подписал чеки и принялся веселиться: “Ах, Оля, какая же вы скромница! – приговаривал он и даже для этого прибежал, хихикая, к моему рабочему столу из другой комнаты, – Как же вы будете жить, раз чек сами себе не выписываете?” (Шутник, однако!)

Да, вопреки распространенному мнению о том, что все в Америке работают на пределе возможностей, и в поте лица своего зарабатывают свой хлеб, должна сказать, что понятия “Борис” и “напряженная работа” – суть две вещи несовместные. Борис, несмотря на все свои разглагольствования, был незамысловат, как растение, и жизнь его укладывалась в простейшие циклы существования: захотел поесть – надо поесть; захотел поспать – надо поспать, скучно – надо пасьянс разложить, ну и так далее.

Он весьма любил среди рабочего дня (чьего, правда?) разложить пасьянс на зеленом – нет, не столе – но зеленом экране компьютера: шагнули же вперед дедовы забавы! А потом и соснуть сладенько, откинувшись в креслице. Не хватало только ему здесь крепостного Петьки, который его будил бы щекотанием пяток, как только погрузится в сон – “а то засыпать уж больно хорошо!” Странно, кстати, что он ни одну из нас не попытался приспособить для этой обязанности – видимо, не очень хорошо он был знаком с классиками.

По правде сказать, он работать нигде бы и не мог, поскольку у него не было рабочего пространства. То есть оно было – но одновременно как бы и не было. На его, так сказать, главном рабочем столе, в кабинете, лежал по всей его поверхности ворох бумаг сантиметров в 30 высотой. Как бы вы ни старались его раскапывать, нужную бумагу найти там было невозможно. Поэтому, конечно, кабинет был приспособлен только разве что для пасьянсов и разговоров по телефону. Борис также мог сидеть еще за несколькими свободными столами в агентстве – и сидел, конечно, обратив и их в подобие все того же кабинетного стола. Стоило освободиться очередному столу вследствие ухода кого-то из сотрудников, и этот стол переходил в собственность Бориса. Уж не надо и говорить, что происходило с этим столом. И вообще при первом же взгляде на офис вы немедленно вспоминали гоголевского Плюшкина – уж чего там только не было! И старые туфли, и детские игрушки, и письма, и ненужные книги, и использованные бланки, и потерянные, помятые и полинявшие плакаты на стенах.

При этом вы всегда ощущали Бориса рядом с собой – так сказать, плечом к плечу вы проводили с ним свои трудовые будни. Слухом он обладал отменным, прямо-таки животным, и стоило лишь вам переброситься парой фраз с соседкой, как Борис, где бы он ни был, мог с полной непринужденностью и непосредственностью вступить в ваш диалог – так, как будто и сидел рядом с вами и был приглашен к разговору. Если же тема захватывала его за живое, то он мог оторваться от всего, даже от любимых пасьянсов – и затевал спор, наскაკивая на нас таким задористым петушком, обвиняя в некомпетентности, неразумности, незнании предмета, и в нежелании знать его. Он был яростным сторонником республиканцев, и аполитичность или индифферентность к политическим вопросам была ему особо отвратительна и приводила в состояние ярости. Он кричал в таких случаях: “Таким, как вы – не место в Америке!”

Кроме республиканцев – давней и прочной привязанности – у Бориса появилась новая любовь: Амвэй. *(Для справки: Амвэй – это компания, занимавшаяся в то время распространением товаров, преимущественно средствами для чистки и стирки; собственно, это был вид пирамиды, куда старались вовлекать новых и новых людей. Даже и мне доводилось бывать на амвэевских собраниях среди русских эмигрантов. Но не будучи продавцом по натуре, я, естественно, никогда ничего не продала. Похоже, когда пирамида полностью себя исчерпала, компания и перестала существовать).* Естественно, те, кто не разделяли чувств Бориса к Амвэю, и – главное – не становились распространителями Амвэевских товаров, становились его заклятыми врагами, и лишь налет цивилизации

удерживал его от решительных акций относительно подобных личностей. Но при случае (а случаем могло быть все, даже молчание) он не забывал повторять, уличая: “Вот вы, Оля, отказались от Амвэя, а могли бы быть сейчас миллионершей – а все потому, что не хотите работать!” По-видимому, он совершенно буквально воспринимал рекламу Амвэя – работая 5-10 часов в неделю ваш заработок может достичь многих-многих тысяч! Кстати, за последние полгода, которые Борис сам знал об Амвэе, не видно было никаких достижений, которыми можно было бы хотя бы немного гордиться. И миллионером от Амвэя он так, похоже, и не стал.

Конечно, коль скоро он не перетруждал себя работой, то естественным образом участвовал в остальной жизни. Несомненно, к простоте его характера следует отнести и то, что ему ничего не стоило в какой-то момент накричать на вас – по причине ли вашей вины или нет – а потом, совершенно об этом позабыв, вести себя так, как будто его крик был вполне в порядке вещей.

Мадам иногда тоже от него не отставала – хотя ввиду ее большей занятости у нее на это не хватало времени. Она могла тигрицей с криком броситься на телефон, когда кто-то не успевал взять трубку и включался автоответчик, могла гневно проводить расследование, когда кто-то случайно взял ее линию, да и вообще при случае всегда старалась подчеркнуть свои большие знания и ваше ничтожество, мило улыбаясь при этом змеиной улыбкой Джоконды. Однако истерические вопли могли начаться в любой момент от “Кто взял мою линию?!!” до “Я не могу разговаривать!!!”, завершаемые Борисовым выбеганием из кабинета и последующей выволочки. Самая прелесть этого всего заключалась в том, что ни он, ни она нисколько потом не были ни смущены, ни огорчены своим поведением – это по их мнению, и была норма, которой всем следовало придерживаться при руководстве агентством и при работе с сотрудниками.

У нас работы было очень мало – агентство рекламы не давало и не было конкурентоспособно по ценам – так что наши клиенты были только или нашими знакомыми и родственниками, или же теми, кто позвонил нам по тем крошечным объявлениям, которые мы сами могли дать на наши небольшие доходы.

30. Новые замыслы

Да, так вот это и началось, и мне не так уж хотелось вспоминать эту часть моей биографии – но ведь из песни слова не выкинешь, тем более, что это вовсе не слово, и даже не параграф, а – целая страница, не меньше.

Я не любило об этом вспоминать, потому что это рассказ о моем поражении, а кто же любит вспоминать о неудачах? Хотя и за этот период времени было много интересного, а главное – была надежда, которая все равно меня никогда не покидала.

Итак, насладившись вволю общением со своими хозяевами, я решила поменять место работы, и мне удалось устроиться в другое, русское же, агентство, где все же владельцы его были гораздо более приятные люди, и обстановка в целом была более деловой.

Я там работала понемножку, перетащила туда одну мою приятельницу, Таню, потом, спустя несколько месяцев, пришла молодая женщина по имени Рина, и мы с ней довольно быстро подружились.

В работе трэвел-агента очень много нюансов и особенностей, и никакая учеба – хоть двухнедельная, хоть двухмесячная – их всех учесть не может. Учеба дает только необходимый минимум знаний – а именно, навык работы с основами системы компьютерного резервирования, причем с самыми простейшими.

Трэвел-агент работает как независимый контрактор, то есть как бы самостоятельно, при этом агентство ему предоставляет помещение, оборудование, необходимое программное обеспечение, рекламу. И за это агент отдает агентству 60% из заработанных комиссионных.

Это было то время, когда авиакомпании еще платили комиссионные трэвел-агентствам, и они составляли 10%, позже они были снижены до 8%, потом до 5%, и, наконец, некоторое время назад, комиссионные были сняты совсем.

Ну, это я так, к слову упомянула, пожалуй, к тому, что заработок трэвел-агента совсем невысок, да для меня он и вовсе высок не был, поскольку я вообще давала совсем ничтожные комиссионные к своим услугам – все в надежде набрать больше клиентов. Практика эта, конечно же, была неправильной, но уж не буду больше на ней останавливаться.

Так время и шло, я все мечтала организовать свой собственный трэвел-бизнес (лавры Марины Ковалевой до сих пор не давали мне покоя!), а поскольку – я считала – мне в одиночку не потянуть, то я и предложила Рине объединить наши усилия.

Вот так мы и решили создавать свой собственный бизнес, однако не все было так быстро, как бы нам хотелось. Прежде всего, мы старались укрепить нашу, так сказать, теоретическую базу – то есть освоить лучше нашу систему бронирования, используя ее наиболее продвинутые функции. Кроме того, была задача вообще набрать побольше опыта и совершенствоваться и далее в продажах туров, круизов, курортов. Я покупала многие книги по туризму, и тщательно их читала в свободное время, узнавая новые и интересные сведения о странах и туристических местах. *Разумеется, это было лишнее, хотя и не вредное - к сожалению, скажу я вам, для того, чтобы успешно вести трэвел-бизнес, совсем не обязательно знать географию. Можно обойтись минимальными знаниями. Важно быть*

продавцом. Одна из моих коллег не могла найти на карте Канкун, куда она только что продала пакет, пришлось ей помочь, однако главное было то, что она пакет продала!

В план дальнейшей нашей работы были включены также и туры на русском языке для русскоязычных жителей Америки, а также туры по Калифорнии для россиян.

Однажды у меня появилась идея. “Рина, – сказала я – а что если мы станем писать статьи о туризме в русских газетах? Вот возьмем, и напишем статью в газете “Мы и Америка””. (Мы как раз накануне на каком-то приеме в русской авиакомпании Трансаэро встретились с редакторами этой газеты).

“Хорошо, – ответила Рина. – Только, чур, мое имя будет стоять в списке авторов первым!”
Почему-то я удивляюсь этому заявлению сейчас, спустя годы, – а тогда я его как бы пропустила мимо ушей. Ну хочет так, пусть так и будет. Дело было в том, что мне уж очень хотелось писать статьи – а я как раз на тех днях уезжала на Гавайи.

Да, так мы и стали писать статьи. Конечно, их печатали на правах рекламы, и за них брали деньги, и немалые. Половина страницы в газете нам стоила 250 долларов, которые мы делили пополам. Позже за эти же деньги мы уже печатали целую страницу.

Первая статья была о Гавайях – об острове Оаху. Я даже помню ее начало наизусть.

Гавайи – изумрудные капельки обрамленные синими водами океана – такими они видятся с воздуха. Гавайи, открывшиеся нам со страниц увлекательного мира морских путешествий, с открытий капитана Кука, воспоминаний Марка Твена и рассказов Джека Лондона. Мы знали роскошь и веселье пляжа Вайкики и страшное изгнание Молокау, мы слышали Алоха Оэ – сладостную горькую песню разлуки, песню прощания, мы внимали звукам укулеле – гавайской гитары, которая сопровождала Билла и Саксон во время их путешествия по Калифорнии в поисках счастья. Знакомая и одновременно незнакомая страна – и недостижимая, и невероятная, и безнадежно далекая

Все это мы вспоминаем, когда наш самолет приземляется в аэропорту Гонолулу, минуя Пирл Харбор и военный аэродром, и несбыточная мечта детства вдруг становится явью, воплощаясь в жизни смешением запахов, цветов и красок, влажным воздухом тропиков, жаром солнца и яркой синевой неба. Да – до Гавайев рукой подать – всего-то 5 часов летного времени от Лос Анджелеса!

Кстати, так статья и называлась, “До Гавайев – рукой подать!” Да, сейчас уже поездка на Гавайи есть явление совершенно обыденное, но тогда для меня это было действительно воплощением детских мечтаний о дальних странах.

Обычно я писала дома черновик статьи, а потом мы с Риной вместе ее дорабатывали. Как я уже сказала, первая статья была о Гавайях – об острове Оаху, потом – о круизах, куда я вставила даже цитату из Пастернака – “Придается все, лишь тебе не дано примелькаться...” – это было применительно к морю, что плавно переходило далее в рассказ о морском путешествии. Потом были статьи о Карибах, об острове Мауи, и, наконец, о Канкуне. Ну на Гавайях я была, да и Рина тоже; на круизе мы тоже были, и я была также и на Мауи. Но вот Карибы и Канкун – это были лишь плоды воображения, да подражания различным источникам.

Несмотря на такие крупные личные затраты на рекламу, я не могу сказать, что эти статьи дали нам (или по крайней мере, мне) много больше дополнительного заработка, отнюдь. Помню, что по этим статьям у меня появилась только одна новая клиентка.

А дальше, помимо основной работы по продажам в агентстве, мы стали заниматься турами для России, что мы делали, конечно, втайне от наших руководителей – то есть, хозяев. По вечерам я приезжала к Рине, и вот тут начиналась работа – до 12-ти, до часу ночи. Так были продуманы, просчитаны и расписаны целый ряд туров, для которых были придуманы еще разные красивые названия – например, “Золотое ожерелье Калифорнии”, или, скажем, “Кино и казино” и еще разные. Признаться, я их уже подзабыла, хотя сама же и придумала. Мною также были написаны и предисловие, и общее описание Калифорнии – там было много красивостей, однако и они тоже благополучно выпали ныне из моей головы.

Графическим же оформлением занималась Регина – Ринина сестра, превосходный график-дизайнер, так что брошюра наша выглядела очень хорошо по своему оформлению – чего, однако, не могу сказать об издании, поскольку она издавалась, так сказать, на дому. Мы покупали цветной принтер и по 24 часа гоняли его, печатая нашу брошюру, потом, через месяц, принтер сдавали обратно в магазин. Потом, похоже, брали другой и с ним продолжали то же самое. Сумасшедшая же была работка! Вот я-то как раз и таскала эти принтеры.

Ну а потом – брошюру же эту надо было распространять. Откуда-то был взят список туристических агентств России – и вот мы далее занимались подготовкой к отправке, надписывая конверты и засовывая в них брошюры. Часть брошюр была отправлена по почте непосредственно из Лос Анджелеса, большая же часть была передана приезжающим знакомым и родственникам с просьбой отправить из Москвы (наверное, так нам казалось надежнее). В общем, как мне помнится, было отправлено не менее 150-200 писем.

Так постепенно завязывались контакты, начиналась переписка, и даже стал кое-кто приезжать. В это время Рина решила нашим хозяевам сообщить о том, что у нас появилось, так сказать, агентство в агентстве, и в результате этих переговоров, Рина была введена в состав корпорации нашего агентства. Позже туда была введена и Регина.

Итак, стали приезжать люди, причем преимущественно с Дальнего Востока, и казалось, что наша работа наконец-то начинает приносить свои плоды, как вдруг произошел этот банковский дефолт в России, и это наше прекрасное начинание стало довольно быстро вянуть. Хотя переписка и длилась кое-как, однако после августа 1998 года почти что никто и не приехал к нам из России вот по этой нашей брошюре.

И вскоре мы стали браться за разработку нашего другого проекта – а именно за туры за рубеж для русскоязычных американцев.

31. Подготовка экскурсий

Примерно в это же время, то есть во время работы над брошюрой, или же немного пораньше, и относится и экскурсионный период в моей жизни.

В нашей будущей туристической компании Рине, естественно, отводилась ведущая роль – наверное, потому, что у нее и в России был туристический бизнес, и довольно успешный, и, конечно, за эти ее заслуги я к ней относилась с большим почтением, как к человеку, который знает, что делать, как и когда. И ко всему тому меня интересовали более не вопросы руководства, а воплощения идей в жизнь.

Одной из идей – вполне, однако, лежащей на поверхности – была идея подготовиться к проведению экскурсий. Рина кинула клич мне и Регине – и мы радостно стали готовить обзорную экскурсию по Лос Анджелесу. Это было интересное время и интересное занятие. Было прочитано мной невероятное количество книг в различных библиотеках в окрестности – и в Беверли Хиллс, и в Санта Монике, и в Лос Анджелесе. Разные книги – от самых старых до новейших.

Не только прочитать книги надо было – но и изъездить город вдоль и поперек. Помню себя бродившей по улицам Даунтауна, едущей на машине по извилистым улочкам Беверли Хиллс, сидящей на крутом океанском берегу в Санта Монике, и размышляющей, где же находится тот знаменитый Санта Моника каньон.

Я в свое время много гуляла и по Москве, по улицам, вместе с книжкой Сытина “Из истории московских улиц”, так что мне это занятие было не только знакомо, но и очень интересно. Конечно, страна молодая – всего 250 лет, а городу – и того меньше, чуть за 200 перевалило. По сравнению с европейской историей – младенец! И даже в самой Америке – один из самых молодых городов. На востоке страны уже прогремели пушки войны за независимость, уже была написана декларация независимости, а здесь еще ничего нет. И только в провинции Сонома в Новой Испании стали собираться в путь пилигримы для исполнения своей исторической миссии – для того, чтобы основать этот город, в южной Калифорнии, в месте, куда губернатор штата Филиппе де Неве ткнул пальцем: “Здесь будет город заложен!”

На месте первого города – стела на площади у улицы Оливера. Там же – и поименный список этих людей, и их расовый состав. Испанцев (т.е. белых) – всего двое; остальные – либо черные, либо метисы. А в парке напротив Павильона Дороти Чандлер на стене висит барельеф – где и показан весь маршрут этих пилигримов. Пешком по суше, потом – по морю, потом – опять по суше, по Калифорнийскому полуострову, дальше на север, пока они не достигли этой самой точки на берегу реки Лос Анджелес.

Итак, страна молодая, город молодой – так ничего удивительного, что история для него делится не на столетия или десятки лет, а – попросту – на годы, на месяцы, а иногда даже – и на дни.

История Лос Анджелеса не может обойтись без рассказа о Голливуде. Без кино нет Голливуда, без Голливуда нет Лос Анджелеса.

Считается, что американское кино родилось в Голливуде, однако это не совсем так, а точнее, совсем не так. В действительности, оно родилось в Европе, а еще точнее – в восточной Европе и, в частности, в России.

Откуда же пришли они, эти люди, которым было суждено возглавить американскую киноиндустрию? Сэм Голдвин, Льюис Майер, Вильям Фокс, братья Ворнеры... Да, они все родились в еврейских местечках в самом конце 19-го века, точнее, в 1870-х – 1880х годах. Мейер – из Минска, Цукор и Фокс – из Венгрии, братья Ворнеры родились в Красносельце в Польше, тогда бывшей частью Российской империи, а Сэм Голдвин – из Варшавы... И у меня такое ощущение, что это были люди, которых бы могла знать и я, ну хотя бы мои предки – ведь они все тоже оттуда...

Я люблю этот чудесный домик напротив входа в Голливуд Боул, который называется почему-то сараем, или конюшней. Кажется, все же, часть его занимала конюшня, и лошади стояли в непосредственной близости от Сесилия Де Милле, когда он сидел за столом и проявлял свои пленки. Этот домик все же сохранили, он оригинальной постройки, а раньше он стоял на углу улиц Вайн и Селма – там, где сейчас здание банка, ну а позже его перенесли на нынешнее место.

А до того, как приехать в Голливуд, были поиски природы для нового фильма в Аризоне, и Флагстафф, где Сесилию де Милле не понравилось, и, наконец – Голливуд. Как будто они приехали в рай – и погода, и аромат апельсиновых рощ, и зеленые пальмы, и – снега гор Сан Габриэль... Тут же была отправлена судьбоносная телеграмма коллегам: “Флагстафф нам не годится, доехали до Калифорнии. Прошу разрешения снять сарай в местечке Голливуд за \$75 в месяц.”

Да, это началось именно так, и первый полнометражный фильм Голливуда назывался: “Белый мужчина, муж индианки”.

Знаменитые имена артистов, известных мне с детства – забавно, из книги А. Рыбакова “Кортик”. Герои повести, советские пионеры, подростки двадцатых годов, смотрели в кино на Арбате американские фильмы с участием Дугласа Фербанкса и Мэри Пикфорд. И поэтому мне, конечно, они казались давними и хорошими знакомыми. Их дом на повороте одной из узких улиц на вершине холма так и назывался Pickfair, составленный из первых слогов их фамилий.

Беверли Хиллс считался как бы дачным местом для суетливого промышленного Голливуда, да и тут они забрались на самую его окраину. Этот уединенный уголок они выбрали неспроста: они опасались предать огласке свой роман и разрыв с прежними супругами, опасаясь неудовольствия публики – ведь публика может и не пощадить, как и произошло совсем недавно с другой звездной парой, чья карьера была безвозвратно разрушена. Ах, чего только не бывает в мире кино! Однако эта публика – безжалостная к другим – все же сумела все простить своим кумирам, даже и незаконную страсть; и на долгие годы Мэри Пикфорд оставалась “американской любовью”.

Интересна история об идее создания отпечатков на бетоне около Китайского театра. Я прочитала ее в одной из книжек в библиотеке Беверли Хиллс, и более нигде не видела, да и книги той больше и не нашла. Но эта версия отличается от других, обычно представляемых в прессе.

Написана она была со слов последнего мужа актрисы, с которым она прожила после разрыва с Фербанксом 40 долгих лет до самой смерти. Мэри ему рассказала, что как-то сидела она во дворе своего дома в Беверли Хиллс, и ее любимая собачка по кличке Зорро (по имени героя фильма, которого играл Дуглас Фербанкс) вдруг пробежала по свежеделанной бетонной дорожке, где работали мастера. Лапки отпечатались на бетоне. “Ах, Зорро, что же ты наделал! – воскликнула Мэри, вначале огорченная. – Но нет, ничего – ведь ты же теперь навсегда останешься со мной!” И тут она потянулась к телефону, звоня Сиду Грауману: “Сид, у меня идея!” Вот эта-то идея и воплотилась во все эти знаменитые бетонные плиты у Китайского театра, где мы видим – поверх и прежде всего – туфельки Мэри и ботфорты Дугласа.

Сид был знаменитый продюсер, который строил кино. Первым его кинотеатром был Миллион-Доллар театр в Даунтауне, на Бродвее; потом был построен Египетский театр на Голливуд-бульваре. Этот театр предполагалось строить в каком-то ином стиле, однако как раз в то время была найдена мумия Тутанхамона, и потому – на гребне популярности Египта – и театр был построен в египетском стиле. Следующий театр – это Китайский.

Я видела фотографии Сида в Рузвельт-отеле, как раз напротив китайского театра – там на галерее второго этажа была одно время экспозиция, посвященная кино, его началу. И мы видим там огромные сияющие глаза Сида, когда он, стоя на коленях, делал на бетоне отпечаток ножки Мэри.

32. Европейские и другие туры

Ну, а кроме экскурсий – наконец-то! – мы стали создавать европейские туры, что я уже давно предлагала Рине, но она почему-то медлила в это включаться. Мой энтузиазм был неиссякаем. Неудачи с российскими группами меня не испугали. Я не сожалела ни о потерянном времени, ни о потерянных усилиях. Я считала, что мы-таки сможем добиться успеха. Надо только не унывать – и продолжать работать.

А работа должна была состоять на этот раз в том, чтобы поехать в Европу самим и посмотреть на все эти Лондоны и Парижи, завязать контакты с местными агентствами, да и начать засылать туда людей.

Так что же – так мы и сделали, и весной 1999 года мы с Риной отправились в Европу. Маршрут был таков: Лондон, Париж, Амстердам, Прага и Карловы Вары. Нагруженные брошюрами, подарками и собственными вещами, мы тронулись в путь.

Да, конечно, экскурсия по Лондону – вставание в 7 утра как полное безумие после бессонной послеперелетной ночи. Да, конечно, помню Святого Павла, и театр Глобус – через реку от него, дворцы и парки; знаменитый Британский музей; о котором так много читала, национальная Галерея, Музей мадам Тюссо – самый первый из музеев восковых фигур. И прелестный маленький музейчик Шерлока Холмса – в двух шагах от музея мадам Тюссо. Очень много россиян было в Лондоне – группами; индивидуалами, как угодно – в музеях, в метро, в знаменитом Хэрродсе – где только можно вообразить. Встречались мы и с представителями русскоязычных туркомпаний – завязывая контакты, так сказать. Ездили мы и на их знаменитое представление Бифитер – на деле не слишком артистичное шоу в каком-то кабаке, где и поесть нам как следует не удалось.

Всего мы там были 3 дня – много ли можно успеть, однако старались, как могли. А потом – отправились на вокзал Ватерлоо, на поезд – чтобы самим, наконец, быть участниками этого переезда под водой на континент. Однако путешествие под водой на самом деле было настолько коротким – наверное, минут всего 10 – 15 за весь трехчасовой путь, что я даже не была уверена, переехали ли мы Ла Манш или нет. Только внимательный взгляд на дорогу – и правостороннее движение по ней – показал нам, что мы-таки находимся уже во Франции.

Прекрасный Париж, наш довольно скромный отель на Монмартре, неподалеку от собора Священное Сердце на горе. И пешая прогулка к центру города – все не так уж далеко. А поутру нас встретил Кирилл – гид, с которым мы договорились еще в Лос Анджелесе об экскурсии, и уж он-таки показал нам Париж! Но самое прекрасное место, куда нам удалось попасть – это было кладбище Сен Женеьев де Буа. Это кладбище заслуживает отдельной книги, и, конечно, уже и не одна написана; я бы хотела отослать читателя к любимому моему писателю Борису Носику и к его книге “На погосте XX века”.

Двухдневный заезд в Амстердам, наслаждение тюльпанами и ветряными мельницами, а затем – Прага, “матерь городов славянских”. Мы бы сумели увидеть величие Праги лучше, если бы мы приехали туда из Москвы. Но мы приехали из Амстердама, где моют тротуары с мылом и пылесосят их, поэтому по сравнению с Амстердамом Прага показалась нам пыльной и грязной – как бывает в Москве после таяния снега, в апреле, пока весенние грозы не смоют всю зимнюю грязь.

И Карловы Вары – одно из главных мест туризма для русскоязычных американцев. Прелестный маленький городок, как перламутровая раковинка лежащий уютно на бархате зеленых гор. Город заполнен русскими – со всех концов света – из Америки, из Израиля и, конечно, из России. Только и слышна русская речь. Я вспоминала времена, когда в так называемых социалистических странах люди, даже говорящие по-русски, на какой-нибудь вопрос отвечали: “По русски не говорю!”. А сейчас – вполне говорят, да еще и извиняются, что плохо говорят по-русски. Истинно, мир перевернулся!

...Наше путешествие длилось более 2-х недель. С огромным багажом впечатлений, с обилием брошюр, листовок, разнообразных материалов, мы вернулись домой. Предстояла большая работа. Надо было спешить – лето было на пороге.

Я занималась расписанием поездок, их расценками и описаниями. Надо было туры назвать, просчитать, описать по дням, дать общее описание, составить объявления в газетах, создать описания для листовок. Все это я и делала. Придумывались красивые названия: “Английский чай”. “Лондон в мае”. “От собора Св. Павла до собора Парижской Богоматери” (это тур Лондон-Париж). “Путешествие в страну тюльпанов” (это Амстердам). “Королевская Франция” (это – Париж и замки Луары плюс поездка в Реймс). “К Лазурному берегу” (это – французская Ривьера и Париж). “Французская симфония” (это, по-моему, объединение Королевской Франции и к Лазурному берегу). “Париж и импрессионисты”.

Также расписывались изю всех сил Карловы Вары, и на каждый тур я делала – кроме основного расписания и описания – еще укороченное, которое прилагалось к нашему объявлению в газете. В общем, работы хватало с избытком.

Да, конечно, к тому лету мы не успели, да и не могли успеть набрать группу, так как времени на самом деле никакого не оставалось. Наверное, первая группа поехала в сентябре-октябре. Однако, на мой взгляд, отклик на такую большую работу не был достаточно адекватен, и тут я призадумалась. Времени потрачено было много. Денег – тоже. Далее – все описания, расписания и прочее. А результат? Где он? После всей этой работы – одна группа во Францию! Мне казалось, что люди будут ломиться на наши туры, будут восхищаться их интересностью, но ничего этого не было. Я, к примеру, могла по тридцать-сорок минут разговаривать с человеком, рассказывая о туре, но это все было впустую, то есть не приносило результата, каковым являясь, конечно же, покупка тура.

Постепенно (а впрочем, это уже произошло достаточно быстро) стала задумываться о каком-либо другом пути приложения своих сил.

Обмолвлюсь тут я, что позже еще была пара-тройка групп, причем одну удалось сделать в Испанию – которую опять же расписывала и описывала я – но это было позже, и меня уже никак не трогало.

И тут даже как-то вдруг Рина обмолвилась: “Надо бы другой бизнес открыть... Ну, например, автоматы для продажи чего-нибудь” – “Другой? – удивилась я про себя. А что с этим? А если они этот бизнес закроют? А я что буду делать?” Тут же мне представилась картинка, как это я среди ночи загружаю автоматы банками с кока-колой – ну да, я еще почему-то полагала, что и этот бизнес мы будем делать вместе, а поскольку Рина практически не водила машину, я и представила, что загрузку автоматов поручат именно мне – ровно так же, как и все работы по агентству, связанные с перевозками.

Перспектива повергла меня в ужас...

33. Тестирование программ и база данных Оракл

Как я написала в предыдущей главе, меня действительно ужаснула воображаемая сцена – как я глубоким вечером загружаю автоматы для продажи. Тут я стала думать о своих рабочих перспективах уже вне агентства, самостоятельно. *(Наконец-то! Но лучше уж поздно, чем никогда!)*

В это время (впрочем, и несколько раньше) начался бум по созданию различных дот-ком компаний, и возникла необходимость в большом количестве тестировщиков программ. Объявления в русских газетах, открывающиеся курсы в школах. Это все, разумеется, было интересно, но опять-таки я считала, что это не для меня, – и разумеется, из-за возраста. Ну да, конечно, мне было уже под 60...

Но тут как-то оказалось, что один из приятелей моего сына работает именно тестировщиком, мало того – в Сан Диего, куда уезжает на неделю и живет в мотеле. Но вместе с ним на пару работает его однокашник, и тому-то лет очень немало, чуть ли не мне ровесник. Это сообщение, наконец, заставило меня приободриться. Может, и у меня есть шанс?

В школе мне учиться не хотелось – как всегда, там напихивают все, что нужно и что не нужно, как было, к примеру, в моей школе путешествий. В школу я-таки пошла, переговорила с кем надо, а также и с преподавателем по имени Алекс. А позже я решила, что мне надо вместо школы взять частные уроки у того же Алекса для ускорения всего процесса. Так и было сделано, и так я этот процесс тестирования как бы и выучила. У меня и сейчас лежат эти тетрадки, и при случае – когда вдруг где-то мне кажется, что есть вакансия – я их открываю и освежаю в памяти термины. Даже даю иногда друзьям в сходных ситуациях.

Я все так же работала в агентстве, а пару вечеров в неделю встречалась с Алексом, и так с ним и шла по пути познания. Долго рассказывать не имеет смысла, дальше надо было писать резюме и устраиваться, и – разумеется – надо было создать свой рабочий имидж, т.е. написать в резюме компании, в которых якобы работала (не работу же трэвел-агента расписывать!), в общем, была такая необходимая рутинная работа писания резюме по несуществующим для меня работам и с вымышленными же обязанностями. Все эти обязанности я, естественно, хорошо представляла и без сомнения хорошо бы справилась и со своими будущими рабочими обязанностями.

По-хорошему, надо было бы бросить работу, и посвятить все время поиску новой, однако я почему-то боялась это сделать, желая хотя бы удержать в руках ту синичку, которую уже имею.

Попутно – или это уже было позже? – я еще брала несколько уроков у некоторых предприимчивых людей, которые и сами только-только выбрались на широкую дорогу тестирования, однако кой-какие рекомендации мне удавалось получить. (Впрочем, замечу в скобках, в дальнейшем я тоже давала объявления об уроках по тестированию и SQL.) Проблема для меня лично была вот именно в том, что в резюме не было правды, и мне всегда казалось, что мой интервьюер это может почувствовать по моим ответам или по моему поведению. Так мне думалось, и, возможно, так оно и было, и вот эти дополнительные уроки и советы мне помогали приобрести уверенность). Однако ведь это же такая несложная работа, и в при моем образовании (ну, кандидатскую степень я, разумеется, опускала), смешно мне было бы с ней не справиться.

В общем, интервью были, в основном, с агентствами, так как тестировщики были весьма востребованы, но предложения на работу я все никак не получала. Однако в один прекрасный день мне предложили выйти на работу буквально на следующий день. Да, конечно, я согласилась, тут же объявила об этом своим начальницам, и на следующий день отправилась на работу.

Вечером проверила на компьютере маршрут и расстояние до работы, так как я сильно подозревала, что это действительно где-то весьма неблизко к Лос Анджелесу. Какое-то Алисо Вьехо... Да, так оно и оказалось – надо было ехать 52 мили. Для сравнения скажу, что когда я ездила в Мур Парк на работу чертежника, мой путь составлял 47 миль. В общем, это было практически то же. И мне по моей судьбе не дано никогда было работать близко от дома. Все как минимум 20-25 миль, а в Москве – не меньше часу дороги, а то и больше.

Ну вот, выезжала я, и ехала долго по бульвару до скоростной дороги номер 405. А там уже у меня были свои вешки – вот аэропорт, вот Торранс, там, где домик с башенкой с часами, а вот уже 110 дорога идет на юг, к Сан Педро, а вот следующая дорога, 710-я, в Лонг Бич, и пока еще движение довольно свободное. Но вот подъезжаю к дороге под номером 605, и вот тут начинается. Машина еле ползет – почему, не знаю! Проезжаю Ньюпорт Бич, здесь мой сын Тема какое-то время назад работал инженером в Боинге, проектировал солнечные батареи. Да, это все откладывается на моих дорожных впечатлениях.

Еду дальше, там уже Ирвайн, это вообще графство Орандж, Апельсиновое графство, ползем еле-еле, но вот счастливый знак: скоро поворот на дорогу номер 73! Это то, что мне нужно, и она платная, и потому на ней совершенно свободно в эти утренние часы. С наслаждением лечу последние 10 миль.

Ну, а обратно все было в обратном порядке, и тоже движение было все такое же плохое, так что путь занимал у меня часа полтора. У меня было впечатление в те дни, что я просто живу на дорогах, и когда в выходные я проезжала мимо скоростных магистралей, зеленые щиты с белыми надписями меня так манили, что мне было даже трудно удержаться, чтобы туда не свернуть.

Платили там неплохо, стандартную цену для тестировщика, и я была весьма довольна, однако, к сожалению эта работа весьма быстро закончилась – недели через три. Впрочем, так часто бывает, согласно и моему личному опыту, и опыту некоторых моих друзей: берут на короткое время, на аврал, а когда дело сделано, то тут и увольняют. Одна моя подруга даже отказалась от уже купленной поездки на Гавайи, пошла на работу, куда ее взяли, а через пару недель и уволили.

Однако при этом я уже приобрела некоторый опыт, и мне на интервью стало полегче. И вот тут мне опять улыбнулась удача – стала я работать в одном из дот-комов “Стампс.ком”. “Марки” то есть. Там я поработала месяца два, стали ползти по Калифорнии слухи, что дот-комы не могут устоять, и что их дела не так уж хороши, но я, разумеется, этих сведений на свой счет никак не принимала. А надо бы, хоть и пользы от этого никакой. В общем, из этой компании “Марки” в одночасье уволили 250 человек, и меня в том числе.

Были у меня еще несколько интервью, вполне серьезных, иногда на несколько часов, однако на работу меня не приглашали. А тут-то я решила, что мне уже пора заняться Оракллом, что

за год до меня сделали некоторые мои знакомые (однако помоложе они были, чем я). Другими словами, приходилось улучшать и улучшать себя до бесконечности, чтобы каким-то образом догнать этот компьютерный поезд и вскочить ему на подножку!

Сказано – сделано! Чтобы не быть многословной, скажу только, что я очень основательно выучила Оракл, всю эту систему по управления базами данных, очень хорошо знала PL/SQL, все хотела совершенствоваться, взяла класс Джавы (ха-ха, поскольку в требованиях к позиции тестировщика почему-то ставили весьма часто знание Джавы), кроме того, взяла в колледже и повышенный курс Оракла. В общем, училась я хорошо, но на работу устраивалась – плохо. Уж не говоря о том, что в то самое время дот-ком компании действительно стали резко сокращать свою активность, и на Оракл девелопера у меня было всего одно интервью. В общем, тот самый поезд ждать меня никак не хотел и не притормозил ни на минутку, а умчался вдаль...

Впрочем, если бы меня кто-то привел за руку, конечно, я с работой вполне бы справилась. Такие хорошие и вполне сказочные (т.е. мне они представляются волшебной сказкой!) примеры мне доподлинно известны, когда отсутствие некоторых знаний вовсе не являлось препятствием для того, чтобы принять человека на некую должность.

И вот тут, уже заканчивая этот мой труд, могу снова вернуться к началу книги, к вопросу, который был задан мной самой себе в самом начале: “Так как же устроиться на работу в Америке?” И вот сейчас, спустя годы, на основании всего своего опыта, своих впечатлений и своих воспоминаний, я могу ответить на этот вопрос ровно так же, как я ответила в самом начале этой книги. Вернитесь же к началу и перечитайте нужную главу!

Заключение

В итоге я все-таки работаю, и уже давно – конечно, не так, как бы мне хотелось – но и это неплохо: секретарем в одном из крупных предприятий Лос Анджелеса. А в свободное время, так сказать, для души – занимаюсь Веб Дизайном. (Увы! Пока ничего на этом поприще не заработала.) Но вот можно заглянуть на мой сайт: www.olgafotinich.com.

- – А резюме? – спросите вы меня.
- – Да! – отвечу я.
- – А знакомые?
- – Ну да, конечно!
-

Но срок давности еще не прошел...

... ”Что было, что будет, чем сердце успокоится...”

Я никогда не гадала. Знаю сама, что было, а о том, что будет – знать не могу. Успокоилось ли сердце? – Нет! Наверное, никогда ему не успокоиться, как никогда и надежде не покинуть его.

А пока я благодарна судьбе, благодарна жизни – ведь жизнь действительно удивительно прекрасна!

Я печалилась, радовалась, страдала – и боролась. Я узнала много о себе – о своем оптимизме, настойчивости, стойкости, наконец. Еще бы удачи мне немножко! Как написал мой друг, профессор Владимир Фридман в своей песне:

А только пусть хоть иногда
Нам надувал бы паруса
Попутный ветер,
Попутный ветер!

Так вот я и себе бы пожелала побольше попутного ветра.

И жизнь продолжается. И здесь у меня родилась внучка. И ей, рожденной в Лос Анджелесе, я пою ту же самую колыбельную, которую мне, рожденной в Москве, пела моя бабушка, рожденная на западной окраине Российской Империи. Жизнь продолжается, выйдя на новый виток своей бесконечной спирали, и она – прекрасна!